ИГ221
Б379

БЕККАРІЯ

РАЗСУЖДЕНІЕ
О
ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ
И
НАКАЗАНІЯХЪ.

Переведено

съ Итальянскаго языка на Французской

Андреемъ Морелле томъ,

а съ онаго на Россійской

Дмитріемъ Языковымъ.

Съ присовокупленіемъ примѣчаній Дидерота и переписки сочинителя съ Морелле томъ.

Печатано по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Губернскомъ Правленіи 1803.

2 экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИГ221
Б379 Р

ИИ

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
Ц. Р. К.

~~3476~~ 30486у
~~29~~

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Мужъ, осмѣлившейся первой воздвигнуть гласъ свой противу предразсудковъ, терзавшихъ человѣчество, безъ страха можетъ явиться къ Престолу ТВОЕМУ, ибо кроткое и человѣколюбивое сердце ТВОЕ приметъ его въ свое покровительство.

Я дерзнулъ украсить переводъ мой Имянемъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Примите его какъ слабой знакъ приверженности и любви моей къ Отечеству.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Дмитрій Языковъ.

ИЗВѢСТІЕ

Французскаго издателя.

Новое изданїе, теперь нами выдаваемое, здѣлано по переводу Андрея Мореллета, *напечатанному въ первой разъ въ* 1766. *году, въ Парижѣ, подъ названїемъ* Филадельфіи, *но со многими ошибками, которыя мы изправили. Онъ переводилъ съ третьяго изданїя, пересмотреннаго, изправленнаго и умноженнаго сочинителемъ и съ прибавленїй, присланныхъ отъ него же переводчику, которыя послѣ уже вышли на Италїянскомъ языкѣ. Мы предпочли переводъ* Андрея Мореллета *другимъ, здѣланнымъ съ Италїянскихъ послѣднихъ изданїй и имѣемъ на сїе многїя причины.* 1*е что онъ содержитъ въ себѣ тоже, что и послѣдующїя изданїя;* 2*е, что*

Андрей Мореллетъ, *какъ намъ кажется, зналъ лучше медленныхъ своихъ совмѣстниковъ, не только Италiянской, но и законодательной и философической языкъ* Беккарiя; *3 е, что сдѣланной имъ порядокъ различныхъ частей сочиненiя, гораздо правильнѣе, нежели въ подлинникѣ, что признано и самимъ сочинителемъ, какъ увидятъ изъ ихъ переписки; 4 е, что замѣчанiя* Дидерота, *которыхъ подлинникъ, писанный собственною его рукою, находится у насъ, относятся всѣ къ изданiю* Андрея Мореллета, *для коего онъ писалъ и дружествц котораго мы онымu обязаны.*

Семцже послѣднемц обязаны мы и перепискою его съ Беккарiемъ, *которая нигдѣ еще не*

была напечатана, она показываетъ ревность и цсердїе, съ коими многїе славные люди, терзаемые теперь клеветою, старались о разпространенїи полезныхъ идей, разсѣянныхъ въ РАЗСУЖДЕНІИ О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

РЁДЕРЕРЪ.

23 Жерминаля
V года.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Французскаго переводчика.

Изъ всѣхъ человѣческихъ познаній, важнѣйшія безъ сомнѣнія суть тѣ, которыя показываютъ намъ способъ доставлять обществамъ щастіе, то есть разливать блаженство на величайшее число людей.

Соединенные въ общество люди, не могутъ иначе быть щастливы, какъ посредствомъ хорошихъ законовъ. Власть законовъ должна поддерживаться наказаніями, опредѣляемыми нарушителямъ оныхъ; отъ сего уголовное законовѣденіе здѣлалось важнѣйшею частію всякаго законоположенія.

Уголовное законовѣденїе долженствовало быть, какъ и вся система законоположенїя, болѣе или менѣе совершеннымъ въ разныхъ народахъ и въ каждомъ народѣ въ разныя времена, смотря на степень невѣжества или просвѣщенїя, варварства или людкости каждаго вѣка и каждой земли.

Очень нелѣпо думать, что уголовное законовѣденїе какого нибудь народа, достигло до степени совершенства, до котораго оно достигнуть можетъ. Наука правленїя и всѣ части оной, представляютъ уму человѣческому затрудненїя гораздо величайшїя, нежели науки отвлечен-

нѣйшїя и высочайшїя. Какой нибудь народъ можетъ здѣлать величайшїе успѣхи въ изученїи математики, астрономїи, мореплаванїя, механики и художествъ всякаго рода, и быть еще нещастнымъ или не такъ щастливымъ, какъ бы быть могъ; и сїе нещастїе или сей меньшей степень щастїя, будетъ всегда дѣйствїемъ несовершенства его законовъ.

Отъ сего произтекаетъ необходимость безпрестанно трудиться надъ усовершенствованїемъ законоположенїя, и, отъ неоспоримаго слѣдствїя, необходимость безпрестанно разсматривать сїи важные вопросы, которые

не могутъ иначе объяснить-ся, какъ разностїю частныхъ мнѣнїй, и рѣшиться безпрекословною властїю общаго мнѣнїя.

Вотъ важнѣйшая причина, которая принудила насъ издать на нашемъ языкѣ Италіянское сочиненїе de' delitti e delle pene; намъ кажется, что оно исполнено глубокими и истинными познаніями. Но еслибы сочинитель и не имѣлъ инаго достоинства, кромѣ того что возбудилъ вниманїе своего отечества и цѣлой Европы на предметъ толикой важности, еслибы даже нѣкоторую часть его мнѣнїй можно было опровергнуть и отбросить, то не-

взирая на это, обязаны ему благодарностїю, которую заслуживаютъ люди, споспѣшествующїе разпространенїю просвѣщенїя и блаженству рода человѣческаго.

Въ предисловїи своемъ желаетъ онъ возбудить въ сердцахъ *сїе приятное трепетанїе, которымъ души чувствительныя отвѣчаютъ на гласъ защитника человѣчества.* Желанїе его исполнилось! Любовь къ человѣчеству и нѣжная чувствительность, царствующїя во всемъ его твореніи и блистающїя во многихъ мѣстахъ пламенными чертами, приводятъ въ движенїе душу его читателей. Мы сами это испытали и напрягли всѣ

силы, что бы передать оное тѣмъ, которые будутъ читать переводъ нашъ, и сохранить въ немъ трогательной и чувствительной слогъ подлинника. Вотъ настоящій способъ разсуждать о нравоученіи, а особливо общественномъ. Горе людямъ хладнымъ, могущимъ безъ возхищенія говорить о пользѣ человѣчества, если только возхищеніе сіе не вредитъ основательности причинъ, и чтобы, предаваясь движенію обольщающаго краснорѣчія, не совратиться съ пути истинны.

Намъ кажется, что въ этомъ и состоитъ достоинство нашего сочинителя:

онъ соединилъ силу разсуж-
денія съ жаромъ чувствія.
Но жаръ сей иногда прину-
ждаетъ его выпускать изъ
виду естественнѣйшій поря-
докъ и препятствуетъ ему
вести своихъ читателей лег-
чайшею стезею къ истин-
намъ, которымъ онъ обу-
чаетъ.

Важность и самое суще-
ство предмета заставили
насъ думать, что возста-
новя, если можно не ослабѣ-
вая подлинника, а простымъ
перемѣщеніемъ главъ, или
частей главъ, нарушенный
порядокъ, здѣлаемъ мы сочи-
неніе гораздо полезнѣе для
нашего народа, доставя ему
видъ, сходственнѣе съ тѣмъ,

къ которому мы привыкли; и на сіе имѣли мы право, ибо книга, въ которой съ такимъ краснорѣчіемъ защищается дѣло человѣчества, принадлежитъ свѣту и всѣмъ народамъ. Мы надѣялись, что и самъ сочинитель проститъ сію вольность, или лучше, мы въ немъ забыли сочинителя, а видѣли только Генія и друга человѣчества, и положились на снизхожденіе одного и благодарность другаго.

Мы покажемъ главныя перемѣны, здѣланныя нами въ разпредѣленіи сочиненія. Подробность сія показалась намъ нужною, какъ для самаго сочинителя, если онъ здѣлаетъ намъ честь взять на судъ

свой трудъ нашъ, такъ и для всѣхъ тѣхъ, которымъ вздумается сличить переводъ съ подлинникомъ и которые не могутъ отыскать мѣстъ, относящихся другъ къ другу, если мы оныхъ имъ не покажемъ.

§ I. *Введеніе и начертаніе сочиненія.* Глава сія въ подлинникѣ кончится на 6. страницѣ. Мы къ ней присоединили отрывокъ изъ VIII гл. на Италіянскомъ, гдѣ сочинитель показываетъ общей путь, которому онъ слѣдовалъ, и которой начинается сими словами: *дабы здѣлать порядокъ и пр.*, и еще изъ IX, гдѣ сочинитель означаетъ главные вопросы, о которыхъ разсуждаетъ, и причины, его

къ сему побуждающія. Намъ показалось, что оба сіи мѣста принадлежатъ къ введенію.

§ II. *О началѣ наказаній и основаніи права наказывать.* Въ сей параграфъ вмѣстили мы все то, что въ подлинникѣ занимаетъ двѣ главы съ ряду и здѣлали нѣкоторыя легкія перемѣны. Главная состоитъ въ томъ, что мы перенесли въ примѣчаніе разсужденіе сочинителя о смыслѣ словъ *право и правосудіе*, которое, показалось намъ, прерываетъ связь рѣчи.

§ III, IV и V; въ нихъ соблюли мы одинакой порядокъ съ подлинникомъ.

§§ *О тюремномъ заточеніи, о признакахъ и образѣ сужденія, о свидѣтеляхъ, о тайныхъ обвиненіяхъ, о допросѣ, о присягѣ, о пыткѣ, о времени слѣдствія, о начатыхъ, но неконченныхъ преступленіяхъ и о соумышленникахъ,* относясь всѣ къ производству дѣла и къ средствамъ открывать и обнаруживать преступленіе, по чему и показалось намъ, что должно помѣстить ихъ прежде нѣкоторыхъ другихъ главъ, предшествовавшихъ имъ въ подлинникѣ. Мы думали, что гораздо естественнѣе начать касающимся до производства дѣла прежде разсужденія о преступленіяхъ вообще и о всякомъ родѣ преступленія въ особенности. Мы

подробнѣе покажемъ перемѣны, нами здѣланныя.

§ VI. *О тюремномъ заточеніи* есть § XXVIII въ подлинникѣ, изъ котораго мы отняли: 1, касающееся до вопроса права общественнаго: *преступленіе, здѣланное въ какомъ нибудь политическомъ обществѣ, можетъ ли наказываться въ другомъ обществѣ?* — Вопросъ, показавшейся намъ непринадлежащимъ къ главѣ della cattura, а естественнѣе къ главѣ *о убѣжищахъ отъ наказанія*, которая составляетъ § XXI нашего перевода; онъ начинается сими словами: *нѣкоторые люди илр.* — 2, Отрывокъ, принадлежащей до того, чтобы наказаніе дѣлалось

явно, начинающейся сими словами: *ц многихъ народовъ илр.*, которой найдутъ въ нашей XIX гл. — 3, Отрывокъ, касающейся до неизбѣжности наказанія, помѣщенной нами въ нашу XX гл., и начинающейся такъ: *цногда въ легкихъ престцлленіяхъ илр.*

§ VII. *О признакахъ и образъ сужденія.* Глава сія въ подлинникѣ составляетъ XIV; мы ее только перемѣстили.

§ VIII. *О свидѣтеляхъ.* Глава сія есть XIII на Италіянскомъ. Мы въ нее помѣстили отрывокъ, касающейся до свидѣтельства преступника уже обвиненнаго, которое отвергается законами. Мѣсто сіе, начинающееся

сими словами: *между злоупотребленїями и пр.*, взято изъ XXXVII гл. Италїянскаго, называющейся: interrogazione suggestive, deposizioni.

§ IX. *О тайныхъ обвиненїяхъ.* XV въ подлинникѣ.

§ X. *О пристрастныхъ допросахъ.* XXXVII въ подлинникѣ, изъ которой взяли мы касающееся до свидѣтельства и помѣстили, какъ видѣли, въ VIII гл.

§ XI. *О присягѣ.* XVII въ подлинникѣ.

§ XII. *О пыткѣ.* Она составляетъ XVI на Италїянскомъ. Въ порядкѣ главы сей здѣлали мы нѣкоторыя пе-

ремѣщенїя, которыя увидѣть не трудно, и которыя показались намъ нужными для сближенїя разсужденїй, долженствующихъ быть связанными.

§ XIII. *О времени изслѣдованїя дѣла.* XXIX въ подлинникѣ. Въ нее помѣстили мы отрывокъ изъ XXX гл. на Италїянскомъ, относящїйся ко времени, которое дается для защищенїя, и къ изслѣдованїю преступленїй, трудныхъ обнаружить, и которой, какъ намъ показалось, принадлежитъ къ сей же XIII гл. Онъ начинается сими словами: *есть еще нѣкоторыя преступленїя ипр.*

§ XIV. *О начатыхъ, но не конченныхъ преступленіяхъ и о соучастникахъ.* Глава сія есть XXXVI въ подлинникѣ.

Послѣ касающагося до производства дѣла и до средствъ, употребляемыхъ уголовнымъ судопроизводствомъ къ открытію и обнаруженію преступленій, показалось намъ, что должно помѣстить изъ сочиненія тѣ главы, которыя относятся къ наказанію вообще и въ особенности, что здѣлали мы слѣдующимъ порядкомъ.

§ XV. *О кротости въ наказаніяхъ.* Глава сія есть XXVI на Италіянскомъ. Мы начали оную цѣлою XII главою подлин-

ника, которая въ немъ называется fine delle pene. Мѣсто сїе, какъ увидятъ, служитъ естественнымъ введенїемъ въ главу *о кротости въ наказанїяхъ*. Я здѣлалъ нѣкоторыя перемѣщенїя въ порядкѣ частей сей главы, окончавъ оную разсужденїемъ, находящимся въ послѣдней главѣ на Италїянскомъ: *О постепенномъ уменьшенїи жестокости въ наказанїяхъ, по мѣрѣ уменьшенїя варварства въ народахъ.*

§ XVI. *О смертной казни.* XXVII въ подлинникѣ.

§ XVII. *О изгнанїи и описи въ казну имѣнїя.* XXIV въ подлинникѣ; но начало взято изъ XXIII на Италїянскомъ, называющейся: Oziosi, и очень

замѣтно, что оно стояло не у мѣста въ подлинникѣ.

§ XVIII. *О наказаніи безчестіемъ.* XXII въ подлинникѣ.

§ XIX. *О томъ, что наказанію должно быть скорому, сходному съ преступленіемъ и явному.* Глава сія составлена изъ XVII Италіянской, названной: prontezza delle pene и окончана отрывкомъ, взятымъ изъ XXVIII гл. на Италіянскомъ, показанномъ нами говоря о § VI, и начинающимся сими словами: *у многихъ народовъ ипр.*

§ XX. *О томъ, чтобы наказаніе было дѣйствительно и неизбѣжно. О милости.* Глава сія составлена изъ разныхъ мѣстъ, разбросанныхъ въ подлинни-

кѣ. Первой періодъ взятъ изъ XVI Италіянской, dolcezza delle pene. Очень видно, что онъ относится къ дѣйствительности наказанія. Второй взятъ изъ XXVIII, della cattura и принадлежитъ къ тому же предмету. Третій, составляющей остатокъ главы, есть цѣлая глава delle grazie, здѣланная Авторомъ при третьемъ изданіи и присланная къ намъ въ рукописѣ, какъ и множество другихъ прибавленій, которыя мы покажемъ.

§ XXI. *О мѣстахъ, опредѣляемыхъ въ убѣжищѣ отъ наказанія.* Намъ показалось, что за вышеписанною главою тотъ часъ надобно помѣстить главу о убѣжищахъ, которыя

препятствуютъ дѣйствительности наказанїя. Она составляетъ XXXIV въ подлинникѣ. Мы уже замѣтили говоря о § VI нашего перевода, что взяли изъ главы: della cattura, XXVIII въ подлинникѣ, мѣсто, начинающееся сими словами: *нѣкоторые люди илр.* Намъ показалось, что оное должно было помѣстить здѣсь.

§ XXII. *О обычаѣ полагать голову въ цѣну.* XXXV въ подлинникѣ, della taglia.

§ XXIII. *О уравненїи наказанїя съ преступленіемъ.* VI на Италїянскомъ. Въ частяхъ сей главы есть нѣкоторыя перемѣщенїя и прибавокъ, начинающейся сими словами: *если ло-*

ложится одинакое наказанїе впр., взятой изъ XXXII подлинника, гдѣ бы можно было его и оставить, но и здѣсь онъ не не у мѣста.

Въ слѣдующихъ главахъ до XXXVII, включая и ее, разсуждается о преступленїяхъ вообще и въ особенности.

§ XXIV. *О мѣрѣ величїя преступленїй.* Мы ее начали отрывкомъ, взятымъ изъ начала VIII гл. подлинника, названной: divisione de' delitti. Остальное же изъ VII, подъ названїемъ: Errori nella misura delle pene.

§ XXV. *Раздѣленїе преступленїй.* Первой перїодъ взятъ изъ VIII гл. на Италїянскомъ;

второй изъ IV; третiй изъ VIII; четвертой изъ VI.

§ XXVI. *О преступленiяхъ противъ Величества.* Глава сiя слишкомъ коротка въ разсужденiи важности предмета. Она взята изъ VIII на Италiянскомъ. Отъ особеннаго названiя она кажется еще болѣе несовершенною; но мы не сомнѣваемся, чтобы сочинитель, при другомъ какомъ изданiи, не объяснилъ мыслей своихъ о такомъ важномъ предметѣ.

§ XXVII. *О преступленiяхъ противъ безопасности частныхъ людей, и во первыхъ о насилiяхъ.* Первой, второй и третiй перiоды взяты изъ VIII гл. на Италiянскомъ; четвертой

и пятой изъ XIX; шестой заключаетъ въ себѣ всю XX. гл., называющуюся: pene dei nobili, и которая необходимо принадлежитъ къ главѣ, *о насиліяхъ знатныхъ людей.*

§ XXVIII. *О обидахъ.* Первой періодъ есть начало XXII гл. на Италіянскомъ, называющейся: Infamia. Все же слѣдующее взято изъ IX, названной: dell' onore. Обиды, по опредѣленію самаго сочинителя, суть преступленія, противныя чести оскорбленнаго, то приспойное мѣсто сей главѣ dell' onore, есть то, которое мы оной дали.

§ XXIX. *О поединкахъ.* X въ подлинникѣ.

§ XXX. *О воровствѣ.* XXI въ подлинникѣ.

§ XXXI. *О тайномъ провозѣ запрещенныхъ товаровъ.* XXXII на Италіянскомъ. Тайной провозъ запрещенныхъ товаровъ есть родъ воровства.

§ XXXII. *О банкрутахъ.* XXXIII въ подлинникѣ. Въ ней найдутъ важныя и многія прибавленія, присланныя сочинителемъ въ рукописѣ. Между оными есть одно, которое даетъ великое понятіе о любви его къ истинѣ. Въ прежнихъ своихъ изданіяхъ сказалъ онъ, что неумышленной банкрутъ долженъ содержаться вмѣсто залога за свой долгъ, употреблять-

ся невольникомъ на щотъ заимодавца: мнѣнїе, казавшееся намъ очень противнымъ кротости и человѣколюбїю, которыя вездѣ видны въ его сочиненїи. Онъ самъ себя обвиняетъ уничтожая свое мнѣнїе съ наичувствительнѣйшимъ добросердечїемъ, и очень сильно утверждаетъ противное.

§ XXXIII. *О преступленїяхъ, возмущающихъ общественное спокойствїе.* XI въ подлинникѣ.

§ XXXIV. *О праздности.* Глава сїя составляетъ XXII въ подлинникѣ. Начало оной помѣстили мы въ XVII нашего перевода, (*о изгнанїи и описи въ казну имѣнїя*), которой

оно служитъ естественнымъ введеніемъ. Въ главѣ сей здѣлали мы нѣкоторыя перемѣщенія, которыя возстановляютъ въ ней нарушенный порядокъ.

§ XXXV. *О самоубивствѣ.* XXXI въ подлинникѣ. Въ главѣ сей перемѣнили мы только то, что внесли въ примѣчаніе часть текста, которая, показалось намъ, слишкомъ сильно прерываетъ вниманіе читателя на всю главу.

§ XXXVI. *О нѣкоторыхъ преступленіяхъ, которыя трудно обнаружить.* XXX въ подлинникѣ; но начало оной перемѣстили мы въ XIII гл: *о времени слѣдствія.* см. § XIII.

§ XXXVII. *О нѣкоторомъ особливомъ родѣ преступленія.* XXXVIII на Италіянскомъ.

Разсмотрѣвъ подробно разные роды преступленій, думали мы, что должно помѣстить тутъ три главы, въ которыхъ сочинитель показываетъ три общихъ источника заблужденій и несправедливостей уголовнаго судопроизводства, которыя въ подлинникѣ были разбросаны и помѣщены не такъ выгодно. Главы сіи суть: XXXVIII, *о ложныхъ понятіяхъ о пользѣ*, предметъ XXXIX его главы. *О семейственномъ духѣ*, XXV на Италіянскомъ, и *о Государской казнѣ*, новая глава, присланная въ рукописѣ, которую

сочинитель помѣстилъ послѣ главы *о присягѣ*. Намъ показалось, что для приданія имъ болѣе силы, надобно было ихъ соединить и помѣстить послѣ подробностей; ибо онѣ заключаютъ въ себѣ общія причины заблужденій, открытыхъ или объясненныхъ во всемъ сочиненіи.

§ XLI. Въ сію главу собрали мы всѣ средства къ предупрежденію преступленій, означенныя сочинителемъ въ главахъ: XL, XLI, XLII, XLIII и XLIV, изъ которыхъ многія были очень кратки.

Заключеніе. Тоже, что и у сочинителя; начало онаго по-

мѣстили мы въ XV гл. нашего перевода. См. § XV.

Повторимъ въ коротких словахъ и представимъ взору читателей планъ сочиненія въ нашемъ переводѣ. Онъ раздѣленъ на шесть, очень различныхъ частей, которыя разположены, какъ намъ кажется, естественнѣйшимъ порядкомъ.

Первыя пять главъ заключаютъ въ себѣ введеніе и разсужденіе о началѣ и основаніи права наказывать, и о общихъ свойствахъ, какія должны имѣть карательные законы въ хорошемъ законоположеніи.

Слѣдующія главы до XIV, включая и оную, касаются до излѣдованія дѣла, до средствъ обнаруживать преступленіе и до всего того, что предшествуетъ опредѣленію наказанія.

Отъ сюда до XXIII, включая и оную, разсуждается о наказаніяхъ вообще и по частямъ.

Съ XXIV начинается принадлежащее до преступленій вообще и частно, до XXXVII гл., включая и оную.

XXXVIII, XXXIX и XL, показываютъ нѣкоторыя общія причины недостатковъ уголовнаго судопроизводства.

Наконецъ, въ XLI и послѣдней, разсуждается о средствахъ къ предупрежденїю злодѣяній.

Мы уже предувѣдомили нашихъ читателей, что переводъ нашъ имѣетъ ту выгоду, что обогащенъ многими важными прибавленїями, здѣланными сочинителемъ, и которыя находятся только на Французскомъ языкѣ: мы показали изъ нихъ главныя.

Окончимъ посмѣствивъ здѣсь статью изъ ученыхъ вѣдомостей, 1 Октября, 1765 года, которая заключаетъ лестнѣйшую и неподозрительнѣйшую похвалу, какую

только можно здѣлать сочиненїю, нами переведенному.

„Нѣсколько лѣтъ тому „назадъ, составилось въ Швей„царїи общество гражданъ, „для разпространенїя познанїй „истинъ, нужнѣйшихъ для „людей, и для задаванїя во„просовъ, относящихся къ „сему намѣренїю. Между со„чиненїями, присланными въ „общество, нашлись многїя, „имѣвшїя нѣкоторое Акаде„мическое достоинство; но „ненашлось ни одного, кото„рое точностїю образа и „пространствомъ намѣренїй „удовлетворило бы желанїю „судей. Въ такомъ положе„нїи общество приняло въ

„1763 году намѣреніе дать
„награжденіе сочинителю *Фо-*
„*кіоновыхъ бесѣдъ*, которой, какъ
„послѣ узнали былъ Аб-
„батъ Мабли. По той же при-
„чинѣ рѣшилось оно пред-
„ложить медаль въ двадцать
„червонныхъ неизвѣстному
„сочинителю вышедшаго въ
„свѣтъ на Италіянскомъ язы-
„кѣ разсужденія о преступ-
„леніяхъ и наказаніяхъ, прося
„его дать о себѣ извѣстіе и
„принять знакъ почтенія, дол-
„жнаго доброму гражданину,
„осмѣлившемуся возвысить
„гласъ свой въ пользу чело-
„вѣчества противу глубоко
„укоренившихся предразсуд-
„ковъ. Общество гражданъ
„проситъ сочинителя при-

„слать о себѣ извѣстïе подъ „надписью: Типографическо- „му Бернскому Обществу въ „Швейцарïи.„

ПЕРЕПИСКА

АНДРЕЯ МОРЕЛЛЕТА

СЪ БЕККАРІЕМЪ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Гну. Беккарію.

Парижъ, Февраля.... 1766.

Милостивый Государь!

Хотя и не имѣю чести знать васъ; но думаю имѣть право поднести вамъ экземпляръ перевода моего вашего сочиненія de'delitti e delle pene. Ученые люди суть граждане свѣта и всегда земляки; они соединяются узами тѣснѣйшими, нежели граждане одного Государства, жители одного города и члены одного семейства. И такъ, я думаю, что могу начать съ вами переписку умозрѣній и чувствій, которая для меня будетъ очень приятна, если вы не отвергнете усердія человѣка, которой любитъ васъ не зная лично,

и чувствїе сїе почерпнулъ изъ чтенїя прекраснаго вашего сочиненїя. Г. Мальзербъ, съ которымъ я имѣю честь быть коротко знакомъ, просилъ меня перевести ваше твореніе на нашъ языкъ, и ему не многаго труда стоило принудить меня къ этому. Для меня было пріятнымъ упражненіемъ здѣлаться для моего отечества и земель, въ которыхъ извѣстенъ языкъ нашъ, переводчикомъ и орудїемъ великихъ и сильныхъ мыслей и благодѣтельныхъ чувствїй, коими наполнено ваше сочиненіе. Мнѣ казалось, что я здѣлаюсь участникомъ въ добрѣ, которое вы дѣлаете людямъ и могу требовать также нѣкоторой благодарности отъ сердецъ чувствительныхъ, которымъ драгоцѣнна польза человѣчества. И такъ, я перевелъ и читалъ переводъ свой Г-ну. д'Аламберту и нѣкоторымъ другимъ ученымъ людямъ, знавшимъ и удивлявшимся подлиннику. Онъ понравился и я отдалъ его напечатать въ началѣ Августа, при отъѣздѣ моемъ на два мѣсяца въ деревню. Уже нѣсколько листовъ были напечатаны, какъ Г. д Аламбертъ получилъ прибавленїя, которыя вы, по дружбѣ своей, къ нему прислали; но ко мнѣ дошли онѣ очень поздо. Если помѣстить ихъ, то надобно было перепечатывать нѣкоторую часть напеча-

таиаго. Причина сїя и медленность типографщика долго препятствовали мнѣ удовлетворить желанїю публики, которая съ чрезвычайнымъ нетерпѣнїемъ ожидала сочиненїя вашего на Французскомъ языкѣ. Сего дня осьмой день, какъ вышелъ переводъ мой. Мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ прежде этаго, что бы увѣдомишь васъ какое впечатлѣнїе здѣлаетъ ваше сочиненїе. Теперь могу васъ увѣрить, что успѣхъ былъ общей, и что, выключая уваженїя къ книгѣ, возбимѣли и къ самому сочинителю чувствїя, которыя болѣе всего могутъ быть для васъ лестны, по есть, почтенїе, благодарность, любовь и дружбу. Особенно препоручено мнѣ изьявить вамъ благодарность и почтенїе отъ Господъ Дидерота, Гельвецїя, Бюффона. Мы уже довольно много говорили съ Г. Дидеротомъ о вашемъ сочиненїи, которое очень легко можетъ возпламенить такую огненную, какъ его, голову; я вамъ сообщу нѣкоторыя примѣчанїя, произшедшїя отъ нашихъ разговоровъ. Г. Бюффонъ сильными словами изъявилъ мнѣ удовольствїе, полученное имъ отъ вашей книги и проситъ васъ принять его почтенїе. Я носилъ также книгу вашу къ Г. Руссо, которой чрезъ Парижъ проѣзжаетъ въ Англїю, куда онъ на сихъ дняхъ отправ-

ляется. Не могу еще сказать вамъ его мнѣнія, потому что съ тѣхъ поръ съ нимъ не видался; можетъ быть сего дня узнаю отъ Г. Юма, съ которымъ буду обѣдать. Впрочемъ очень увѣренъ, что она здѣлаетъ на него впечатлѣніе. Г. Юмъ, которой съ нѣкотораго времени гоститъ у насъ, поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе. Къ симъ людямъ, извѣстнымъ вамъ по ихъ славѣ, присовокупляю я еще человѣка почтеннѣйшаго, у котораго всѣ они собираются, Барона д'Ольбака, Автора многихъ прекрасныхъ напечатанныхъ сочиненій въ разсужденіи Химіи и Натуральной Исторіи и многихъ другихъ неизвѣстныхъ Публикѣ: глубокой философъ, просвѣщеннѣйшій судія во всѣхъ родахъ наукъ, душа чувствительная и отверстая дружеству. Не могу изъяснить вамъ впечатлѣнія, здѣланнаго надъ нимъ вашею книгою и сколь много любитъ и почитаетъ онъ сочиненіе и Сочинителя. Такъ какъ все время проводимъ мы у него, то непремѣнно надобно напередъ васъ съ нимъ познакомить, ибо если можемъ надѣяться когда нибудь заманить васъ въ Парижъ, то домъ его будетъ вашимъ. И отъ него также свидѣтельствую я вамъ благодарность и почтеніе. Не говорю вамъ о Г. д'Аламбертѣ, которой

сказалъ мнѣ, что самъ хочетъ написать къ вамъ слова два въ моемъ письмѣ. Вы должны знать мнѣніе его о вашемъ сочиненіи; пустъ онъ скажетъ доволенъ ли переводомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, если дѣла и состояніе позволяютъ вамъ, М. Г., здѣлать путешествіе во Францію, то вы непремѣнно должны пріѣхать сюда собрать благодарность и почтеніе, заслуженныя вами. Прошу васъ объ этомъ, какъ самъ, такъ и именемъ всѣхъ людей, означенныхъ мною выше. Пріѣзжайте, сударь, съ другомъ вашимъ, Графомъ Вери, котораго сочиненіе fulla felicità, читали мы съ наивеличайшимъ удовольствіемъ, и будте увѣрены что проведете у насъ время очень весело, найдете общество приятное и можете установить въ немъ бесѣды, которыми мы всѣ будемъ пользоваться.

Вы можетъ быть желаете узнать своего переводчика, а онъ самъ хочетъ чтобы вы его узнали.

Ученой человѣкъ живетъ въ своихъ твореніяхъ, и по сему скажу вамъ, и пр.....

Вы извините сіи мѣлочи, къ которымъ принудило меня очень натуральное желаніе познакомить васъ съ вашимъ переводчикомъ и внушить въ васъ нѣкоторую къ нему наклонность, по-

казавъ, что онъ всегда постоянно упражнялся въ вещахъ полезныхъ.

Но я не скрою отъ васъ главной причины, заставившей меня стараться вперить въ васъ о себѣ какое нибудь хорошее мнѣніе: надежда, что симъ способомъ гораздо легче получу отъ васъ прощеніе за вольность, которую я взялъ здѣлать нѣкоторыя перемѣны въ разположеніи вашего сочиненія. Въ предисловіи показалъ я причины, меня оправдывающія; но съ вами долженъ поговорить объ этомъ пространнѣе. Умъ философической, понимающей содержаніе, очень легко схватитъ вдругъ все ваше разсужденіе, которыя части очень тѣсно соединены между собою и зависятъ всѣ отъ одного начала. Но для обыкновенныхъ и не столь ученыхъ читателей, а особливо для читателей Французскихъ, думалъ я проложить дорогу прямѣе, по которой идти гораздо легче и которая приличнѣе, по крайней мѣрѣ, духу моего отечества и обороту нашихъ книгъ.

Впрочемъ сію новую перемѣну нѣкоторыхъ частей вашего сочиненія, никто не сочтетъ за критику подлинника, такъ какъ она не приноситъ никакова достоинства и переводчику. Ни мало не удивительно, что вы не

слѣдовали размѣренному и порядочному начертанію: сила мыслей, а особливо жарЪ чувствія увлекли васЪ. Очень легко могли бы вы по окончаніи возстановить порядокЪ; но на это требуется терпѣніе, котораго вы не имѣли и которое рѣдко бываетЪ вЪ умахЪ сильныхЪ.

Одно, чего только я опасаюсь, есть то, что возстановленіемЪ сего порядка, ослабилЪ я можетЪ быть силу и уменьшилЪ жарЪ подлинника, такЪ что предположивЪ, что порядокЪ перевода и естественнѣе, но сочиненіе болѣе потеряло, нежели выиграло.

ВотЪ мой на это отвѣтЪ. Я знаю, что истинна имѣетЪ величайшую нужду вЪ красноречіи и чувствіи. Думать противное было бы не льпо, а особливо передЪ вами утверждать такое странное мнѣніе. Но если не надобно жертвовать жаромЪ порядку, то думаю, что не надобно также жертвовать и порядкомЪ жару, и все пойдетЪ лучше, если не упустишь ни того ни другаго. Теперь остается разсмотрѣть успѣлЪ ли я вЪ этомЪ.

Если переводЪ мой не имѣетЪ такова огня, какЪ подлинникЪ, то недостатокЪ сей надобно приписать со всемЪ другимЪ причинамЪ, а не перемѣнѣ порядка. Это произошло бы или

отъ слабости слога переводчика, или отъ существа всякаго перевода, которой никогда не можетъ превзойти подлинника, а особливо въ вещахъ чувства.

Не скрою отъ васъ и другаго, мнѣ здѣланнаго возраженія. Мнѣ сказали, что всякому сочинителю прискорбно видѣть въ своемъ сочиненіи какую нибудь перемѣну, хотя и полезную. Но это, кажется, не до васъ касается; по крайней мѣрѣ я такъ думалъ. Человѣкъ ума необыкновеннаго, здѣлавшей сочиненіе удивительное, исполненное новыми, сильными и изящными мыслями, долженъ съ хладнокровіемъ слушать, если скажутъ, что книга его не имѣетъ всего того порядка, которой бы она имѣть могла. Онъ долженъ даже принять здѣланныя въ ней перемѣны, если только онѣ полезны и подкрѣпляются достаточными причинами. Вотъ мужество, котораго я отъ васъ ожидаю! Отнесите къ перемѣнамъ, мною здѣланнымъ, тѣ, которыя покажутся вамъ не внятными, оставте хорошія, и повѣрте, что вы симъ умножите вашу славу. Вотъ что смѣю предложить вамъ, ибо вы достойны того, чтобы я имѣлъ къ вамъ сію довѣренность, и надѣюсь, что будете мною довольны.

Оправданіе свое кончу приведеніемъ въ доказательство мнѣнія великихъ мужей, которые одобрили взятую мною вольность. Г. д'Аламбертъ позволяетъ мнѣ сказать вамъ, что это его мысли. Г. Юмъ, читавшей съ величайшимъ вниманіемъ и подлинникъ и переводъ, того же мнѣнія. Я могу сослаться и еще на множество умныхъ людей, которые также объ этомъ судили. Вотъ мое защищеніе.

Жадность, съ которою здѣшняя Публика приняла ваше сочиненіе, заставляетъ меня думать, что первое наше изданіе скоро все разойдется и что прежде мѣсяца надобно будетъ помышлять о другомъ. Если въ расположеніи, мною здѣланномъ, разстроилъ я мысли, которыя должны быть связаны, или соединилъ ихъ такъ, что онѣ покажутся вамъ затьмѣвающими смыслъ, то прошу васъ сообщить на это ваши замѣчанія, и я не премину сообразиться съ оными при первомъ изданіи.

Прошу извинить неисправности и смѣшныя и многочисленныя типографическія погрѣшности, которыми наполнено изданіе, при семъ къ вамъ препровождаемое. Большая часть книги печаталась въ мое отсутствіе. Я имѣлъ дѣло съ прескверными типографщи-

комъ и многія другія причины, о которыхъ упоминать не нужно, здѣлали изданіе сіе мерскимъ. Обѣщаюсь исправить оныя при первомъ.

Я думалъ, что не нужно переводить и присоединять къ своему изданію разсужденія славнаго Профессора, хотя и показалось мнѣ, что оно писано человѣкомъ разумнымъ, ибо мы не такъ много уважаемъ мнѣніемъ человѣка, намъ неизвѣстнаго; къ тому же не хотѣлось мнѣ слишкомъ сильно предубѣждать сужденія нашихъ читателей. Никто не любитъ такихъ преждевременныхъ рѣшеній и многіе люди взяли бы противное мнѣніе, единственно отъ того, что хотѣли вселить въ нихъ хорошее.

Также имѣлъ я свои причины не переводить примѣчаній смѣшнаго вашего монаха, которому отвѣчаете вы съ такою силою, искуствомъ и скромностію. 1. Мнѣ не хотѣлось дать знать, что суевѣріе возстало уже противъ вашего сочиненія, ибо по этому знаку пробудилось бы оно и у насъ. 2. Мнѣ хотѣлось удержать примѣчанія ваши на монашеское писаніе до другова изданія, что бы здѣлать оное любопытнѣе для читателей. 3. Мнѣ показалось, что если сочиненіе ваше будутъ критиковать во Франціи, то я

однимъ камнемъ здѣлаю два удара, соединя критика, которой у насъ розстанетъ, съ вашимъ дерзкимъ монахомъ и осыпавъ обѣихъ изъ смѣхомъ, которымъ вы покрыли своего, и тѣмъ, которой я могу присоединить къ вашему.

Сперва хотѣлось мнѣ, для объясненія мыслей вашихъ, здѣлать нѣкоторыя примѣчанія на разныя мѣста. Мысли ваши иногда такъ высоки, что читатель теряетъ ихъ изъ виду, а иногда выраженіе оныхъ тонко и отвлеченно съ намѣреніемъ, что бы не могли прицѣпиться къ нимъ люди, любящіе предразсудки. Наконецъ нѣкоторыя мѣста и темны: (безъ околичностей говорю я свое мнѣніе такому, какъ вы, человѣку). Но послѣ я раздумалъ; на книгу вашу будетъ довольно толкованій: теперь еще не время. Сочиненіе, здѣланное для того, чтобы заставить писать и мыслить, должно съ начала быть очень кратко, для того, чтобъ всѣ его читали, а потомъ для того, что прочитавъ оное, читаютъ также и относящіяся къ оному сочиненія, объясненія, защищенія и тутъ философія выигрываетъ, а просвѣщеніе разпространяется.

Мнѣ хочется сообщить вамъ множество примѣчаній на существо самаго сочиненія; многія изъ нихъ суть слѣд-

ствїя моихъ размышленїй, а другїя сообщены особами, занимающими мѣста въ правленіи, людьми учоными и съ познаніями всякаго состоянїя. Обѣщаютъ и еще болѣе. Собравъ ихъ буду ожидать отвѣта вашего, чтобы переслать къ вамъ оныя.

Предлинное письмо это кончу я прозьбою щитать меня за одного изъ тѣхъ, которые болѣе всего вамъ удивляются и желаютъ имѣть нѣкоторую часть въ вашемъ почтенїи и дружествѣ. Для меня очень прискорбно думать, что никогда не буду имѣть случая сказать вамъ это лично. Съ великимъ нетерпѣнїемъ ожидаю отъ васъ извѣстїя и вашего мнѣнїя о моемъ переводѣ; желаю знать, продолжаете ли вы славной путь, открытой вами, и занимаетесь ли благомъ человѣчества. Съ симъ-то чувствїемъ почтенїя, преданности и дружбы честь имѣю остаться и пр.

ОТВѢТЪ

Гна- Беккарія.

Переведенъ съ Италіянскаго.

Миланъ, Мая..... 1766.

Позвольте, М. Г., употребить мнѣ съ вами обыкновенія, свойственныя языку вашему, какъ спокойнѣе, простѣе, истиннѣе, и по этому достойнѣе такова, какъ вы, философа. Позвольте также, что бы письмо это было переписано, ибо то, которое я самъ писалъ, почти разобрать не льзя. Глубочайшее почтеніе, величайшая благодарность, нѣжнѣйшее дружество, вотъ чувства, которыя произвело во мнѣ прекрасное письмо ваше. Не могу изьяснить вамъ, сколь лестно для меня, что сочиненіе мое переведено на языкъ народа, просвѣщающаго и научающаго Европу. Я самъ всемъ обязанъ Французскимъ книгамъ. Онѣ очистили въ душѣ моей чувствія человѣколюбія, заглушенныя осьмью годами фанатическаго воспитанія. Имя ваше было уже для меня почтенно по прекраснымъ сочиненіямъ, помѣщеннымъ вами въ безсмертномъ твореніи Энциклопедіи!

и какъ пріятно удивился я, узнавъ, что такой, какъ вы, ученой и славной человѣкъ, удостоилъ перевести разсужденіе мое о преступленіяхъ. Отъ всего сердца благодарю васъ за подарокъ, здѣланной мнѣ вами, присылкою вашего перевода и за вниманіе удовольствовать нетерпѣніе мое прочесть его. Не могу изъяснить вамъ, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я его, и нашолъ, что вы украсили подлинникъ. Съ величайшею чистосердечностію увѣряю васъ, что порядокъ, которому вы въ оном слѣдовали, кажется самому мнѣ естественнѣе и лучше моего, и для меня непріятно, что новое Италіянское изданіе почти уже кончено, ибо въ оном сообразовался бы я во всемъ, или почти во всемъ, съ вашимъ расположеніемъ.

Въ переводѣ вашемъ сочиненіе мое не потеряло ничего изъ своей силы, выключая тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ свойство, существенное тому и другому языку, здѣлало нѣкоторое различіе въ вашемъ и моемъ изображеніи. Италіянской языкъ имѣетъ болѣе гибкости, а можетъ быть также будучи менѣе употребляемъ въ философическомъ родѣ, по этому самому можетъ принимать черты, отъ которыхъ вашъ отказывается. Я неналожу ничего важ-

наго въ здѣланномъ вами возраженіи, что перемѣна порядка можетъ лишить силы. Сила состоитъ въ выборѣ израженія и въ соединеніи мыслей, а неустройство вредитъ симъ двумъ дѣйствіямъ.

Равно не долженъ былъ васъ удерживать и страхъ оскорбить самолюбіе Автора. Во первыхъ отъ того, что, какъ бы и сами говорите въ прекрасномъ своемъ предисловіи, книга, въ которой защищаются права человѣчества, одинъ разъ вышедъ въ свѣтъ, принадлежитъ свѣту и всѣмъ народамъ; а что касается до меня въ особенности, то я мало здѣлалъ бы успѣха въ философіи сердца, которую предпочитаю философіи ума, если бы не пріобрѣлъ мужества взирать на истинну и любить ее. Думаю, что пятое изданіе, которое тотъ часъ выдетъ, скоро разойдется, и увѣряю васъ, что при шестомъ, я во всемъ или почти во всемъ послѣдую разположенію вашего перевода, объясняющему болѣе истинны, которыя старался я собрать. Я говорю *почти во всемъ*; ибо прочитавъ одинъ только разъ, и то бѣгло, переводъ вашъ, не могу рѣшиться съ такою вѣрностію на части онаго, какъ рѣшился на цѣлое.

Нетерпѣніе друзей моихъ читать оной, принудило меня выпустить его изъ своихъ рукъ тотъ часъ по прочтеніи, и по этому принужденъ оставить до другаго письма изъясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя показались вамъ темными. Но долженъ сказать вамъ, что сочиняя, имѣлъ я передъ глазами примѣръ Макіавеля, Галилея и Джанона. Я слышалъ звукъ цѣпей, потрясаемыхъ суевѣріемъ и крикъ изувѣрства, заглушающей стенаніе истины. Видъ сего страшнаго позорища принудилъ меня закрывать свѣтъ облаками. Я хотѣлъ защищать человѣчество, не дѣлаясь мучеником онаго. Мысль, что мнѣ должно быть темнымъ, дѣлала меня иногда таковымъ по неволѣ. Присоедините къ этому неопытность и недостатокъ привычки къ сочиненію, простительныя Автору, которому не болѣе двадцати осьми лѣтъ отъ роду, и которой только пять лѣтъ, какъ взошолъ въ поприщѣ словесности.

Никакъ не льзя мнѣ описать вамъ, М. Г., удовольствія, видя участіе, которое вы принимаете во мнѣ, и какъ много трогутъ я знаками почтенія, изъявляемаго мнѣ вами, которыхъ не можно мнѣ принять не здѣлавшись высокомѣрнымъ, а равно не льзя отказаться не нанеся вамъ оскорбленія.

Съ такою же благодарностїю и смущеніемъ принимаю я привѣтствїя, дѣлаемыя мнѣ вами отъ сихъ славныхъ мужей, которые приносятъ честь человѣчеству, Европѣ и своему отечеству. Д'Аламбертъ, Дидеротъ, Гельвецій, Бюффонъ, Юмъ, имяна славныя, произнося которые не льзя оставаться нечувствишельнымъ! безсмертныя творенїя ваши составляютъ мое чтенїе, предметъ дневныхъ моихъ упражненїй и разсужденїй въ тишинѣ нощной. Исполненъ истинъ, которымъ вы научаете, какъ можно мнѣ преклоняться предъ обоготворяемымъ заблужденїемъ и дойти до подлости лгать потомству? — То, что я пишу вамъ, М. Г., есть точно то, что я чувствую. Я награжденъ сверьхъ всего моего чаянїя, получивъ знаки почтенїя отъ всѣхъ сихъ славныхъ мужей, моихъ наставниковъ. Прошу васъ изьявить каждому изъ нихъ мою покорнѣйшую благодарность и увѣрить ихъ, что я сохраняю къ нимъ сїе глубокое и истинное почтенїе, которое душа чувствительная имѣетъ къ истинѣ и добродѣтели. Скажите особливо Барону д'Ольбаку, что я наполненъ къ нему уваженїемъ, и что величайшее мое желанїе состоитъ въ томъ, чтобы онъ нашолъ меня достойнымъ своей дружбы.

30486

Любопытство ваше, М. Г., и знаменитыхъ друзей вашихъ, знать о томъ, что до меня касается, слишкомъ для меня лестно, чтобы я не поспѣшилъ удовольствовать онаго со всемъ чистосердечіемъ. Я старшей въ семействѣ, имѣющемъ нѣкоторое состояніе; но обстоятельства, отъ части необходимыя, а отъ части зависящія отъ воли другова, не даютъ мнѣ большой свободы. У меня есть отецъ, котораго долженъ почитать старость, и даже предразсудки. Я женатъ на молодой, чувствительной женщинѣ, любящей образовать умъ свой, и имѣлъ рѣдкое щастіе вознаградить любовь нѣжнѣйшимъ дружествомъ. Единственное упражненіе мое, состоитъ обучаться въ тишинѣ философіи, и такимъ образомъ удовлетворяю я тремъ живѣйшимъ во мнѣ чувствіямъ: любви къ ученой славѣ, любви къ свободѣ и состраданію къ нещастіямъ людей, порабощенныхъ толикими заблужденіями. Пять лѣтъ щитаю я эпоху обращенія своего къ философіи и одолженъ онымъ чтенію Персидскихъ писемъ. Второе твореніе, докончавшее переворотъ моего ума, есть Г-на Гельвеція. Онъ силою повергъ меня въ путь истинны, и первой возбудилъ вниманіе мое на ослѣпленіе и нещастія человѣчества. Боль-

шою частїю своихъ мыслей обязанъ я чтенїю книги *о духѣ*. Превозходное твореніе Г-на Бюффона отверзло мнѣ святилище природы. Недавно читалъ я двенадцатой и тринадцатой томы въ 4, въ которыхъ болѣе всего удивлялся двумъ взорамъ на природу, возжитившимъ меня философическимъ краснорѣчїемъ, съ которымъ они писаны. То, что до сихъ поръ могъ читать я изъ сочиненїй Г-на Дидерота, то есть, драматическїя его творенія, обьясненїе природы и нѣкоторыя статьи изъ энциклопедїи, показалось мнѣ исполнено мыслями и огнемъ. Какой это долженъ быть человѣкъ! — Глубокая метафизика Г-на Юма, истинна и новость его предметовъ, меня удивили и просвѣтили умъ мой. Недавно съ величайшимъ удовольствїемъ читалъ я осмнадцать томовъ его исторїи. Въ нихъ увидѣлъ я Политика, философа и историка первой степени. Что мнѣ сказать вамъ о философическихъ твореніяхъ Г-на д'Аламберта? Онѣ кажушся мнѣ безконечною цѣпью высокихъ и новыхъ идей и я нахожу въ нихъ возвышенность и слогъ Законодателя. Его предисловїе къ энциклопедїи, и его начальныя правила философїи, суть классическїя сочиненїя, исполненныя сѣмянами безчисленныхъ изысканїй. Я столько знаю

Математики, что могу цѣнить великія открытія сего славнаго мужа и щитать его за величайшаго Геометра нынѣшняго вѣка. Много также почерпнулъ я для своего наставленія изъ сочиненій Аббата Кондильяка, которыя, по моему мнѣнію, первѣйшія творенія въ разсужденіи точности, чистоты и хорошей метафизики. Недавно имѣлъ я честь познакомиться и подружиться съ нимъ въ Миланѣ. Я веду жизнь тихую и уединенную, если только можно назвать уединеніемъ, избранное общество друзей, въ которомъ умъ и сердце бываютъ въ безпрестанномъ движеніи. У насъ одинакія ученія и одинакія удовольствія. Вотъ мое прибѣжище, которое препятствуетъ мнѣ быть, какъ будто въ ссылкѣ въ своемъ отечествѣ.

Земля сія, погружена еще въ предразсудки, оставленныя въ ней древними ее повелителями. Миланцы не прощаютъ тѣхъ, кому вздумается заставить жить ихъ въ осьмнадцатомъ вѣкѣ. Въ Столицѣ, щитающей въ себѣ сто двадцать тысячь жителей, едва ли наберется двадцать человѣкъ, которые любили бы ученіе и приносили жертву истинѣ и добродѣтели! Будучи увѣренъ съ друзьями своими, что періодическія изданія есть лучшее средство заставить чему нибудь учиться

людей, неспособныхъ ни къ какому сильному упражненїю, печатаемъ мы листки на подобїе *зрителя*, сочиненїе, которое въ Англїи столь много способствовало образованїю ума и успѣхамъ здраваго разсудка. Я доставлю вамъ все собраніе оныхъ: вы найдете въ нихъ дурное, посредственное и хорошее; увидите мои труды: опытъ о душистыхъ вещахъ, отрывокъ о слогѣ, разговоръ о перїодическихъ сочиненїяхъ, другой о удовольствїяхъ воображенія, переводъ маленькова сочиненїя Г-на Монмора о раздробленїи азартныхъ книгъ: все это писано съ скоростїю, свойственною перїодическимъ сочиненїямъ. Сочиненїя Графа Вери означены литерою Р. Вы его уже знаете по прекрасному его разсужденїю о блаженствѣ. Это рѣдкой человѣкъ по своему сердцу и уму и любезнѣйшїй изъ друзей моихъ. Кажется, что я чувствую къ нему тоже изступленїе дружества, какое имѣлъ Монтаньй къ Этьеню де ла Боэси. Онъ ободрилъ меня къ сочиненїю и ему обязанъ я, что не бросилъ въ огонь рукопись de' delitti, которую онъ, по любви своей ко мнѣ, переписалъ своею рукою.

Науки потеряли размышлятеля, а Государство выиграло превосходнаго Министра въ особѣ Графа Карли, извѣстнаго сочиненїемъ своимъ о монетахъ,

которой здѣланъ Президентомъ Экономическаго Совѣта, недавно учрежденнаго въ нашемъ городѣ. Онъ будетъ Министромъ-Философомъ, а сказать это, значитъ сказать все.

Вы простите мнѣ сіи подробности, М. Г.; вы ихъ отъ меня требовали и я долженъ отвѣчать; вы показали мнѣ примѣръ, и я долженъ подражать вамъ. Остальные друзья мои суть: одинъ изъ братьевъ Графа Вери, въ которомъ столько же дарованій, сколько и въ немъ; Маркизъ Лонго, Графъ Висконти, Г. Ламбертинги, Графъ Сееки и пр., въ уединеніи и молчаніи занимаемся мы доброю философіею, которой здѣсь боятся или презираютъ. Повѣрте, М. Г., что Французскіе философы завели колонію въ этой Америкѣ и что мы ихъ ученики, ибо мы ученики здраваго разсудка. По этому судите съ какою благодарностію и удовольствіемъ получу я сочиненія, вами обѣщанныя, которыя научаютъ и утѣшаютъ человѣчество. Чемъ не обязанъ я вамъ, что вы уважили мое, и чемъ не одолженъ, что вы прервавъ обширное и занимательное свое упражненіе, занялись переводомъ! Ваши *фоліанты* не могутъ быть изъ числа тѣхъ, которыхъ не читаютъ. Энциклопедія и Баконъ также *фоліанты*, а ваше сочиненіе будетъ того же разбора.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за экземпляры перевода, которые вы присоединяете къ сочиненіямъ. Я краснѣю отъ вашей учтивости; но хотѣлъ бы, что бы вы меня избавили отъ сожалѣнія, если здѣлали для меня какія издержки.

Мы здѣсь отмѣнно уважаемъ прекрасное сочиненіе Г. Гашпи, которое вы перевели, и въ которомъ находимъ мы духъ философической, столь рѣдкой въ медицинскихъ книгахъ. Я бы еще и теперь его не читалъ, если бы Аббатъ Кондильякъ не прислалъ мнѣ его изъ Пармы. Очень трудно и не скоро достаемъ мы Французскія книги. Я полетѣлъ бы въ Парижъ учиться, удивляться вамъ, изъяснить вамъ все то, что чувствую къ вамъ, къ Г-ну д'Аламберту и почтеннымъ друзьямъ вашимъ, если бы только обстоятельства позволяли мнѣ это. Однако же думаю, что они перемѣнятся, и что это замедленіе здѣлаетъ меня болѣе достойнымъ вашего общества. Братецъ вашъ долженъ быть въ Миланѣ; надѣюсь, что онъ позволитъ мнѣ съ моими друзьями постараться здѣлать пребываніе его въ нашемъ городѣ какъ можно нескучнѣе. Прошу также, что бы и вы, со всею вольностію, которую должна дать вамъ философія, налагали на меня пре-

порученія въ то мѣсто, гдѣ я живу и дали бы мнѣ лестное названіе вашего корреспондента въ Италіи. Друзья ваши могутъ также безъ околичностей располагать мною, и желаю, что бы они здѣлали мнѣ эту честь. Ваши и ихъ ко мнѣ чувства поселяютъ въ меня благодарность, которая кончится только съ моею жизнію, и увѣряю васъ, что выраженія мои, свидѣтельствуя оную, гораздо ниже того, что чувствую. Прошу васъ поблагодарить за меня, какъ можно болѣе, Господъ Гельвеція, Дидерота, Бюффона, Юма и Барона д'Ольбака и попросить у нихъ позволенія прислать имъ по экземпляру новаго моего изданія. Къ Г-ну д'Аламберту я самъ пишу. Графъ Фирміани очень недавно возвратился къ намъ въ Миланъ, но у него такъ много дѣлъ, что я не могъ еще его видѣть. Непремину пересказать ему все то, что вы мнѣ препоручили. Онъ взялъ въ покровительство мою книгу и ему обязанъ я своимъ спокойствіемъ.

Очень скоро пришлю я вамъ изъясненіе мѣстъ, которыя показались вамъ темными и не для того, что бы ихъ оправдывать, ибо я не съ тѣмъ писалъ, что бы меня не понимали такіе, какъ вы, философы. Покорнѣйше прошу васъ прислать мнѣ ваши и друзей вашихъ

замѣчанїя, что бы я могъ воспользоваться оными при шестомъ изданїи, а особливо слѣдствїе разсужденїй вашихъ о моей книгѣ съ Г. Дидеротомъ. Мнѣ очень хочется знать, какое впечатлѣнїе здѣлалъ я на сего великаго человѣка. Я пришлю къ вамъ книгу Валомбрезскаго монаха, котораго зовутъ Винчендзо Факкинеи де Корфри. Человѣкъ этотъ хотѣлъ подслужиться Республикѣ, вооружась на сочиненїе, которое она очень строго запретила, ибо думала, что оно вышло изъ подъ пера какова нибудь ее подданнаго противной стороны Государственныхъ Инквизиторовъ, въ послѣднее возмущенїе, случившееся въ Венецїи. И такъ, я пришлю къ вамъ эту критику, нашъ журналъ и еще тетрадку о монетахъ, которую нельзя утаить мнѣ отъ такова человѣка, какъ вы, здѣлавшаго мнѣ честь своею дружбою, хотя это сочиненїе моей юности.

Я кончу, что бы письмо мое отправить съ завтрешнею почтою. Въ отвѣтъ прошу у васъ нѣсколько строкъ, ибо очень нетерпѣливо хочется знать, дошли ли до васъ сїи слабыя израженїя моей благодарности, моего почтенїя и моего дружества. Имѣю честь быть и пр.

Миланъ, 26 Января 1766.

P. S. Вчера вечеромъ получилъ я извѣстіе, что переводъ вашъ перепечатываютъ въ Иверденѣ.

Отецъ Фризи проситъ меня засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе. Онъ васъ отмѣнно уважаетъ, и изъ числа любезнѣйшихъ друзей моихъ. Можетъ быть нынѣшною весною поѣдитъ онъ въ Парижъ и я завидую его щастію. Я узналъ о поступкѣ Г-на Юма съ Г. Руссо, которой приноситъ много чести философіи и философамъ и которому подражать очень пріятно.

Я пишу изъ дому Графини делла Сомаллья, урожденной Бельджозо. Госпожа сія одарена превосходными свойствами: добродѣтелью, чувствительностію, познаніями. Вы, кажется, знали ее въ Миланѣ, и она играла блестящую ролю въ Парижѣ, въ первые годы своего замужства. Я желаю вашей дружбы и буду стараться заслуживать оную. Особливыя мои разсужденія о прекрасномъ вашемъ переводѣ замедлятъ не много, ибо между прочими захочетъ читать его и Графъ Фирміани, которому мнѣ отказать никакъ не льзя; такимъ образомъ это можетъ отдалить для меня удовольствіе увѣрить васъ подробно о моемъ смиреніи.

ВТОРОЕ ПИСЬМО

къ Г-ну Беккарію.

Парижъ, Сентября. ... 1766.

Милостивый Государь и любезнѣйшій братъ въ философіи!

Давно уже долженъ я вамъ отвѣтомъ на два письма, которыя вы по любви своей ко мнѣ писали. Я медлилъ до сихъ поръ для того, что надѣялся съ отвѣтомъ прислать и примѣчанія на ваше сочиненіе, о коихъ я вамъ говорилъ; но три мѣсяца почти дѣла не позволяли мнѣ приняться за трудъ собрать и привести ихъ въ порядокъ. Для Министра нашихъ Государственныхъ доходовъ здѣлалъ я преогромное сочиненіе въ претолстой книгѣ; по окончаніи онаго поѣхалъ въ Ліонъ, а оттуда въ Женеву къ Г. Вольтеру, съ которымъ много говорили мы о преступленіяхъ и наказаніяхъ и которой имѣетъ къ вамъ величайшее почтеніе. Наконецъ возвратился я въ Парижъ и при первомъ удобномъ случаѣ собравъ свои и друзей моихъ замѣчанія пришлю къ вамъ. Такъ какъ мнѣ кажется, что вы, при первомъ вашемъ изданіи, намѣрены

слѣдовать порядку, здѣланному мною въ переводѣ, и какъ сіе новое сопряженіе всѣхъ частей вашего сочиненія слишкомъ бы васъ отяготило и отняло время, которое можете вы употребить на дѣло гораздо полезнѣйшее, то я пришлю вамъ Италіянской экземпляръ вашего изданія, разположенной по порядку моего перевода. Вы можете употребить его на что вамъ за благоразсудится, но долженъ сказать, что разположеніе нашего перевода здѣсь вообще всѣми одобрено, такъ какъ и снизхожденіе ваше къ сей легкой перемѣнѣ.

Герцогъ де ла Рошёфуко, съ которымъ много говорилъ я объ васъ, восхищается тѣмъ, что знаетъ васъ лично. Благодарю васъ за угощеніе моего брата и Г-на Демаре. Во Франціи столь много у васъ друзей и удивляющихся вамъ, что вы непремѣнно должны воспользоваться какимъ нибудь случаемъ къ намъ пріѣхать.

Однако же я просилъ бы васъ пріѣзжать къ намъ лучше зимою, нежели лѣтомъ, ибо въ это время почти всѣ бываютъ вмѣстѣ и мнѣ легче будетъ познакомить васъ съ людьми, которые для васъ будутъ приятны и полезны. Мы примемъ васъ такъ, что вы останетесь у насъ на долго, если только дѣла вамъ позволятъ.

Не болѣе трехъ дней, какъ возвратился я въ Парижъ, проѣздивъ шесть недѣль. Очень много разъ видѣлся я съ О. Фризи. Въ пятницу Ъздили мы, вмѣстѣ съ Гг. д'Аламбертомъ и Мармонтелемъ, обѣдать въ деревню къ одному общему нашему другу, Г-ну Ваттеле, котораго вы должны знать, ибо онъ видалъ васъ въ Миланѣ у Графа Фирмїани. Онъ началъ было переводить маленькое разсужденїе Графа Вери, но его предупредили и я привезъ съ собою изъ Женевы печатной переводъ, которой вѣрно уже у васъ есть. Изъ Лїона получите вы нѣсколько книгъ, которыя я туда отослалъ и которыхъ еще не отправили. Онъ состоятъ изъ одного экземпляра въ 4. книги *о духѣ*, которую Г-нъ Гельвецїй проситъ васъ принять отъ него, и изъ сочиненїя нѣкоего Г-на Буланже, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ; онъ былъ въ нашемъ обществѣ и имѣлъ голову систематическую, какой никогда не бывало, но огненную и наполненную новыми идеями. Вы должны знать *восточной деспотизмъ*, другое его сочиненїе. Я не упущу случая и въ передъ доставлять вамъ, хотя не многозамѣчательныя сочиненїя, которыя у насъ покажутся. Въ Парижѣ живемъ мы подъ мечемъ строжайшей книжной инквизицїи, но наконецъ все входитъ

и разходится, такъ что черезъ нѣсколько времени достаютъ публично у книгопродавцевъ за умѣренную цѣну тѣже самыя книги, которыя гнали съ величайшимъ остервенѣніемъ; но это надобно долго ждать, или платить несоразмѣрную цѣну. Впрочемъ, что скажете вы о этой высокой политикѣ, которой весь предметъ состоитъ только въ томъ, что бы книга разходилась не много позже? Но къ стати разсказать вамъ прекраснѣйшее дѣло этой инквизиціи. И такъ знайте, что у насъ есть такая же строгая, какая была въ Миланѣ въ XIV вѣкѣ и что инквизицію эту составляютъ наши Парламенты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые. Объявляю вамъ, вамъ и друзьямъ вашимъ и всѣмъ друзьямъ разсудка и человѣчества, то, что здѣсь случилось. Одинъ молодой человѣкъ въ двадцать два года, обвиненный въ томъ, что *говорилъ кощунства, или нечестивыя пѣсни, становился на колѣни передъ философическимъ словаремъ Вольтера*, все это дома, а не въ публичномъ какомъ мѣстѣ и *въ двадцати пяти шагахъ отъ крестнаго хода прошолъ не снявъ шляпы*, осужденъ былъ на обыкновенную и чрезвычайную пытку, чтобы объявить своихъ соумышленниковъ, на церковное покаяніе, на отрѣзаніе языка, на от-

рубленїе головы, на созженїе тѣла и на разсѣяніе праха его по вѣтру и приговорѣ исполненъ въ точности. Вмѣстѣ съ нимъ осуждены еще четверо, одинъ за неявку въ судъ, а изъ остальныхъ старшему семнадцать лѣтъ. Записка, подписанная осьмью старшими адвокатами, показываетъ намъ, что нижній Провинціальной Судья, дѣлавшей слѣдствїе и котораго приговорѣ подтвердилъ Парижской Парламентъ, былъ явной и извѣстной врагъ молодыхъ людей, замѣшанныхъ въ это дѣло; что въ изслѣдованїи дѣла не наблюдались обыкновеннѣйшія формы; что одинъ изъ молодыхъ людей такой еще ребенокъ и такъ простъ, что растянулся въ ногахъ судьи, его допрашивавшаго, каясь, что одинъ разъ проходя мимо ходу съ С. Дарами не становился на колѣни, что былъ спесивъ и пр. — Вотъ преступникъ, угрожаемый смертною казнїю, если всеобщее негодованїе не воздвигнется ему на помощь. Вотъ терпимость, философїя, просвѣщенїе нашихъ судей. Но вотъ еще и того ужаснѣе! Такъ какъ Парижской Парламентъ не принялъ апелляціи осужденныхъ, (апелляціи, основанной на беззаконномъ производствѣ дѣла, обьясненномъ въ запискѣ) и такъ какъ одинъ изъ нихъ уже умеръ, то господамъ симъ показа-

лось не прилично обнародовать записку, которую запретили. Первой Президентъ призвавъ адвокатовъ здѣлалъ имъ выговоръ. Они съ мужествомъ отвѣчали, что должность ихъ свободна и что они обязаны давать совѣты гражданамъ, требующимъ оныхъ. Вотъ, любезный другъ, тотъ *посредній деспотизмъ*, тяжесть котораго вы такъ сильно чувствовали и описали пагубныя онаго слѣдствія: вотъ что такое тѣ люди, которые выдаютъ себя за защитниковъ свободы Государства и которыхъ почитали таковыми почти во всей Европѣ.

Если Графъ Фирмїани припомнитъ разговоры, бывшіе у меня съ нимъ въ разсужденїи сего предмета, то вспомнитъ также, что я говорилъ ему, что философїя и разсудокъ долго еще ни чего недобьются отъ нашихъ Парламентовъ; что и въ самомъ добрѣ, какое только они здѣлали, нападая на Езуитовъ и монашество, одушевлялись они однимъ глупымъ фанатизмомъ; что они были только Жансенисты, а не судьи. Европа не разсматривала еще ихъ подъ симъ видомъ; но я могу сказать, что Г. д'Аламбертъ, нѣкоторые изъ друзей моихъ и я, никогда въ этомъ не ошибались. Вамъ можетъ быть покажется, что я на нихъ слишкомъ сердитъ;

но вы не можете повѣрить съ какою злостїю противятся они всякому добру. Напримѣръ: дѣлаютъ обширное и полезное сочиненїе, энциклопедїю; отъ нихъ произтекаютъ всѣ гоненїя, воздвигнутыя на сїе предпрїятїе. Хотятъ во Францїю ввести прививанїе оспы: они дѣлаютъ опредѣленїе, которое изгоняетъ оное изъ городовъ, и для увѣнчанїя глупости, отсылаютъ вопросъ сей на рѣшенїе въ богословской факультетъ. Просятъ, чтобы позволили свободно торговать хлѣбомъ: вдругъ входитъ предложенїе Генералъ-адвоката, Г-на Омера Жоли де Флёри, преглупѣйшее сочиненїе, какое только когда нибудь было писано о политической экономїи, и Парижской Парламентъ ограничиваетъ, стѣсняетъ, какъ только можно, свободу въ ее дѣйствїи и въ Столицѣ. Сїи же самые люди, которые выдаютъ себя за защитниковъ правъ и свободы Государства, шесть лѣтъ тому назадъ опредѣляютъ смертную казнь авторамъ книгъ, кои *клонятся къ возмущенїю умовъ*; законъ, которой гораздо темнѣе, опаснѣе и жесточѣ закона *Величества* у Римлянъ. Два года назадъ, объявляютъ запрещенїе, подъ неопредѣленнымъ и отъ нихъ собственно зависящимъ наказанїемъ, писать что нибудь о Государственныхъ доходахъ;

а какъ коммерческія дѣла связаны необходимыми соотношеніями съ управленіемъ Государственныхъ доходовъ, то симъ они остановили множество умныхъ людей, которые упражнялись въ сихъ предметахъ, важныхъ для политическаго общества. Вотъ, любезной мой философъ, состояніе философіи въ головахъ сихъ. Придумайте, если можете, сильнѣйшіе и многочисленнѣйшіе способы отвращать отъ всего. Но не смотря на это мы не унываемъ; мы потрясаемъ цѣпями, насъ обременяющими и бьёмся головами въ двери темницы; въ которую насъ заключили. Къ нещастію головы иногда разбиваются. Если что нибудь еще поддерживаетъ наше мужество, то состоитъ въ томъ, что за двѣсти миль отъ насъ, въ такой землѣ, въ которую и не думали что бы заглянула истинная философія, видимъ мы превосходные умы, горячихъ друзей человѣчества и разсудка. Могу увѣрить васъ, что книга ваша насъ удивила и вмѣстѣ утѣшила. Успѣхъ ея былъ общій. Знаете ли, что теперь, когда я вамъ пишу это, здѣлано уже семь изданій нашего перевода. Это-то и заставляетъ меня надѣяться разпространенія человѣколюбія, ибо вотъ какъ я разсуждаю: если здѣлано семь изданій, слѣдственно

есть по крайней мѣрѣ семь тысячь человѣкъ, которые читаютъ эту книгу, и повѣрьте, что большая часть изъ читающихъ, плѣняются и принимаютъ правила оной, потому что, такъ какъ вы очень хорошо сказали, говоря вообще, тираны не читаютъ. И такъ, вотъ сколько учениковъ здраваго разсудка, которые научатъ и еще болѣе! Вотъ сколько открытыхъ училищъ и разпространеннаго ученія! И какое препятствіе устоитъ противу общей и вдругъ дѣйствующей силы просвѣщенія, здраваго разсудка и общаго мнѣнія? Намъ надобно полагаться на общее мнѣніе, любезный другъ. Ни Вольтеръ, ни д'Аламбертъ, ни Руссо, ни вы и ни какой въ свѣтѣ философъ, не произведутъ непосредственнаго дѣйствія надъ умомъ управляющихъ. Мы будемъ дѣйствовать на общее мнѣніе, а общее мнѣніе побѣдитъ наконецъ фанатиковъ и даже тирановъ, хотя и не сильно противу сопротивленія, полагаемаго ему обществами, которыя всегда послѣднія просвѣщаются. Духъ особеннаго какого общества есть родъ масла, препятствующаго ему *налипаться* общимъ мнѣніемъ; (я употребляю слово, которое Монтаньй употреблять любитъ). Общества имѣютъ правила, которыя кажутся не опровергаемыми

и священными каждому изъ членовъ, какъ скоро они въ собранїи. Человѣкъ, внѣ своего общества, бываетъ или кажется разсудительнымъ, свѣдущимъ, человѣколюбивымъ: оставте его самъ-десятъ съ товарищами въ комнатѣ; онъ начнетъ дурачиться, здѣлается невѣждою, жестокимъ.

Я возвращаюсь къ вашему сочиненїю: вы хорошо дѣлаете, что ожидаете моихъ, и друзей моихъ замѣчанїй, прежде сообщенїя мнѣ вашихъ. Прошу у васъ еще нѣсколько времени и я васъ удовольствую. Къ тому же думаю, что на васъ воспанутъ критики, то надобно подождать, что бы употребить ихъ въ пользу. Я непремѣнно переведу новое ваше изданїе и упражненїе это будетъ для меня приятно и драгоцѣнно. Вы слишкомъ снисходительны изъявляя мнѣ за это нѣкоторую благодарность. Удовольствїе, которое имѣлъ я переводя ваше сочиненїе, можетъ васъ отъ этаго уволить; вы слишкомъ заплатили мнѣ за трудъ.

Я хочу также и въ передъ быть обыкновеннымъ вашимъ переводчикомъ, и какъ скоро большое сочиненїе о законоположенїи будетъ кончено, то прошу васъ прислать мнѣ оное тотъ часъ, и если можно, то прежде нежели напечатается, что-бы могъ я заняться

онымъ немедля и что бы переводъ вышелъ въ одно время съ подлинникомъ. Обѣщаю вамъ все бросить для этова, ибо этимъ только однимъ можно здѣлать, чтобы какой нибудь дурной писатель не завладѣлъ трудомъ вашимъ и его не испортилъ. Если не возмете вы етой предосторожности, то отъ успѣха какой имѣло *Разсужденіе ваше о преступленіяхъ*, вѣрно попадетесь въ руки какова нибудь дурнова переводчика. Примите совѣтъ мой, ибо я щитаю его для васъ нужнымъ.

Я не получалъ *Кафе* (*), что меня очень огорчаетъ. Надѣюсь, что не забудете своего обѣщанія прислать мнѣ его; но усильно прошу васъ оставить сіе сочиненіе. Періодическія сочиненія совсемъ нейдутъ къ вамъ. Писатель, имѣющей сильныя и свободныя мысли, недолженъ, всякой мѣсяцъ непремѣнно, подвергаться крику изувѣровъ и глупыхъ людей, ибо крикъ етотъ усиливается точно отъ того, что повторяется. Вамъ не пристало стрѣлять изъ ружья. Лучше изъ рѣдка показываться, позволять непріятелю забывать себя, уготовлять оружіе и поря-

---

(*) Періодическое сочиненіе.

докъ сраженїя въ тишинѣ и мракѣ, а тамъ уже вдругъ здѣлать мужественную вылазку.

Вамъ вѣрно хочется знать ученыя новости. Къ сожалѣнїю сообщу вамъ непріятныя. Вы знаете поступокъ Г-на Юма съ Руссо, и съ какимъ жаромъ и усердїемъ сыскалъ онъ ему убѣжище въ Англїи; но онъ обязалъ неблагодарнаго, отогрѣлъ змѣю за пазухою, въ чемъ мы не сомнѣваемся. Дѣло это такъ громко, что вѣрно дойдетъ и до васъ. До сихъ поръ вѣрилъ я моральному характеру Руссо, даже съ жаромъ защищалъ его противу всѣхъ друзей моихъ, съ которыми былъ онъ знакомъ и которые почитаютъ его злымъ человѣкомъ. Онъ разсорился со всѣми, съ Барономъ д'Ольбакомъ, Дидеротомъ и пр.; но теперь, признаюсь, не льзя уже мнѣ болѣе защищать его. Вотъ все дѣло въ короткихъ словахъ. Юмъ спросилъ Руссо, хочетъ ли онъ принять пансїонъ отъ Аглинскаго Короля? Руссо отвѣчалъ, что онъ въ этомъ послѣдуетъ совѣту Милорда Марешаля, его покровителя. Юмъ пишетъ къ Лорду Марешалю, которой соглашается на это. Послѣ этова оба они вмѣстѣ пишутъ къ Лорду Ковею, Статсъ-Секретарю и другому какому-то Лорду. Просятъ Короля, которой даетъ пан-

сїонъ, съ тѣмъ однако же, что бы объ этомъ ни кто не зналъ. Руссо самъ одобряетъ условіе, потомъ вдругъ перемѣняетъ мысли, и требуетъ, что бы пансїонъ дали ему публично. Покровители его обѣщаютъ стараться и объ этомъ, но напередъ хотятъ быть увѣрены, что бы Руссо послѣ и отъ этова не отказался. Юмъ пишетъ къ нему, но неполучаетъ отвѣта. Наконецъ побуждаемъ новымъ письмомъ Г-на Юма, прислалъ онъ къ нему слѣдующее: *Спросите только свою совѣсть, отъ которой получите требуемой отвѣтъ.... Я не знаю злѣе васъ человѣка.... вы привезли меня въ Англїю подъ предлогомъ услужить мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ для того только, что бы меня обезчестить. Благородное дѣло это произвели вы со рвенїемъ, достойнымъ вашего сердца, и успѣхомъ, достойнымъ вашихъ дарованїй. Терзайте мою славу, потомство отдастъ обѣимъ намъ справедливость. Послѣ случившагося не можетъ быть между нами ни какой болѣе связи. Вы получите это отъ меня послѣднее письмо, и пр.*

Понимаете ли вы что нибудь изъ этаго дѣла? но еще болѣе подивились бы, если бы знали этова Давида Юма, тихова, простова, чувствительнова, лучшего человѣка въ свѣтѣ. Душа его разтерзалась, получа такое стран-

ное письмо. Онъ отвѣчалъ Руссо съ величайшею умѣренностію, что вѣрно какой нибудь злоязычникъ оклеветалъ его, что проситъ назвать его; что бы увѣдомили въ чемъ состоитъ вина его, что бы дали ему средство оправдаться, что требуетъ у него сего правосудія не такъ, какъ будто имѣетъ какое нибудь право на его благодарность, а какъ невинный; что онъ обязанъ этимъ истинѣ, человѣчеству и пр. Руссо не отвѣчаетъ ни слова. Въ такомъ положеніи, Юмъ пишетъ къ д'Аламберту предлинное письмо съ приложеніемъ копіи съ писемъ Руссо и своихъ; требуетъ отъ него, также и отъ меня и нѣкоторыхъ друзей моихъ, совѣта: обнародовать ли свое защищеніе? Дѣло это очень щекотливо. Съ одной стороны непріятно Юму войти такимъ образомъ въ поле сраженія. Ссоры такова рода всегда пагубны для наукъ. Глупцы и изувѣры берутъ отъ этого право порицать философію. Съ другой стороны, думаетъ Юмъ, что такъ какъ Руссо пишетъ свои записки, то не применетъ хвастаться тѣмъ, что отказался отъ пансіона Аглинскова Короля и порицать Юма. Если записки сіи выдутъ въ свѣтъ послѣ смерти того и другаго, то защищеніе Юма будетъ безъ силы. А если послѣдней те-

перь выдастъ письма Руссо и свои, и раскажетъ дѣло такъ точно, какъ оно было, то Руссо будетъ или отвѣчать и тогда отвѣтъ его совершенно оправдаетъ Юма, или замолчитъ, и въ такомъ случаѣ обвинится собственнымъ своимъ молчаніемъ.

Не дивитесь безпорядку письма сего; я принимался за него разъ пять или шесть въ разное время. Дѣла мои не позволяютъ написать оное вдругъ. Вчерашней вечеръ провелъ я съ Дидеротомъ у Барона д'Ольбака, которой пріѣхалъ изъ деревни; мы говорили объ васъ и вашемъ сочиненіи; они оба вамъ кланяются. Дидеротъ думаетъ, что вамъ не должно щерять изъ виду вашего разсужденія de' delitti, ибо матерія эта очень привлекательна; что вамъ должно пользоваться вниманіемъ, которое возбудили вы на сей предметъ, и что, не торопясь однако же, черезъ годъ напримѣръ, надобно вамъ здѣлать новое изданіе съ истолкованіемъ и разобраніемъ вещей, о которыхъ вы говорили и присоединеніемъ тѣхъ, о которыхъ вы говорить можете.

Вашъ О. Фризи показался намъ прелюбезнымъ человѣкомъ. Пускай самъ онъ скажетъ вамъ, хорошо ли мы его приняли и доволенъ ли онъ нами. Мы

видимся очень часто. Онъ ходитъ къ Барону д'Ольбаку и д'Аламберту, гдѣ мы смѣемся и философствуемъ. Когда-то вы къ намъ пріѣдите? О. Фризи сказывалъ мнѣ, что другъ вашъ, Графъ Вери, служитъ Совѣтникомъ Коммерціи. Занимаясь огромнымъ сочиненіемъ въ разсужденіи сего предмета, кажется могу я требовать отъ него нѣкоторыхъ извѣстій, касающихся до вашей земли, которыя онъ можетъ сообщить мнѣ. Прошу васъ присоединить къ причинамъ общественной пользы, которыя принудятъ его удѣлить мнѣ свои познанія, и ваше ко мнѣ дружество. Такою же прозьбою обременяю васъ и къ Графу Каили. Я вамъ отмѣнно буду обязанъ, если вы достанете мнѣ экземпляръ сочиненія его о монетахъ, котораго не могутъ мнѣ достать Парижскіе, Лїонскіе и Женевскіе книгопродавцы. Очень также хотѣлось бы мнѣ имѣть сочиненіе Президента Нери o cencimento. Если вы можете достать и то и другое, то здѣлайте одолженіе купите ихъ для меня. Я отдамъ О. Фризи то, что вы за нихъ заплатите, или на обмѣнъ пришлю какихъ угодно книгъ.

Еще нравился мнѣ маленькое сочиненіе о монетахъ, о которомъ говорите вы, какъ мнѣ кажется, съ из-

лишнею скромностїю. Критика почтеннѣйшаго О. Факинеи очень забавна. Прошу васъ поблагодарить Графа Фирмїани за то, что онъ меня вспомнилъ въ письмѣ своемъ къ О. Фризи. Увѣдомляйте меня объ немъ. Г. д'Аламбертъ вамъ кланяется. Если увидите Маркиза Карпани, поблагодарите его за меня за манускриптъ и ласковое письмо. Я скоро къ нему писать буду. Прощайте, М. Г., или лучше любезнѣйшїй другъ; ибо не возможно не принять мнѣ преимущественно израженїя чувствїя, которое владѣетъ моимъ сердцемъ. Я почитаю и уважаю васъ очень много, а люблю еще болѣе, если только можно; ибо щитаю васъ за человѣка, опредѣленнаго здѣлать людямъ множество добра и разпространить царство истины и здраваго разсудка. Трудитесь надъ симъ достойнымъ васъ дѣломъ и неустрашайтесь никакими препятствїями и противорѣчїями. Тѣмъ болѣе достоинства дѣлать добро, чѣмъ болѣе дѣлаемъ оное, не смотря на усилїе злыхъ и тѣмъ болѣе славы просвѣщать человѣчество, чѣмъ гуще мракъ, которой хочешь разсѣять и чѣмъ болѣе упрямятся слѣпые и отвращаютъ глаза свои отъ свѣта. Мое почтенїе Графу Вери и всему вашему обществу. Какая же это у насъ пре-

красная колонїя: я говорю вашими словами. Главной городъ вѣрно бы позавидовалъ оной, если бы только чувство сїе могло соединяться съ любовїю ко благу и истинѣ, которыми оживотворяются жители онаго.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ.

§ 1.

Введеніе и начертаніе сего сочиненія.

Между соединенными въ общество людьми дѣйствуетъ безпрестанное усилїе, клонящееся къ утвержденїю въ одной части онаго всей силы и всего щастїя, а въ другой всей нищеты и всей слабости. Дѣйствїе хорошихъ законовъ состоитъ въ безпрепятномъ сопротивленїи сему усилїю. Но попеченїе установлять важнѣйшїя вещи, люди обыкновенно возлагаютъ на минутную мудрость, или на тѣхъ самыхъ людей, которые для собственныхъ выгодъ всегда отвергаютъ лучшїя постановленїя. Почему, развѣ въ самой крайности и отъ чрезмѣрнаго спражданїя рѣшаются они наконецъ отвращать неща-

стїя, ихъ удручающїя. Прошедъ сперва чрезъ тысячу заблужденїй, пагубныхъ для ихъ жизни и вольности, открываютъ они глаза на ощутительныя истины, которыя, самою простотою своею, сокрываются отъ ума обыкновеннаго, неспособнаго раздроблять предметы и привыкшаго принимать только впечатлѣнїя неопредѣленныя и темныя, не разбирая сихъ и полагаясь на слово.

Разкроемъ исторїю и увидимъ, что законы, долженствовавшїе быть условїемъ между людьми свободными, были по большой части только орудїемъ страстей малаго числа людей, или дѣйствїемъ нужды случайной и кратковременной, а никогда дѣломъ безпристра тнаго созерцателя человѣческой природы, которой умѣлъ бы соединить въ одну точку дѣйствїя множества людей и направить ихъ къ сему единственному предмету: *величайшее блаженство величайшаго числа.* Щастливы народы, которые не ждали, что бы медленное послѣдствїе сопряженїй и несчастїй чело-

вѣческихъ, проложило отъ чрезмѣрности зла узкую тропу къ добру; но мудрыми законами ускорили переходъ одного къ другому! Какой благодарности не заслуживаетъ философъ, которой, изъ глубины темной и презрѣнной комнаты, имѣлъ мужество бросить въ толпу народную первыя съмяна полезныхъ истинъ, которыя долго лежали безъ всякаго плода!

Философическимъ истинамъ, сдѣлавшимся общими отъ изобрѣтенїя книгопечатанїя, обязаны мы познанїемъ истинныхъ соотношенїй, связующихъ Государей съ подданными и народы между собою. Сношенїя одушевились и между народами возсiяла брань прудолюбїя гораздо человѣколюбивѣе и разумнѣе. Но между тѣмъ, какъ множество предразсудковъ изчезло отъ просвѣщенїя текущаго вѣка, видимъ, что никто еще незанялся исправленїемъ неправильностей уголовнаго судопроизводства, части законоположенїя столь же важной, какъ и забытой во всей Европѣ.

Никто не возсталъ противу жестокости наказанїя, употребляемаго въ нашихъ судахъ. Никто не сразился съ сими заблужденїями, скопленными множествомъ вѣковъ; никто не противупоставилъ силу извѣстной испины злоупотребленїю худо направленной власти и симъ примѣрамъ, повтореннымъ и утвержденнымъ хладною жестокостїю; хотя стенанїя слабыхъ, приносимыхъ на жертву суровому невѣжеству и нечувствительности сильныхъ людей; варварскїя мученїя безъ пользы употребляемыя надъ преступленїемъ или худо доказаннымъ, или пустымъ; ужасъ темницъ, умножаемой тѣмъ, что составляетъ величайшее наказанїе для несчастнаго: неизвѣстностїю своего жребїя! хотя все сїе и долженствовало бы возбудить вниманїе философовъ, сего рода судей, которыхъ должность направлять людскїя мнѣнїя! Безсмертный Монтескью слегка только коснулся сего важнаго предмета. Изыскивая истинну, которая единственна, принужденъ я былъ слѣ-

довать по блистательной стезѣ сего великаго мужа; но умѣющіе размышлять, для которыхъ только я и пишу, безъ труда различатъ мои слѣды. Щастливымъ почту себя, если получу, также какъ и онъ, тайную благодарность неизвѣстныхъ и миролюбивыхъ учениковъ философіи и здраваго разсудка, и возбужу въ нихъ сіе приятное трепетаніе, которымъ души чувствительныя отвѣчаютъ на гласъ защитника человѣчества.

Дабы здѣлать порядокъ въ нашихъ изысканіяхъ, должно бы было размотрѣть и различить особенно всякой родъ преступленія и наказанія, сопряженнаго съ онымъ. Но множество и разнообразность сихъ предметовъ, смотря по обстоятельствамъ времянъ и мѣстъ, завели бы насъ въ бесчисленныя и скучныя подробности. Довольно, если только означу обще принятыя правила и плачевнѣйшія заблужденія, удаляясь равно отъ худоразумѣемой любви къ свободѣ, клоняющейся къ безначалію, и отъ педан-

ства, которое хочетъ всѣхъ людей подчинить монастырскому порядку.

Отъ чего начались наказанія и на чемъ основано право наказывать? Какія употребляются средства въ хорошемъ законоположеніи задерживать преступника и открывать и доказывать злодѣяніе? Справедлива ли пытка и ведетъ ли она къ намѣренію, законами предполагаемому? Не должно ли наказаніе быть соразмѣрно преступленію? и какъ установить сію соразмѣрность? Какая есть мѣра величія преступленій? Полезна и нужна ли смертная казнь для безопасности и благочинія въ общежитіи? Какія наказанія должно дѣлать въ разныхъ преступленіяхъ? Одинакія наказанія полезны ли равно во всѣхъ временахъ? Какое вліяніе имѣютъ онѣ на нравы? Какія дѣйствительнѣйшія средства къ предупрежденію злодѣяній? — Всѣ сіи задачи достойны быть рѣшены съ сею геометрическою точностію, которая торжествуетъ надъ ухищреніемъ Софиста, надъ обольщеніемъ краснорѣчія и надъ робостію сцепти-

цизма. Щастливымъ почту себя, если и не буду имѣть инаго достоинства, кромѣ того, что представлю съ нѣкоторою ясностїю нашей Италїи то, о чемъ уже писали и привели въ исполненїе другїе народы. Но если защищая права людей и непобѣдимой истинны, удастся мнѣ изторгнуть изъ рукъ тиранства, или невѣжества, хотя одну жертву, то слезы и благословенїя одного невиннаго, изливаемыя въ возхищенїи его радости, утѣшатъ меня въ презрѣнїи всего человѣческаго рода!

§ II.

О началѣ наказаній и основаніи права наказывать.

Политическая нравственность, для доставленїя обществу какого нибудь прочнаго добра, должна быть основана на неизгладимыхъ чувствїяхъ сердца человѣческаго.

Всякой законъ, сооруженной не на семъ основанїи, будетъ всегда имѣть препятствїе къ своему существованїю,

и препятствїе сїе, какъ бы мало ни было, изпровергнетъ наконецъ законъ, такъ какъ видимъ въ механикѣ, гдѣ малая сила, дѣйствующая ежеминутно, уничтожаетъ въ какомъ нибудь тѣлѣ сильнѣйшее движенїе. И такъ, посовѣтуемъ съ сердцемъ человѣческимъ, дабы найти въ ономъ начало наказаній и истинныя основанїя права наказывать.

Никто добровольно не пожертвовалъ своею свободою, или не подарилъ оной, имѣя въ виду одно только всеобщее благо. Такой вздоръ существуетъ въ однихъ романахъ. Всякому изъ насъ хотѣлось бы, если бы только это можно было, что бы условїе, связующее другихъ, не связывало его самаго. Каждой человѣкъ дѣлаетъ себя средоточїемъ всѣхъ сопряженій свѣта.

Размноженїе человѣческаго рода, хотя медленное, но все довольно быстрое, чтобы природа, оставленная самой себѣ, была доспаточна удовлетворять нуждамъ, которыя всякой день дѣлались многочисленнѣе и не-

реплетались между собою различнымъ образомъ, принудило соединиться первыхъ людей. По учрежденіи нѣкоторыхъ обществъ, основались скоро дружія для сопротивленія первымъ и война между народами заняла мѣсто войны между людьми.

Законы были условія, подъ которыми люди, до сего независимые и отдѣленные, соединились въ общество. Утомясь отъ безпрестанной войны и свободы, которая была для нихъ безполезна отъ неизвѣстности сохранить ее, пожертвовали они нѣкоторою изъ нее частію, дабы остальнымъ наслаждаться съ большею безопасностію. Сумма всѣхъ сихъ участковъ свободы составила самодержавіе народа, которое въ залогъ отдано было въ руки Государя и препоручено его управленію. Но недовольно еще было установить сего залога, надобно было защитить его отъ похищенія всякаго частнаго человѣка, которой старается изторгнуть изъ общественной массы не токмо собственной свой участокъ, но и другихъ. Дабы деспотизмъ каждаго

частнаго человѣка не повергъ общество въ древнiй хаосъ, но для воспрепятствованiя онаго надобно было изобрѣсти ощутительныя и достаточныя средства. Средства сiи состояли изъ наказанiй, положенныхъ на нарушителей закона. Я говорю, что средства сiи должны были быть ощутительны, ибо опытъ доказываетъ, что умъ не принимаетъ *правилъ поведенiя*. Общество, такъ какъ и всѣ части физическаго мiра, имѣетъ въ самомъ себѣ начало разрушенiя, дѣйствiя котораго иначе остановить нельзя, какъ средствами, непосредственно поражающими чувства. Краснорѣчiе и высочайшiя истины не могутъ положить преграды страстямъ, возбужденнымъ сильными впечатленiями ощутительныхъ предметовъ. Побѣдить ихъ иначе нельзя, какъ впечатленiями такого же роду, которыя безпрестанно представлялись бы уму и перевѣшивали частныя страсти, противныя общественному благу. Итакъ, одна только необходимость принудила каждаго человѣка уступить часть изъ своей

свободы; изъ чего слѣдуетъ, что всякой положилъ въ общей залогъ самомалѣйшій участокъ изъ оной; такой, которымъ пожертвовать было нужно, дабы принудить участниковъ охранять его во владѣніи оставшагося. Собраніе всѣхъ сихъ участковъ свободы, самомалѣйшихъ, какіе только каждой уступить могъ, есть основаніе права наказывать отъ общества. Всякое дѣйствіе власти, простирающееся за сіе основаніе, есть *злоупотребленіе*, а не *правосудіе*, есть *самовольство*, а не *право* (*) Всякое наказаніе несправедливо, если оно не полезно для сохраненія залога всеобщей свободы.

(*) Надобно замѣтить, что слово *право* не противорѣчитъ слову *сила*. Право есть измѣненіе силы, то есть, полезнѣйшее для большаго числа людей, ограниченіе силы каждаго. Подъ *правосудіемъ* я не иное что разумѣю, какъ необходимый узелъ, связующей частныя выгоды, безъ котораго, расторгшись снова, привели бы онѣ древнее состояніе не-

Наказанїя здѣлаются тѣмъ справедливѣе, чѣмъ болѣе Государь сохранитъ свободы частнымъ людямъ, а въ тоже время и всеобщая свобода будетъ невредимѣе и священнѣе.

§ III.

Слѣдствія вышеписанныхъ положенїй.

Первое слѣдствїе сихъ положенїй есть то, что опредѣлять наказанїя преступленїямъ могутъ одни только законы, и что право дѣлать карательные законы имѣетъ одинъ только законодатель, которой представляетъ

людимости. Къ слову *правосудїе* ненадобно привязывать понятїя о силѣ физической, или о живомъ какомъ существѣ. Ето только простое понятїе, имѣющее влїянїе на блаженство каждаго человѣка. Я не говорю здѣсь о правосудїи Божескомъ, которое со всемъ особливаго рода и которое имѣетъ непосредственные свои отношенїя съ наказанїями и награжденїями будущей жизни.

въ себѣ все общество, соединенное общественнымъ условіемъ. Изъ сего слѣдуетъ, что судья, будучи самъ частію только общества, не можетъ по справедливости опредѣлить другому члену общества наказанія, не положеннаго законами; и какъ умноженіе строгости въ какомъ нибудь наказаніи, опредѣленномъ уже законами, будетъ *двойное* наказаніе, то изъ сего слѣдуетъ еще, что никакой судья, даже подъ видомъ всеобщаго блага, не можетъ умножить наказанія, опредѣленнаго преступленію гражданина.

Второе слѣдствіе есть то, что Государь, представляющей въ себѣ самое общество, можетъ здѣлать только общей карательной законъ, которому подлежатъ всѣ члены общества; но ему не принадлежитъ право судить: заслужилъ ли такой по человѣкѣ наказаніе, опредѣленное законами? Въ случаѣ преступленія есть двѣ стороны: Государь, увѣряющей, что общественное условіе нарушено и обвиняемый самъ, которой не при-

знается въ этомъ. (*) Слѣдственно надобно, чтобы между ими былъ судья, которой рѣшилъ бы споръ, то есть, чиновникъ, котораго сужденія были бы безъ переносу и состояли въ простомъ утвержденіи или отрицаніи особливыхъ дѣлъ.

(*) Вообще Государь увѣряетъ, что такимъ-то дѣломъ, или случаемъ, общественной договоръ нарушенъ; но онъ симъ небвиняетъ человѣка, котораго надобно судить; и даже если народная сторона приноситъ жалобу, то она требуетъ только, чтобы изслѣдовали дѣло. Обвинитель есть тотъ, кто утверждаетъ, что такой то человѣкъ здѣлалъ такое то дѣло. Сочинитель самъ призналъ, что правило о справедливости и несправедливости должно для судьи составлять одинъ простой вопросъ о учиненномъ поступкѣ; онъ сказалъ также, что опредѣленія судей всегда противятся политической свободѣ, если онѣ не выведены изъ общаго правила. Итакъ, здѣсь надобно отличить три вещи: правило, опредѣляемое Государемъ; особливое дѣло, которое утверждаетъ

Третїе слѣдствїе. Еслибъ суровость наказанїй не была опроверкупа сею сострадательною добродѣтелїю, которая есть дѣло разума просвѣщеннаго и которая всегда будетъ предпочитать управленїе людьми щастливыми и свободными, нежели толпою невольниковъ; еслибы суровость сїя не была прямо противна благосостоянїю общества и самому предмету, на которой се направляютъ, то есть, на предупрежденїе преступленїй, то довольно и того, что она безполезна, дабы быть несправедливою и противною существу общественаго условїя.

обвинитель, и дѣлаемое судьею приналровленїе сего правила къ сему дѣлу по тщательномъ онаго разсмотрѣнїи. Слѣдственно Государь не имѣетъ дѣла съ обвиненнымъ, а не для этой причины неможно ему быть его судьею. *Дидероть.*

§ IV.

О толкованіи законовъ.

Четвертое слѣдствіе. Судьи, судящіе о преступленіяхъ, по той самой причинѣ, что они не законодатели, не могутъ имѣть права толковать карательныхъ законовъ. Законы принимаются судьями не отъ прародителей какъ будто семейственное какое преданіе, или воля завѣщателя, которую должны выполнить наслѣдники. Они принимаютъ ихъ отъ живаго и существующаго общества, или отъ Государя, которой представляетъ оное, какъ хранитель теперишняго опредѣленія общей воли. Власть самихъ законовъ основана не намнимомъ обязательствѣ (*)

(*) Если каждой гражданинъ обязывается съ обществомъ, то равномѣрно и общество обязывается съ каждымъ гражданиномъ, ибо существо условія состоитъ въ обязательствѣ обѣихъ условливающихся сторонъ. Обязательство, связующее

исполнять старыя условїя, которыя были бы ничтожны, ибо связывалибы воли болѣе не существующїя, и несправедливы, ибо сдѣлалибы людей вѣковъ послѣдующихъ подлою толпою не имѣющею ни дѣйствїя, ни воли. Они заимствуютъ обязательную свою силу и власть естественную и дѣйствительную отъ безмолвной или изустной клятвы вѣрности, которую сведшенныя воли живыхъ гражданъ

Государя съ послѣднимъ его поддан-ныимъ, знатнѣйшаго члена общества съ бѣднѣйшимъ, не иное что есть, какъ общая польза, чтобы наблюдались условїя, полезныя для большаго числа людей, а нарушенїе одного составляетъ уже начало безвластїя. Слово *обязательство*, одно изъ тѣхъ, которыя чаще употребляются въ морали, нежели въ другихъ наукахъ, есть сокращенной знакъ разсужденїя, а не идеи. Не льзя привязать простой идеи къ слову *обязательство*, и чтобы понять себя и заставить понять оное другихъ, то употребляя его надобно здѣлать разсужденїе.

учинили Государю. Кто же будетъ законнымъ оныхъ толкователемъ? Государь, то есть, хранитель неприщней воли всѣхъ, а не судья, котораго должность состоитъ только въ изслѣдованіи: здѣлалъ ли, или нѣтъ, такой-то человѣкъ дѣло, противное закону?

Въ сужденіяхъ всякаго рода преступленій судья долженъ дѣлать одинъ только силлогизмъ, или разсужденіе, котораго первое, или *главное* предложеніе есть законъ общей; второе, или *меньшое* изъясняетъ: сходно, или противно закону дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ? *Заключеніе* же содержитъ оправданіе, или наказаніе обвиняемаго. Если же судья самъ собою, или отъ недостатка закона, здѣлаетъ въ уголовномъ дѣлѣ болѣе одного силлогизма, то все придетъ въ неизвѣстность и мракъ.

Ничего нѣтъ опаснѣе обыкновеннаго правила, что *надобно брать смыслъ закона*. Принять оное есть тоже, что изпровергнуть оплотъ, удерживающей стремленіе людскихъ мнѣній.

Истина сія для меня непреложна, хотя кажется заблужденіемъ умамъ обыкновеннымъ, поражающимся болѣе малымъ наспоящимъ безпорядкомъ, нежели отдаленными слѣдствіями, въ тысячу разъ плачевнѣйшими, которыя влечетъ за собою одно ложное правило, принятое цѣлымъ народомъ. Всѣ наши познанія и мысли связаны между собою. Чемъ болѣе онѣ перепутаны, тѣмъ болѣе идетъ къ нимъ и отъ нихъ дорогъ. Всѣ мы смотримъ по своему и тотъ же человѣкъ въ разныя времена смотритъ разнымъ образомъ на тѣже самые предметы. Слѣдственно, смыслъ закона зависелъ бы отъ хорошей или худой логики судьи, отъ хорошаго или дурнаго варенія его желудка, отъ жестокости его страстей, отъ слабости обвиняемаго, отъ связи судьи съ обиженнымъ, и отъ всѣхъ малыхъ причинъ, которыя перемѣняютъ видъ предмета въ непостоянномъ человѣческомъ умѣ. Мы узрѣлибы судьбу гражданина мѣняющеюся отъ переноса дѣла его изъ суда въ другой, а жизнь и вольность его

зависящею отъ ложнова сужденїя, или дурнова расположенїя судьи. Мы узрѣлибы, что сей принялъ бы за справедливое толкованїе закона пустое слѣдствїе неопредѣленныхъ какихъ нибудь понятїй, которыя представились бы уму его Мы узрѣлибы, что тѣже самыя преступленїя и тѣмъ же самымъ судомъ наказывались бы различно въ разныя времена отъ того, что захотѣлибы внимать не гласу твердому законовъ неподвижныхъ, а обманчивому непостоянству самопроизвольныхъ толкованїй.

Никакъ не льзя сравнить съ симъ неудобствомъ погрѣшностей, могущихъ произойти отъ строгаго и словеснаго толкованїя каратєльныхъ законовъ. Сїи скоропреходящїя погрѣшности принуждаютъ законодателя присоединять къ двоезначущимъ словамъ закона легкїя и нужныя поправки; но по крайнѣй мѣрѣ тогда есть еще обузданїе сего нещастнаго своевольства толковать и умничать, источника самопроизвольныхъ и продажныхъ сужденїй. Если законы не точно опредѣлены и не

отъ слово въ слово разумѣются; если единственное право судьи не въ томъ состоитъ, что онъ разбираетъ только: какое дѣло противно или согласно съ предписаннымъ закономъ; если правило справедливости и несправедливости, долженствующее управлять равно дѣйствіемъ невѣжды и человѣка просвѣщеннаго, не будетъ составлять для судьи простаго вопроса о учиненномъ поступкѣ, тогда гражданинъ всегда будетъ его невольникомъ. Иго же сего множества тирановъ тѣмъ несноснѣе, чемъ менѣе разстояніе между утѣснителей и утѣсняемыхъ; труднѣе свергнуть его, ибо избавиться ничемъ инымъ нельзя, какъ прибѣгнуть къ деспотизму одного; оно также и суровѣе отъ того, что находитъ болѣе сопротивленія, ибо суровость тиранства соразмѣрна, не силѣ своей, а препятствіямъ, ему полагаемымъ.

Если карательные законы разумѣются слово въ слово, то всякой человѣкъ можетъ щесть и узнать точно вредъ, происходящей отъ ху-

даго дѣла, что нужно для отвращенія его отъ онаго. Тогда люди наслаждаются личною безопасностію своего имѣнія; что справедливо, ибо для етаго соединились они въ общество. Правда, что симъ способомъ граждане пріобрѣтутъ духъ независимости и свободы, не будутъ болѣе рабами тѣхъ людей, которые слабость и слѣпое повиновеніе ихъ прихотямъ назвали добродѣтелью; но не менѣе будутъ повиноваться законамъ и вышнимъ начальникамъ.

Правила сіи вѣрно не понравятся тѣмъ людямъ, которые думаютъ имѣть право передавать подчиненнымъ своимъ толчки, получаемые ими отъ вышнихъ надъ собою тирановъ. Я всего боюсь, если они меня читать будутъ и поймутъ; но тираны никогда не читаютъ.

§ V.

О неясности законовъ

Если право толковать законы есть зло, то не менѣе того и не-

ясность оныхъ, отъ которой произходитъ небходимость толкованія. Зло сіе бываетъ еще болѣе, если они писаны на мертвомъ и неизвѣстномъ народу языкѣ. Если законы не будутъ писаны на общемъ языкѣ и не здѣлаются обыкновенною книгою, на подобіе Катехизиса; если сохранятъ они сей родъ важности, приданной имъ такъ не къ статъ, то гражданинъ не зная самъ собою слѣдствій собственныхъ своихъ дѣяній на свою особу и свободу, останется рабомъ нѣкотораго числа людей, хранителей и толкователей закона. Преступленія уменьшатся, чемъ болѣе будутъ читать и разумѣть законы; ибо нѣтъ сомнѣнія, чтобы въ умѣ того человѣка, которой не знаетъ, или мало знаетъ наказаніе, положенное за предамѣреваемое имъ преступленіе, незнаніе сіе и неизвѣстность не сильно помогали красноречію страстей. Что думать о человѣчествѣ, видя, что законы всѣхъ почти народовъ писаны на мертвомъ языкѣ и что сей варвар-

ской обычай существуетъ еще въ просвѣщеннѣйшей части Европы?

Изъ сихъ разсужденій слѣдуетъ, что безъ письма никакое общество не можетъ никогда принять твердаго образа правленія, въ которомъ сила находится въ политическомъ тѣлѣ, а не въ частяхъ онаго, въ которомъ законы могутъ мѣняться только по общей волѣ и немогутъ ослабѣть и рушиться отъ противоборства частныхъ выгодъ. Разумъ и опытъ доказываютъ намъ, что дѣйствительность и вѣроятность людскихъ преданій уменьшаются по мѣрѣ отдаленія ихъ отъ начала. Законы не болѣе оныхъ могутъ противиться дѣйствію времени и силѣ страстей, если не будетъ прочнаго памятника общественнаго условія.

Изъ сего также видно, какую пользу принесло книгопечатаніе роду человѣческому. Оно только одно можетъ здѣлать все общество, а не малую часть людей, хранителемъ и оберегателемъ святости законовъ. Оно изгнало сей мрачный духъ пронырства и ябеды, которой не можетъ

терпѣть свѣта и стращится наукъ притворяясь, что презираетъ оныя. Книгопечатаніе уменьшило въ Европѣ жесточайшія злодѣянія; оно разрушило сіе варварское состояніе, въ которомъ отцы наши по перемѣнно были то рабами, то тиранами. Кто знаетъ исторію двухъ или трехъ вѣковъ и нашу, тотъ можетъ видѣть, какъ изъ нѣдра роскоши и нѣги возникли кротчайшія добродѣтели: человѣколюбіе, благодѣяніе и терпимость людскихъ заблужденій. Напротивъ, въ тѣхъ отдаленныхъ временахъ можетъ онъ замѣтить дѣйствіе не къ стать названной древней простоты и добродушія отцовъ нашихъ: человѣколюбіе, стенящее подъ ударами неукротимаго суевѣрія; сребролюбіе и честолюбіе малаго числа людей, обагряющіе кровію престолы и чертоги Царей; тайныя измѣны и явныя смертоубивства; дворянство, терзающее по всюду нещастной народъ; служителей святой Религіи, омывающихъ руки свои кровію во имя Бога милосердія. Какъ кто ни говори о поврежденіи нашего вѣка, но не

найдетъ въ немъ подобныхъ примѣровъ жестокости.

§ VI.

О тюремномъ заточеніи.

Заблужденіе не менѣе обыкновенное, какъ и противное предмету установленія общества, состоящаго въ личной безопасности, есть то, что судья, исполнитель только закона, можетъ посадить въ тюрьму гражданина, отнять подъ пустымъ предлогомъ свободу у того, кого ненавидитъ, и оставить на свободѣ того, кого любитъ, не смотря на ясные знаки преступленія. Тюрьма есть наказаніе, которое отличается отъ другихъ тѣмъ, что оно по необходимости предшествуетъ судебному объявленію преступленія. Но сіе отличительное свойство не лишаетъ его другаго, существеннаго и общаго со всѣми родами наказанія, а именно, что оно дѣлается въ такомъ только случаѣ, когда законъ опредѣляетъ, что гражданинъ заслуживаетъ оное. Слѣдственно за-

конѣ долженъ опредѣлить признаки преступленїя, которыя требуютъ запрещенїя обвиненнаго и подвергаютъ его сему роду наказанїя и изслѣдованїю его дѣла. Народный гласъ, его обвиняющей, побѣгъ, собственное его признанїе внѣ суда, доносъ соумышленника въ преступленїи, угрозы и извѣстная вражда между обвиненнымъ и обиженнымъ, и прочїе тому подобные признаки достаточны для взятїя подъ стражу гражданина. Но сїи доказательства должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, которыхъ приговоры всегда противятся политической свободѣ, если не выведены, на какой бы то ни было случай, изъ общаго правила, въ уложенїи находящагося. Когда наказанїя здѣлаются легче, а тюрьмы не такъ ужасны, когда состраданїе и человѣколюбїе проникнутъ въ сїи темницы и безжалостные исполнители строгости правосудїя услышатъ гласъ ихъ, тогда законы могутъ довольствоваться и слабѣйшими признаками для запрещенїя.

Человѣкъ обвиненный, заключенный въ тюрьму и послѣ оправданный, не долженъ щитаться обезчещеннымъ. Сколько видимъ мы у Римлянъ гражданъ, обвиненныхъ въ величайшихъ преступленіяхъ, потомъ оправданныхъ, почтенныхъ отъ народа, и занимавшихъ важнѣйшія должности. Отъ чегоже жребій невиннаго, неправедно заточеннаго, столь различенъ въ наше время? отъ того, что система теперишняго уголовнаго судопроизводства представляетъ уму нашему болѣе идею силы и власти, нежели правосудія; отъ того, что въ одну преисподнюю ввергаютъ и обвиненнаго и доказаннаго преступника; отъ того, что у насъ тюрьма есть наказаніе, а не средство къ задержанію особы обвиненнаго; отъ того что сила внѣшняя, защищающая Престолъ и Государство, и сила внутренняя, охраняющая законы, раздѣлены, вмѣсто того, что бы быть соединенными. Еслибы послѣдняя, (подъ общею властію законовъ, была сопряжена съ правомъ судить, не завися

одинакоже непосредственно отъ судьи, то блескъ, сопровождающей великолѣпїе и пышность военнаго званїя, уничтожилъ бы поруганїе, о которомъ мы говоримъ; что опытомъ доказывается, ибо военной арестъ не такъ безчеститъ, какъ гражданская тюрьма, отъ того, что поруганїе, какъ и всѣ народныя мнѣнїя, вообще пристаетъ болѣе къ виду, нежели къ существу, болѣе къ способу, нежели къ вещи. (*)

(*) Приготовленїе и обрядъ заточенїя въ тюрьму конечно много тутъ дѣйствуютъ: но въ существѣ есть дѣйствительная разница. Военной арестъ, въ народномъ мнѣнїи, предполагаетъ одинъ только проступокъ противъ дисциплины, а тюрьма гражданская предполагаетъ преступленїе противъ благочинїя, которое занимается болѣе порядкомъ и спокойствїемъ общественнымъ. Вотъ по чему и привязываютъ къ ней болѣе посрамленїя. Въ разсужденїи тайнаго провоза запрещенныхъ товаровъ авторъ сказалъ: преступленїя, которыя люди почитаютъ для себя не вредными, не такъ много занимаютъ ихъ, что бы возбудитьпротивъ себя всеобщее негодованїе. *Дидеротъ.*

Но варварство и жестокія умоначертанія сѣверныхъ звѣролововъ, которымъ обязаны мы нашимъ происхожденіемъ, существуютъ еще въ народѣ, въ нашихъ нравахъ и законоположеніи; кротость законовъ отстала многими вѣками отъ теперишняго просвѣщенія.

§ VII.

О признакахъ и образѣ сужденія.

Вотъ общая и полезная теорема, по которой можно вычислить истинну содѣланнаго злодѣянія. Если доказательства какого нибудь дѣла зависятъ одинъ отъ другихъ, то есть, если признаки преступленія доказываются и поддерживаются одни другими, если истинна многихъ доказательствъ зависитъ отъ истинны одного, то число доказательствъ не умножаетъ и не уменьшаетъ вѣроятности содѣяннаго, ибо тогда сила всѣхъ доказательствъ состоитъ въ силѣ одного, отъ котораго онѣ зависятъ, и опровергнувъ оное, опровер-

гнутся съ нимъ и всѣ прочія. Если же доказательства не зависятъ другъ отъ друга и если всякой признакъ утверждается особенно, тогда вѣроятность дѣла умножается по числу признаковъ, ибо несправедливость одного невлечетъ за собою несправедливости другаго.

Можетъ быть удивятся, что я употребляю слово вѣроятность говоря о преступленіяхъ, которыя должны быть несомнѣнными, чтобы заслужить наказаніе. Но надобно замѣтить, что, говоря строго, нравственная извѣстность есть вѣроятность, названная извѣстностію по тому, что всякой благоразумной человѣкъ принужденъ признать оную и необходимо рѣшиться по привычки, которая есть слѣдствіе необходимости дѣйствовать и старѣе всякаго умозрѣнія. И такъ, извѣстность, которая требуется для увѣренія, что такой-то человѣкъ виновенъ, есть извѣстность, которой слѣдуютъ люди во всѣхъ важнѣйшихъ дѣяніяхъ своей жизни.

Доказательства преступленій можно раздѣлить на два рода: на совер-

шенныя и несовершенныя. Я называю совершенными тѣ, которыя исключаютъ всю возможность къ невинности въ обвиненномъ, а несовершенными тѣ, которыя не исключаютъ сей возможности. Одно совершенное доказательство достаточно для осужденія обвиненнаго; но что касается до несовершенныхъ, то требуется оныхъ довольно великое число, чтобы составить одно совершенное, то есть, что хотябы каждое доказательство порознь и не исключало возможности къ невинности, но всѣ вмѣстѣ исключалибы оную. Къ этому надобно присоединить и то, что несовершенныя доказательства дѣлаются совершенными тогда, когда обвиненный не отвѣчаетъ ничего достаточнаго къ своему оправданію, хотя невинность и долженствовалабы ему подать средства къ оному.

Но нравственную сію извѣстность доказательствъ можно лучше чувствовать, нежели опредѣлить, по чему и почитаю я премудрымъ тотъ законъ, которой употребляютъ въ нѣ-

которыхъ Государствахъ, а именно: главному судьѣ придаютъ засѣдателей, выбранныхъ по жеребью, ибо невѣжество, судящее только по чувствамъ, не такъ много подвержено заблужденію, какъ законоискусникъ, которой судитъ по мнѣнію. Тамъ, гдѣ законы ясны и точны, должность судьи состоитъ только въ томъ, чтобы объяснить дѣло. Если въ изысканіи доказательствъ преступленія требуется способность и проворство, если потребна точность и ясность, чтобы вывѣсти слѣдствіе изъ сего изысканія, то для сужденія по оному слѣдствію ничего уже болѣе не надобно, кромѣ здраваго разсудка, которой поведетъ гораздо вѣрнѣе всего знанія судьи, привыкшаго вездѣ находить виновныхъ и приводящаго все къ поддѣланной системѣ, основанной на его познаніяхъ. Блаженъ народъ, въ которомъ знаніе законовъ не составляетъ науки!

Весьма полезенъ тотъ законъ, которой предписываетъ, чтобы всякой человѣкъ судился ему равными, ибо если дѣло идетъ о жребіи гражданина,

то должны умолкнуть всѣ чувствія, внушаемыя въ насъ различіемъ чиновъ и богатства. Презрѣніе, съ которымъ знатной человѣкъ смотритъ на бѣднаго, и негодованіе, возбуждающееся въ низшемъ взирая на того, кто выше его, недолжны имѣть мѣста между судьею и обвиненнымъ.

Но когда преступленіе касается до оскорбленія третьяго, тогда половину судей должно взять изъ равныхъ обвиняемому, а другую изъ равныхъ обиженному; такимъ образомъ держа всегда въ равновѣсіи силу частной выгоды, которая по неволѣ иногда уменьшаетъ предметы въ глазахъ и справедливѣйшаго человѣка, заставитъ говорить одни только законы и истину. Еще справедливость требуетъ и того, чтобы обвиненный могъ отрѣшить нѣкоторое число изъ своихъ судей, которые кажутся для него подозрительными, и гдѣ обвиненный пользуется симъ правомъ, тамъ казаться будетъ, что преступникъ самъ себя осуждаетъ. Приговоры судей должны быть всѣмъ извѣстны, такъ же, какъ

и доказательства преступленія, дабы гласъ народа обуздывалъ силу знатныхъ и пристрастіе судей, и дабы всякой гражданинъ могъ сказать, что онъ подъ защитою законовъ, а не рабъ! мысль, которая вселитъ въ него мужество, а Государю, разумѣющему истинную свою пользу, замѣнитъ подать. Я не войду далѣе въ мѣлкія подробности и не покажу всѣхъ нужныхъ предосторожностей при учрежденіи подобныхъ постановленій, ибо не сказалъ бы ничего для тѣхъ, которые думаютъ, что надобно сказывать все.

§ VIII.

О свидѣтеляхъ.

Опредѣлить точно начальныя правила, отъ которыхъ зависитъ имовѣрность свидѣтелей и сила доказательствъ преступленія, есть вещь весьма важная во всѣхъ законоположеніяхъ. Всякой здравомыслящей человѣкъ, то есть, котораго мысли имѣютъ нѣкоторую связь

а чувства сходны съ чувствами ему подобныхъ, можетъ быть свидѣтелемъ; но вѣру, которую къ нему имѣть должно, надобно измѣрять причиною, для коей онъ захочетъ, или не захочетъ сказать истину.

Положеніе сіе показываетъ намъ во первыхъ, что тѣ причины пустыя, по которымъ законы запрещаютъ брать въ свидѣтельство женщинъ, въ разсужденіи ихъ слабости; также осужденныхъ, для того, что они щитаются гражданскі мертвыми, а равно и людей обезчесченныхъ. Но во всѣхъ сихъ случаяхъ должно свидѣтелямъ вѣрить, если они не имѣютъ никакой выгоды лжесвидѣтельствовать. (*)

(*) Въ § XVIII. Авторъ сказалъ: *наказаніе безчестіемъ лишаетъ гражданина уваженія, довѣренности, которую общество къ нему имѣло.* Осужденный находится покрайнѣй мѣрѣ въ такомъ же положеніи, какъ и человѣкъ, наказанный безчестіемъ; и тотъ и другой лишился общей довѣренности, слѣдственно свидѣтельство ихъ не можетъ иначе

Между злоупотребленіями словъ, имѣющихъ столь сильное вліяніе на дѣла человѣческія, достойнѣйшее замѣчанія есть то, которое принудило законодателей уничтожить свидѣтельство человѣка уже осужденнаго. Такой человѣкъ, говорятъ съ важностію законоискусники софисты, умеръ гражданскі, а мертвой не способенъ ни къ какому дѣйствію. Множество людей здѣлалось жертвою сей глупой мета-

---

принято быть, какъ показаніемъ, а не доказательствомъ. *Свидѣтелямъ должно вѣрить, если они не имѣютъ никакой выгоды лжесвидѣтельствовать.* Но кто можетъ увѣриться, что бы злые и обезчесченные люди, не имѣли никакой вражды, никакой личной ненависти, ни какой сокровенной причины обманывать судей? Если такимъ свидѣтелямъ *должно вѣрить*, то кто осмѣлится положиться на свою невинность? Они лишились общей довѣренности, а будутъ имѣть довѣренность закона! и жизнь и честь гражданъ будутъ зависѣть отъ ихъ свидѣтельства! *Дидеротъ.*

форы и часто обрядъ судопроизводства заставляль молчать истинну, старавшуюся испровергнуть оную. Если только свидѣтельство осужденнаго преступника непрепятствуетъ теченїю судебнаго дѣла, то для чего не дать, и послѣ осужденїя, въ пользу истинны и ужаснаго жребїя несчастнаго, еще мало времени; дабы онъ могъ оправдать или самъ себя, или другихъ обвиненныхъ, ежели только можетъ представить новыя доказательства, могущїя перемѣнить существо дѣла? Въ отправленїи правосудїя обряды нужны, или для того, что они не оставляютъ ничего на произволъ судьѣ, или для того, что доказываютъ народу, что судопроизводство не замѣшивается и не состоитъ ни въ чьей волѣ, а течетъ порядочно, или наконецъ для того, что чувства гораздо сильнѣе здраваго разсудка дѣлаютъ впечатлѣнїя на людей, привязанныхъ къ подражанїю и привычкѣ, и что истинна, часто слишкомъ простая, или слишкомъ запутанная, имѣетъ нужду въ какомъ нибудь нару-

жномъ великолѣпіи, дабы народъ грубой и невѣжда могъ почитать ее. Но законы никогда недолжны опредѣлять сихъ обрядовъ такъ, чтобы они могли быть пагубными для невинности, а въ противномъ случаѣ повлекутъ за собою величайшее неудобство.

И такъ, въ свидѣтели можно принимать всякаго человѣка, который не имѣетъ никакой причины лжесвидѣтельствовать. Слѣдственно, имовѣрность къ свидѣтелю будетъ болѣе или менѣе, смотря на ненависть или приязнь его къ обвиненному, также и на прочія болѣе или менѣе тѣсныя связи между ими. На одномъ свидѣтелѣ утвердиться никакъ не льзя, ибо пока обвиненный запирается въ томъ, что утверждаетъ одинъ свидѣтель, до тѣхъ поръ ничего нѣтъ еще извѣстнаго, и право, которое всякой имѣетъ почитать себя невиннымъ, остается въ полной силѣ.

Имовѣрность свидѣтеля тѣмъ менѣе, чѣмъ тяжчѣ преступленіе и обстоятельства менѣе вѣроятны. Уголовные законоискусники слѣдуютъ со

всемъ противному правилу. Вотъ ихъ положенїе, здѣланное грубѣйшимъ слабоумїемъ: In atrocissimis leviores conjecturoe sufficiunt, & licet judici jura transgredi. Переведемъ его на народной языкъ и да узрятъ въ немъ Европейцы одно изъ того множества глупыхъ правилъ, которымъ они подвержены и сами того не вѣдая. *Въ преступленїяхъ тяжайшихъ*, (то есть, менѣе всего вѣроятнѣйшихъ), *довольно самыхъ легкихъ доказательствъ къ осужденїю обвиненнаго и судья можетъ удалиться отъ законовъ.* Но практическїя нелѣпости въ законоположенїи бываютъ часто дѣйствїемъ страха, плодовитаго източника человѣческихъ противорѣчїй. Частные законоположники, то есть, законоискусники, которыхъ власть дѣлается рѣшительною послѣ ихъ смерти, и которые изъ корыстолюбивыхъ писателей, продававшихъ мнѣнїя свои за деньги, дѣлаются властелинами жребїя людей; частные сїи законоположники, говорю я, успрашась осужденїя какого нибудь невиннаго, загрузили законоведенїе пус-

тыми обрядами, которыхъ точное исполненіе возвело бы на престолъ правосудія ненаказанность анархіи; въ другихъ же напротивъ того случаяхъ, изпугавшись какого нибудь тяжкаго преступленія, которое доказать трудно, вздумали, что можно удалиться отъ нужнѣйшихъ обрядовъ, ими самими учрежденныхъ. Такимъ образомъ, то отъ нетерпѣливаго самовластія, то отъ пустаго и глупаго страху, довели они до того, что судейскія опредѣленія, которыя должны быть уважаемы отъ всѣхъ людей, здѣлались нѣкоторымъ родомъ азартныхъ игръ.

Правило, что *имовѣрность свидѣтеля тѣмъ менѣе, чемъ тяжкѣ преступленіе или обстоятельства менѣе вѣроятны*, можно употреблять также при обвиненіяхъ въ чародѣйствѣ, или въ дѣйствіяхъ жестокихъ безо всякой причины. Въ первомъ случаѣ гораздо вѣроятнѣе, что люди, отъ ненависти или невѣжества, злословятъ или обманываются, нежели что человѣкъ имѣетъ такую власть, какой Все-

вышнїй не даровалъ ни какому творенію. Во второмъ же случаѣ, то есть, когда обвиняютъ человѣка въ дѣйствіи жестокомъ безо всякой причины, подозрѣніе падаетъ на доносителя, потому что человѣкъ не можетъ быть жестокимъ безъ причины, то есть, безъ ненависти, страха, и пр. Въ сердцѣ человѣческомъ нѣтъ ни одного чувства излишняго и ненужнаго, а всѣ, имъ дѣйствующія, бываютъ слѣдствіемъ впечатлѣнія, на него здѣланнаго.

Иногда имовѣрность свидѣтеля можетъ быть менѣе, если онъ членъ какого нибудь особеннаго общества, котораго обычаи и правила мало извѣстны, или отличны отъ общихъ, ибо въ такомъ человѣкѣ дѣйствуютъ не токмо собственныя его, но и другихъ людей, страсти.

Наконецъ вѣра, которую должно имѣть къ свидѣтелю, почти со всемъ уничтожается, если кому разговоръ поставится въ преступленіе, ибо голосъ, движеніе и все что предшествуетъ, сопровождаетъ и слѣдуетъ

за различными понятіями, которыя люди соединяютъ съ словами, перемѣняютъ рѣчь такъ, что почти не возможно пересказать ее также, какъ говорили. Жестокія дѣйствія, каковы настоящія преступленія, оставляютъ слѣды во множествѣ своихъ обстоятельствъ и въ слѣдствіяхъ, изъ оныхъ произтекающихъ, и чемъ болѣе число сихъ слѣдствій и обстоятельствъ приведено будетъ въ обвиненіе, тѣмъ болѣе обвиненный имѣетъ средствъ къ своему оправданію. Но слова не оставляются только въ памяти слушателей, которая часто бываетъ невѣрною или обманчивою. Слѣдственно, гораздо легче клевету основать на словахъ, нежели на дѣлѣ.

§ IX.

О тайныхъ обвиненіяхъ.

Тайное обвиненіе есть явное злоупотребленіе, но принятое нѣкоторыми народами. Оно дѣлается необ-

ходимымъ по мѣрѣ слабости правленія и дѣлаетъ людей лживыми и коварными. Тотъ, кто можетъ подозрѣвать, что согражданинъ его доносчикъ, скоро узритъ въ немъ врага; тогда привыкаютъ таить свои чувства, а привыкая скрывать оныя отъ другихъ, привыкнутъ скоро сокрывать и отъ самихъ себя. Горе людямъ, дошедшимъ до такова состоянія! они блудятъ по пространному морю, спасаясь только укрыться отъ доносчиковъ, которые походятъ на чудовищъ, ихъ устрашающихъ. Неизвѣстность будущаго отравляетъ для нихъ горечью настоящее время; лишась приятностей спокойствія и безопасности; нѣсколько мгновеній блаженства, кой гдѣ разбросанныхъ на плачевную жизнь ихъ и которыми они на силу наслаждаются, едва едва утѣшаютъ ихъ въ жизни сей! можно ли между такими людьми отыскать неустрашимыхъ воиновъ, защитниковъ Престола и Отечества? Можно ли отыскать безпристрастныхъ судей, которые съ свободнымъ и патріотическимъ кра-

спорѣчїемъ умѣли бы обьяснять и поддерживать истинную пользу Государя, которые съ подапьми приносили бы къ Престолу любовь и благословенїе гражданъ, а отъ онаго разносили бы по чертогамъ знатныхъ и по смиренным хижинамъ убогихъ, безопасность и миръ, а трудолюбїю надежду, исправить свое состоянїе, которая подобна кислотѣ въ броженїи и составляетъ жизненную силу Государствъ?

Кто можетъ защититься отъ клеветы, если она вооружена тайною, непроницаемымъ щитомъ тиранства? Какъ бѣдно то правленїе, въ которомъ Государь думаетъ видѣть себѣ врага во всякомъ своемъ подданномъ и щитаетъ себя принужденнымъ для общественнаго спокойствїя нарушать спокойствїе каждаго гражданина?

Что же можетъ оправдать тайныя обвиненїя и наказанїя? Всенародное ли спокойствїе, или сохраненїе образа правленїя? Надобно признаться, что весьма странно то Государственное постановленїе, въ которомъ пра-

вленїе, имѣющее уже за себя силу и мнѣнїе, страшится еще всякаго частнаго человѣка! — Безопасность ли доносителя? По этому законы недовольно его защищаютъ, по этому есть подданные, которые гораздо сильнѣе Государя и законовъ? — Необходимость ли спасти его отъ безчестїя? Это все равно, что въ одномъ и томъ же Государствѣ явную клевету будутъ наказывать, а тайную одобрять. — Существо ли преступленїя? Если дѣла пустыя, или даже полезныя для общественнаго благосостоянїя, будутъ обвиняться и наказываться, какъ противныя закону, то причина эта справедлива, ибо не льзя довольно прикрыть тайною обвиненїя и суждения. Но можетъ ли быть какое злодѣянїе, то есть, нарушенїе правъ общества, въ которомъ всѣ не имѣли бы участїя наказывать оное явно? Я почитаю всѣ правленїя и не говорю въ особенности ни объ одномъ. Таково-то иногда бываетъ существо обстоятельствъ, что злоупотребленїе находится въ самомъ составѣ Госу-

дарственнаго постановленїя и что кажется не льзя его изкоренить иначе, какъ разруша все политическое тѣло. Но еслибы случилось мнѣ въ какомъ нибудь уголку свѣта писать новыя законы, то помомство, представляясь всегда глазамъ моимъ, остановилобы трепещущую мою руку и недопустилобы подобнаго обычая.

Монтескьё сказалъ уже, что явныя обвиненїя приличны существу республиканскаго правленїя, въ которомъ ревность къ общественному благу должна быть первою страстїю гражданъ; а въ монархїяхъ, гдѣ, по существу правленїя, чувство сїе очень слабо, можно назвать премудрымъ учрежденїе чиновниковъ, которые защищая сторону народа предавалибы суждению нарушителей закона. Но во всякомъ, республиканскомъ или монархическомъ правленїи, надобно клеветнику положить то самое наказанїе, какое опредѣлено преступленїю, въ которомъ онъ кого обвиняетъ.

§ X.

О пристрастныхъ допросахъ.

Законы наши отвергаютъ тѣ допросы, которые по мнѣнію законовѣдцовъ, относятся къ *виду дѣла* (Species), а требуютъ, чтобы допросъ, относящейся къ обстоятельствамъ преступленія, касался только до *роду* (genus) онаго, и недозволяютъ того, которой имѣя прямую связь съ преступленіемъ, давалъ бы случай обвиненному тотъ часъ отвѣчать на оной. Допросы, по мнѣнію юриспруденцовъ, должны касаться до дѣла не прямо. Причины, заставившія принять сіе правило, состоятъ либо въ томъ, что не хотятъ обвиненному подать повода къ отвѣту, которой бы его спасъ, или въ томъ, что думали быть противъ природы, чтобы преступникъ могъ обвинять самъ себя. Но какъ бы то ни было, а законы удивительно противорѣчатъ самимъ себѣ отвергая сей родъ допроса, а дозволяя въ тоже время пы-

тку, ибо боль есть пристрастнѣйшій допросъ. Если не надобно обвиненному давать случая отвѣчать въ свое оправданіе, то боль принудитъ человѣка крѣпкаго сложенія къ упорному молчанію, которымъ онъ большое наказаніе перемѣнитъ на меньшое; а слабаго къ признанію, которымъ избавится онъ отъ настоящей боли, дѣйствующей на него сильнѣе будущей. Если допросъ, касающейся до виду преступленія, противенъ правиламъ природы, заставляя преступника обвинять самаго себя, то мученіе не принудитъ ли его къ тому гораздо сильнѣе? Но люди въ правилахъ своихъ слѣдуютъ болѣе разности имянъ, нежели вещей.

Кончимъ другимъ примѣчаніемъ. Тотъ, кто упрямится и не отвѣчаетъ на дѣлаемые ему вопросы, достоинъ наказанія, долженствующаго быть опредѣленнымъ закономъ, и мягчайшаго изъ учрежденныхъ, дабы виновные чрезъ то не избѣгали примѣра, которой они должны дать собою. Сіе особенное наказаніе ненужно, еслиньтъ

сомнѣнїя, что обвиненный точно здѣлалъ преступленїе, въ которомъ на него доносятъ; ибо тогда допросъ и признанїе уже не нужны, когда другїя неоспоримыя доказательства показываютъ, что онъ виноватъ. Сей послѣдней случай въ большемъ обыкновенїи, ибо изъ опыта видно, что въ уголовныхъ дѣлахъ виноватые поболшой части не признаются въ дѣлахъ своихъ.

§ XI.

О присягѣ.

Обычай приводитъ къ присягѣ обвиненнаго, изъ котораго хотятъ здѣлать человѣка честнаго, когда онъ имѣетъ величайшїя причины небыть таковымъ, есть противорѣчїе между закопами и природными человѣческими чувствїями. Какъ будто человѣкъ обязанъ стараться, о собственной своей гибели; какъ будто религїя не умолкаетъ въ большой части людяхъ, когда корысть возвышаетъ противъ

нее гласъ свой? Опытъ всѣхъ вѣковъ показываетъ намъ, что сей священный даръ небесъ болѣе всего употреблялся во зло. Какъ можно, чтобы почиталъ ее злодѣй, когда очень часто шутили ею люди, щитавшїеся за мудрѣйшихъ? Слабы, или слишкомъ мало ощутительны тѣ причины, которыя, въ подобныхъ обстоятельствахъ, религїя противополагаетъ страху боли и любви къ жизни. Вещи духовныя подвержены законамъ совершенно отличнымъ отъ земныхъ; для чего же мѣшать ихъ между собою? Для чего приводить человѣка въ страшную необходимость, или прогнѣвлять Бога, или споспѣшествовать собственному своему разрушенїю? Законъ, предписывающей присягу въ подобномъ случаѣ, отдаетъ обвиненному на волю быть или дурнымъ Христїаниномъ, или мученикомъ. Мало по малу присяга дѣлается простымъ обрядомъ, отъ чего рушится вся сила чувствъ къ Религїи, единственное побужденїе къ честности въ большой части людяхъ. Опытъ доказываетъ

безполезность сего обряда, ибо нѣтъ ни одного судьи, которой бы не признался, что присяга никогда не принуждала преступника сказать истинну; а разумъ убѣждаетъ, что тому такъ и быть должно, показывая намъ, что всѣ законы, противные природнымъ человѣческимъ чувствамъ, суть законы пустые, слѣдственно вредные. Сіи законы подобны плотинамъ, поставленнымъ противу теченія рѣки; плотина низвергается тотъ часъ, или медленное и непрерывное усиліе воды подрываетъ и изпровергаетъ ее нечувствительно.

§ XII.

О пыткѣ.

Одна изъ жестокостей, здѣлавшихся священными отъ употребленія большой части народовъ, есть пытка, производимая надъ обвиненнымъ во время слѣдствія его дѣла; или для того, что бы вымучить изъ него признаніе въ преступленіи, или для того,

чтобы объяснить противорѣчія, здѣланныя имъ въ допросѣ, или чтобы принудить его къ показанію его соумышленниковъ, или для открытія другихъ преступленій, въ которыхъ его не обвиняютъ, но въ которыхъ онъ можетъ быть виновнымъ, или Богъ знаетъ для какой-то метафизической и непонятной необходимости очистить поруганіе.

Сперва представимъ мы нѣсколько общихъ причинъ, кои докажутъ несправедливость и варварство сего обычая, а потомъ покажемъ недостатокъ тѣхъ, которыя принудили установить оной.

Никто не можетъ щитаться за преступника прежде судейскаго приговора, и общество не можетъ лишить его своей защиты прежде нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ обязательства, подъ которыми получилъ ее. Если такъ, то какое право, кромѣ пр ва силы, можетъ дать власть судьѣ положить наказаніе гражданину, когда еще неизвѣстно виноватъ ли онъ, или правъ? Очень легко можно ра-

зобрать: извѣстно, или нѣтъ, преступленїе? Если оно извѣстно, то должно наказать его по законамъ, слѣдственно пытка ненужна, какъ и самое признанїе обвиненнаго. Если же преспупленїе неизвѣстно, то ненадобно мучить обвиняемаго, потому что ненадобно мучить невиннаго, а по законамъ тотъ невиненъ, чье преступленїе еще недоказано.

Политическое намѣренїе въ установленїи наказанїй состоитъ въ томъ, чтобы силою примѣра поселить страхъ въ другихъ людей; слѣдственно нужно, что бы наказанїя дѣлались явно. Но слѣдуя сему правилу, что подумаешь о сихъ тайныхъ бойняхъ, учрежденныхъ во мракѣ темницъ, и о сихъ перзанїяхъ, производимыхъ мучительствомъ обычая какъ надъ виновными, такъ и надъ невинными?

Необходимо должно, чтобы извѣстное преступленїе не оставалось безъ наказанїя; но ненадобно отыскивать виновника преступленїя, сокрытаго во мракѣ. Здѣланное уже преступленїе, котораго изправить

болѣе не льзя, не можетъ ни для чего иначе наказано быть политическимъ обществомъ, какъ для того, чтобы воспрепятствовать, чтобы другіе люди не здѣлали такого же преступленія въ надеждѣ, что оно осталось безъ наказанія. (*) Если правда, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, что люди побольшой части почитаютъ законы отъ страха или добродѣтели, то опасность замучить невиннаго никогда не проходитъ,

---

(*) Если бы авторъ сказалъ: *преступленіе ни для чего иначе не можетъ быть наказано, какъ для того, что бы удержать другихъ людей отъ содѣланіе подобныхъ, или тогоже человѣка отъ новыхъ преступленій*, то самъ почувствовалъ бы несправедливость своего разсужденія. До тѣхъ поръ, какъ преступникъ скрывается, до тѣхъ поръ онъ ненаказанъ, свободенъ, слѣдственно изъ свободы своей можетъ дѣлать тоже употребленіе, какое дѣлалъ прежде. Слѣдственно очень нужно открыть его, чтобы привести его въ несостояніе вредить. *Дидероту.*

ибо, хотябы впрочемъ всѣ обстоятельства и равны были, то болѣе нежели вѣроятно, что обвиняемый скорѣе почиталъ законы, нежели ихъ нарушилъ.

Требовать отъ человѣка, чтобы онъ здѣлался собственнымъ своимъ обвинителемъ есть тоже, что смѣшать всѣ соотношенія, что однакоже здѣлалось отъ употребленія пытки. Законъ, постановившей оную, есть законъ, которой говоритъ:„ Люди! „сопротивляйтесь мученію! природа „даровала вамъ непобѣдимую любовь „къ самимъ себѣ и непреоборимое „право защищать себя; но я сотворяю „въ васъ чувство, совершенно противное оному: (*) героическую ненависть къ самимъ себѣ! Повелѣваю „вамъ обвинять себя и говорить „истину, для васъ гибельную, даже „среди терзанія вашихъ членовъ и ломанія костей!„

(*) Кажется, надобно бы сказать: *но я требую отъ васъ чувства и пр.* Это былобы яснѣе и справедливѣе. *Дидеротъ.*

Теперь разсмотримъ причины, принудившія учредить пытку.

Первая есть та, что думали, будто мученіе есть средство къ открытію преступленія, такъ сказать, *осколкъ* истины, которой ломая составы и терзая жилы несчастнаго заставлялъ его признаться. Гнусной способъ сей открывать истину есть живой памятникъ того варварскаго законоположенія, въ которомъ пытка огнемъ, горячею водою и неизвѣстность поединковъ, назывались судами Божіями, какъ будто звѣнья сей вѣчной цѣпи, которой начало теряется въ нѣдрѣ Всевышняго, могли всякую минуту разрываться для нелѣпыхъ человѣческихъ постановленій! Одна разность, которую можно положить между теперишнею пыткою и пыткою огнемъ и горячею водою, состоитъ въ томъ, что удача первой зависитъ отъ воли обвиненнаго, а послѣдней отъ физическаго и наружнаго дѣйствія; но разность сія не столько дѣйствительна, какъ предположительна. Обвиненный, терпящій

пытку, стольже мало властенъ надъ собою сказать истину среди мученія, какъ въ древнія времяна безъ обману противиться дѣйствію огня и горячей воды.

Всякое дѣйствіе нашей воли соразмѣрно всегда силѣ чувственнаго впечатлѣнія, причины онаго; а чувствительность всякаго человѣка ограничена; (*) слѣдственно, впечатлѣніе мученія можетъ возрасти до такой степени, что занимая собою всю душу, не дастъ ей иной свободы, инаго дѣйствія, какъ тотъ часъ схватить ближайшее средство къ пресѣченію мученія. Тогда отвѣтъ обвиненнаго будетъ также нуженъ, какъ впечатлѣніе огня и воды; тогда невинный, не стерпя терзанія, закричитъ,

---

(*) Надобно бы сказать: *постоянство, терпѣніе, сила страданія, сопротивленіе боли, а не чувствительность. Чувствительность всякаго человѣка ограничена* значитъ, есть степень страданія, за которымъ человѣкъ уже ничего болѣе нечувствуетъ, а здѣсь авторъ не разумѣетъ. *Дидеротъ.*

что онъ виновенъ, и средство, употребляемое для различїя невиннаго съ преступникомъ, изтребитъ сїе различїе между оными.

Слѣдственно, пытка есть вѣрнѣйшее средство обвинить слабаго невиннаго а оправдать злодѣя, крѣпкаго тѣлосложенїя. Вотъ страшное слѣдствїе употребленїя сего мнимаго *оселка* истинны, достойнаго Каннибаловъ; и средство сїе, даже Римляне, со всею своею жестокостїю, употребляли надъ одними только невольниками, несчастными жертвами дикой, столь много прославляемой добродѣтели.

Изъ двухъ человѣкъ, равно невинныхъ, или виновныхъ, мужественный и крѣпкаго сложенїя оправдается, а робкой и слабаго сложенїя обвинится въ слѣдствїе сего прекраснаго разсужденїя:„ Мнѣ, судьѣ, непремѣнно „должно опыскать виновнаго. Тебя я „оправдываю, твердый человѣкъ, вы„терпѣвшей мученїе, а тебя, слабой, „не вытерпѣвшей мученїя, тебя, по „этому самому, осуждаю. Чувствую, „что вынужденное изъ тебя при-

„знаніе не имѣетъ никакой силы; но „если ты неутвердишь своего призна„нія, то я снова заставлю тебя „мучить.„

И такъ, пытка есть дѣло счисленія и тѣлосложенія, которое, смотря на силу и чувствительность, разнится во всякомъ человѣкѣ, такъ что задача отыскать истинну симъ способомъ, (*) рѣшится лучше математикомъ, нежели судьею, и вотъ какимъ образомъ· *взявъ силу мускуловъ и чувствительность жилъ невинного, найти степень мученія, которой принудилъ бы его признаться, что онъ виновенъ въ извѣстномъ преступленіи.*

Если такъ трудно разпознать истинну во взорахъ, движеніяхъ и лицѣ человѣка спокойнаго, то какъ можно отыскать ее въ чертахъ, обезображенныхъ мученіемъ? Всякое жестокое дѣяніе изтребляетъ и съ-

(*) Ето не задача *отыскать истинну*, а задача извлечь изъ страдальца признаніе, его обвиняющее, заставить его сказать все то, что хотятъ. *Дидеротъ.*

шиваетъ легкія оттѣнки, которыми можно иногда различить ложь отъ истины.

Никто еще не замѣтилъ одного слѣдствія, необходимо произходящаго отъ употребленія пытки; то есть, что она невиннаго приводитъ въ состояніе гораздо худшее виноватаго. Если обѣихъ мучить однимъ разомъ, то первой будетъ имѣть все противъ себя: если признается въ преступленіи, имъ не здѣланномъ, то его осуждаютъ, а если оправдается, то претерпѣлъ незаслуженное наказаніе. Напротивъ того виновный имѣетъ въ пользу свою одинъ случай, ибо если съ твердостію вытерпѣлъ мученіе, то оправдывается и выигрываетъ тѣмъ, что получилъ наказаніе гораздо легчайшее того, котораго боялся. Слѣдственно, невинный теряетъ все, а виноватый выигрываетъ.

Недостатокъ сего мнимаго средства отыскивать истину, чувствовали и сами законодатели, хотя и не сильно. Признаніе, учиненное въ мученіи, уничтожается, если послѣ

онаго неутвердится присягою. Правда и то, что если обвиненный не подтвердитъ своего признанїя, то его снова терзаютъ. Нѣкоторые законоискусники и нѣкоторые народы позволяютъ пытать до трехъ только разъ, а иные отдаютъ это на волю судьѣ.

Кажется ненужно подтверждать сихъ разсужденїй безчисленными примѣрами невинныхъ, признавшихся въ преступленїи среди мученїя. Нѣтъ народа, нѣтъ вѣка, которые неупоминалибы о своихъ мученикахъ; но люди не премѣняются и невыводятъ слѣдствїй изъ дѣлъ, имъ извѣстныхъ, и изъ правилъ, принятыхъ ими. Нѣтъ человѣка, коего понятїя простирались хотя бы не много подалѣе за первыя жителейскїя нужды, которой, услыхавъ глухой и тайной гласъ природы не захотѣлъ бы возвратиться къ оной и броситься въ ее объятїя. Но обычай, этотъ тиранъ душъ, устрашая его удерживаетъ.

2.) Обвиняемаго пытаютъ для объясненїя, какъ говорятъ, противорѣчїй,

которыми онъ спупался въ здѣланномъ ему допросѣ ; какъ будто страхъ наказанія, неизвѣстность и приготовленіе къ сужденію, величество судьи, и невѣжество, общее и невинныхъ и виновныхъ, не могли привести въ противорѣчіямъ, какъ робкую невинность, такъ и злодѣяніе, скрыться старающееся? Какъ будто противорѣчія, столь свойственныя и спокойному человѣку, неумножаются въ душѣ встревоженной и помышляющей единственно о томъ, какъ бы спасти себя отъ наступающей опасности.

3.) Пытать для открытія не здѣлалъ ли преступникъ другихъ преступленій, кромѣ того, въ которомъ уличенъ, есть тоже, что если бы судья сказалъ обвиненному: „ Ты здѣлалъ „одно преступленіе, слѣдственно воз„можно, что ты здѣлалъ и множе„ство другихъ. Сомнѣніе это меня „тяготитъ и безпокоитъ и мнѣ хо„чется увѣриться въ этомъ *осѣлкомъ* „истины. Законы будутъ тебя му„чить не только для того, что ты

„виноватъ, но и для того, что ты „можешь быпь еще болѣе виноватъ.„

4.) Еще пытаютъ преступника для того, чтобы узнать его соумышленниковъ. (*) Но если доказано,

---

(*) Авторъ недолженъ скрыть отъ себя, что это самой трудной вопросъ и самой слабой изъ его отвѣтовъ.

Узнанїе соумышленниковъ есть одна изъ истинъ, которую отыскиваютъ, а извѣстно, что ее всякой день открываютъ симъ жестокимъ средствомъ. Всѣ гнушаются пыткою прежде изобличенїя въ преступленїи; но въ преступникѣ, сіе лишнее мученїе нужно, чтобы изторгнуть изъ него, выключая признанїя о соумышленникахъ и средства схватить ихъ, показанїе доказательствъ, нужныхъ къ его изобличенїю. Наказанїе преступленїя оправдывается необходимостїю предупредить подобныяже, могущїя случиться; и такъ, если преступленїе такого рода, что предполагаетъ соучастниковъ, какъ то: разбои, смертоубивства, производимыя

что пытkою не льзя узнать истины, но какъ можно ею узнать соумышленниковъ, одну изъ истинъ, которую отыскиваютъ? Ни малѣйшему не подлежитъ сомнѣнїю, что обвиняющей самаго себя, гораздо легче обвинитъ множество другихъ. Впрочемъ, справедливо ли мучить человѣка за преступленїе другаго? Развѣ не льзя опкрыть соумышленниковъ испытанїемъ свидѣтелей, преступника, доказательствъ, самаго дѣйствїя, случившагося въ исполненїи преступленїя и наконецъ всѣхъ средствъ служившихъ къ изобличенїю злодѣянїя обвиненнаго? Обыкновенно соумышленники разбѣгаются, когда поймаютъ ихъ товарища. Одна неизвѣстность своей участи осуждаетъ уже ихъ на изгнанїе и избавляетъ общество отъ опасности, чтобы они могли здѣлать

шайками и если ни *свидѣтелями*, ни *доказательствами* не льзя открыть оныхъ, то пытка будетъ справедлива, какъ другое наказанїе и по той же причинѣ. *Дидеротъ.*

ному новой какой вредъ, между тѣмъ какъ наказаніе пойманнаго преступника, служитъ къ опвращенію другихъ людей отъ преступленія. (*)

5.) Остается намъ еще изслѣдавать другую смѣшную причину употребленія пытки: мнимую необходимость очистить обвиненнаго отъ безчестія. Очень мудрено, что такой варварской обычай сохраняется въ

(*) Слабое доказательство! Они бѣгаютъ изъ лѣса въ лѣсъ, переходятъ изъ города въ городъ; но развѣ этимъ изгоняютъ они себя изъ Государства? А еслибы и точно вышли изъ онаго, то неужли человѣколюбіе къ преступнику превозможетъ стараніе избавить цѣлые народы отъ разбойниковъ и смертоубійцъ, которыхъ отсылаютъ къ нимъ изъ пустаго сожалѣнія? Подумайте только, что нѣсколько минутъ мученія злодѣя, могутъ спасти жизнь сотни невинныхъ, которыхъ умертвили бы его соумышленники, то пытка покажется вамъ дѣломъ человѣколюбивымъ. *Дидеротъ.*

XVIII. столѣтїи! Боль есть такое чувствїе, которое не имѣетъ вліянїя на вещь совершенно моральную, каково есть безчестїе. Развѣ пытка похожа на плавильной химической сосудъ, а безчестїе на нечистое и постороннее вещество, которое хотятъ опредѣлить отъ тѣла, къ коему она примѣшалась?

Безчестїе не управляется ни законами, ни разсудкомъ, а зависитъ отъ людскаго мнѣнїя. Самая пытка безчеститъ здѣлавшагося жертвою оной и сїе средство навлекаетъ поруганїе на того, кого хотятъ очистить отъ безчестїя.

Не трудно дойти до начала сего смѣшнаго узаконенїя, ибо глупости, принятыя цѣлымъ народомъ, имѣютъ всегда какую нибудь связь съ другими понятїями, утвержденными и почтенными въ ономъ; кажется, что сей обычай произошолъ отъ обрядовъ религїи, которые имѣютъ такое сильное вліянїе на умы людей всѣхъ вѣковъ и всѣхъ земель. Вѣра научаетъ насъ, что пороки, здѣланные слабостїю человѣ-

ческою и не заслуживающїе вѣчнаго гнѣва Высочайшаго Существа, очищаются въ будущей жизни непостижимымъ огнемъ. Безчестїе есть порокъ; а какъ мученїе и огонь чистилища изглаживаютъ пороки духовные, то для чего пыткою не изгладить гражданскаго порока безчестїя? Собственное признанїе преступника, которое требуется въ нѣкоторыхъ судахъ, какъ непремѣнно нужное для осужденїя, кажется имѣетъ такое же начало и учредилось по образу покаянїя, гдѣ собственное признанїе грѣховъ составляетъ необходимую часть таинства. Вотъ какъ люди употребляютъ во зло чистѣйшїя истинны откровенїя! Вотъ какъ они во время невѣжества прибѣгаютъ къ религїи, которая одна остается непоколебимою, и криво толкуютъ ее правила и обряды!

Я кончу главу сїю слѣдующимъ примѣчанїемъ. Истинна, нами въ оной показанная, извѣстна была и Римлянамъ, которые пытку опредѣлили однимъ только невольникамъ, роду людей

не имѣвшихъ ни какой гражданской личности. Истинна сія признана и приведена въ исполненіе въ Англіи, Государствѣ, оправдывающемъ доброту своихъ законовъ успѣхами въ наукахъ, превосходствомъ въ торговлѣ, богатствомъ и силою, произпекающими отъ оныхъ, и примѣрами мужества и добродѣтели. Она признана въ Швеціи, гдѣ пытка уничтожена; она признана мудрѣйшимъ Монархомъ въ Европѣ, которой возведъ съ собою на Престолъ философію и бывъ добродѣтельнымъ законоположникомъ своихъ подданныхъ, здѣлалъ ихъ равными и свободными подъ защитою законовъ, одна свобода и одно равенство, которыхъ только можно требовать людямъ благоразумнымъ въ нынѣшнемъ положеніи вещей. Наконецъ пытка не показалась нужною и въ военныхъ законахъ, въ сихъ войскахъ, составленныхъ изъ подлѣйшей части народа и гдѣ казалось болѣе всего она должна бы была владычествовать: очень странное явленіе для того человѣка, которой не такъ хорошо

разсматриваль власть и мученїе обычая. Люди, ожесточившїеся смертоубивствами и привыкшїе къ крови, учатъ человѣколюбїю Законодателей народа мирнаго!

§ XIII.

О времени изслѣдованія дѣла и отсрочки исполненія по оному.

Когда собраны будутъ доказательства преступленїя и опредѣлена извѣстность онаго, то нужно дать виновнику время и средства оправдать себя, если можетъ; но время сїе должно быть такъ коротко, что бы не здѣлать предосужденїя скорости наказанїя, одного изъ сильнѣйшихъ препятствїй къ преступленїю. Можетъ быть найдутся люди, которые худо понимая любовь къ человѣчеству, будутъ охуждать скорость сїю; но запрудненїе сїе не удержитъ того, кто разсудитъ, что хотя невинность и будетъ въ нѣкоторой опасности отъ наблюденїя правила, нами пред-

писываемаго, но ето случится ни отъ чего инаго, какъ отъ другихъ недостатковъ законоположенїя.

Однимъ законамъ принадлежитъ право установить время для изслѣдованїя доказательствъ, и то, которое должно дать обвиненному для защищенїя себя. Если бы судья имѣлъ сїе право, то былъ бы Законодатель. Въ злодѣянїяхъ жестокихъ, которыя долго остаются въ памяти людей, если онъ разъ доказаны, то не должно дѣлать отсрочки въ пользу преступника, которой бѣжалъ; но въ преступленїяхъ неважныхъ и недѣлающихъ такого сильнаго впечатлѣнїя, надобно опредѣлить время, послѣ котораго гражданинъ пересталъ бы быть въ неизвѣстности о своемъ жребїи. Причина сего различїя состоитъ въ томъ, что мракъ, которой въ послѣднемъ случаѣ долго сокрывалъ преступленїе, препятствуетъ, что бы не оставалось око безъ наказанїя, и что преступникъ имѣлъ средство здѣлаться лучшимъ.

Довольно, если я привелъ здѣсъ одинъ общій правила, ибо для означенія настоящаго времени, должно имѣть въ виду какое нибудь законоположеніе и общество, находящееся въ заданномъ положеніи. Примолвлю только то, что если бы въ какомъ народѣ, желающемъ испытать пользу умѣренныхъ наказаній, законы, смотря по важности преступленія, прибавляли или сокращали бы время отсрочки и изслѣдованія дѣла, такъ что изъ самопроизвольной ссылки или даже тюрьмы, здѣлалибы часть наказанія, то симъ способомъ составили бы прогрессію изъ малаго числа легкихъ наказаній за большое число преступленій, которой очень легко слѣдовать.

Однако же надобно замѣтить, что время отсрочки, и то, которое употребляютъ на изысканіе доказательствъ, не должны оба вдругъ увеличиваться по мѣрѣ важности преступленія, ибо вѣроятность, что преступленіе содѣлано, находится *въ обратной пропорціи* къ его жестокости;

слѣдственно, иногда надобно сокращать время, употребляемое на изысканіе доказательствъ, а прибавлять то, которое требуется для защищенія, и обратно. Это можетъ быть съ перваго взгляду покажется противнымъ сказанному мною выше, что за неравныя преступленія можно опредѣлять равныя наказанія, положа въ наказаніе время, которое дается для защищенія и время содержанія подъ стражею.

Для лучшаго изъясненія моей мысли, раздѣляю я преступленія на два рода. Въ первомъ полагаю жестокія; онъ начинается смертоубійствомъ и заключаетъ въ себѣ всѣ злодѣянія, превышающія оное; а во второмъ меньшія. Раздѣленіе сіе основано на природѣ. Право сохранять жизнь свою дано отъ природы всякому человѣку, а право сохранять свое имѣніе дано отъ общества. Что бы здѣлать важное какое преступленіе, то надобно человѣку заглушить въ себѣ природное чувство сожалѣнія, что гораздо труднѣе, нежели стараться о своемъ

благосостоянїи нарушая право, неначертанное въ его сердцѣ, а основанное на одномъ только условїи общества. Такъ какъ вѣроятность сихъ двухъ родовъ преступленїй очень различна, то и требуются совершенно различные законы. Въ важныхъ преступленїяхъ, случающихся гораздо рѣже, величайшая вѣроятность къ невинности обвиненнаго, должна продолжить время, которое дается ему для защищенїя себя, а сократить время изслѣдованїя дѣла, ибо ускоряя рѣшительнымъ опредѣленїемъ отнимешь у людей надежду оставаться безъ наказанїя, а оставляешь ихъ въ семъ мнѣнїи тѣмъ опаснѣе, чемъ важнѣе преступленїе. Напротивъ того, въ несколь важныхъ преступленїяхъ, гдѣ вѣроятность къ невинности обвиненнаго менѣе, надобно продлить время слѣдствїя, а сократить время защищенїя, ибо тутъ ненаказанность не такъ опасна. И такъ, если бы пагубныя слѣдствїя ненаказанности относились къ вѣроятности, что какое нибудь пре-

ступленїе останется безъ наказанїя, то не льзя бы было здѣлать сего различїя между сими двумя родами преступленїя. Надобно замѣтить также и то, что если обвиненный, котораго невинность или преступленїе недоказаны, хотя и отпустится за недостаткомъ доказательствъ, но можетъ быть задержанъ въ другой разъ за тоже самое преступленїе и отданъ подъ новое слѣдствїе, если окажутся противъ его новые признаки, опредѣленные законами, хотябы еще и не кончилось время, данное для защищенїя невинности въ содѣянномъ преступленїи. Сїе средство, по крайней мѣрѣ по моему сужденїю, можно бы было принять для сохраненїя въ одно время и безопасности и свободы гражданъ, не предпочитая одну другой; пучина, въ которую очень легко можно быть завлечену, ибо оба сїи дара, равное и родовое имущество всякаго гражданина, подвержены похищенїю, одинъ сокровеннаго деспотизма, а другой бурливой анархїи.

Есть еще нѣкоторыя преступленія, часто случающіяся вb обществb, но которыя очень трудно доказать; вb сихb преступленіяхb, затрудненіе отыскивать доказательства, замbняетb вb глазахb закона вѣроятность невинности. Но какb преступленія сіи бываютb не столько слѣдствіемb ненаказанности, какb дѣйствіемb различныхb причинb, то опасность оставить ихb безb наказанія не составляетb большой важности, по чему тутb надобно сократить время и слѣдствія и защищенія. Правила, которымb теперь обыкновенно слѣдуютb, очень отличны отb моихb. Вb преступленіяхb, кои доказать очень трудно, какb-то: вb прелюбодѣяніи, мужеложствb *и пр.*, принимаются *сумнѣнія* и *полудоказательства*, какb будто человѣкb можетb быть и полвиновенb и полневиненb, то есть, *полупростимb* и *полунаказуемb*. Вb сихb-то преступленіяхb пытка владычествуетb надb особою обвиненнаго, надb свидѣтелями и надb всемb семействомb нещастнаго, вb слѣдствіе

наставленій нѣкоторыхъ ученыхъ, которые съ холодною несправедливостію пишутъ законы народамъ.

Послѣ сихъ правилъ, съ удивленіемъ увидятъ, что здравой разсудокъ никогда не присудствовалъ при составленіи уголовнаго судопроизводства. Въ преступленіяхъ жесточайшихъ, сокровеннѣйшихъ и нелепѣйшихъ, то есть, въ такихъ, гдѣ вѣроятность была всего менѣе, довольствовались доказательствами слабѣйшими и недостаточнѣйшими, какъ будто законы и судья поставлены не для изысканія истины, а для доказанія преступленія; какъ будто опасность осудить невиннаго не была тѣмъ болѣе, чемъ менѣе вѣроятность преступленія.

Въ большой части людяхъ недостаетъ сей твердости духа, необходимо нужной, какъ для величайшихъ преступленій, такъ и для величайшихъ добродѣтелей, и которая приводитъ и къ тому и къ другому людей въ Государствахъ, поддерживающихся народною живостію и страстію къ общественной пользѣ. Что же касается

до тѣхъ, кои существуютъ одною своею массою, или добротою законовъ, то нами ослабленныя страсти, кажется, гораздо способнѣе поддерживать только образъ правленія, а не улучшивать оной; что и приводитъ насъ къ сему важному заключенію: что величайшія преступленія въ какомъ нибудь народѣ не всегда еще доказываютъ упадокъ онаго.

§ XIV.

О начатыхъ, но неоконченныхъ преступленіяхъ, и о соумышленникахъ.

Хотя законы не могутъ наказывать намѣренія; но по этому не льзя еще сказать, чтобы дѣйствіе, которымъ начинается преступленіе и которое доказываетъ волю, хотѣвшую исполнить оное, не заслуживало наказанія, хотя не такъ строгаго, какъ положенное за содѣянное преступленіе. Наказанія нужны для того, что надобно предупреждать и самыя первыя покушенія къ преступленію; но какъ

между симъ покушеніемъ и исполненіемъ преступленія есть промежутокъ времени, то надобно полагать наказанія гораздо болѣе за содѣянное преступленіе, дабы тѣмъ дать начинающему преступленіе нѣкоторое побужденіе, которое отвлекало бы его отъ исполненія.

Соумышленникамъ въ злодѣяніи, которые не непосредственные онаго исполнители, должно положить наказаніе менѣе, нежели тѣмъ изъ нихъ, которые оное исполнили. Когда многіе люди соединяются подвергать себя общей опасности, то чемъ болѣе сія опасность, тѣмъ болѣе стараются они уравнять ее между собою. Законы, наказывающіе гораздо строже исполнителей злодѣянія, нежели простыхъ соумышленниковъ въ ономъ, здѣлаютъ то, что опасность не будетъ дѣлиться между ими равно и что будетъ труднѣе отыскать человѣка, который захотѣлъ бы дѣломъ вспомоществовать умышляемому злодѣянію, ибо опасность его здѣлается болѣе отъ различія наказанія. Въ одномъ

только случаѣ можно здѣлать изключеніе изъ сего правила, а именно: когда исполнитель злодѣянія получаетъ отъ соумышленниковъ особливое какое награжденіе. Тутъ наказаніедолжно быть равное, ибо различіе опасности награждается различіемъ выгоды. Можетъ быть разсужденія сіи покажутся слишкомъ тонкими; но надобно подумать о томъ, что законамъ необходимо нужно какъ можно болѣе препятствовать сообщникамъ соглашаться между собою.

Нѣкоторыя Правительства освобождаютъ отъ наказанія соумышленника въ важномъ преступленіи, которой открываетъ своихъ товарищей. Средство сіе имѣетъ свои выгоды и неудобности. Неудобность состоитъ въ томъ, что общество поощряетъ людей къ измѣнѣ, которая не терпится и между злодѣями; что симъ средствомъ вводитъ оно злодѣянія трусости, кои для народа пагубнѣе злодѣяній мужества, ибо мужество есть свойство не всѣмъ обыкновенное и ожидающее только благопворной власти, которая напра-

вила бы его на общественное благо, а трусость, вмѣсто того, гораздо обыкновеннѣе и такое заразительное зло, которое усиливается со дня на день. Правительство, употребляющее сїе средство, обнаруживаетъ свою нерѣшимость, а законъ показываетъ слабость, требуя помощи у того самаго человѣка, которой его оскорбляетъ. (*)

(*) Нерѣшимость правительства и слабость закона въ разсужденїи неизвѣстнаго преступленїя, всѣмъ извѣстны; вотще стараются сокрыть ихъ; но ничто не можетъ сравняться съ пользою посѣять между злодѣями недовѣрчивость, подозрѣнїе, здѣлать ихъ опасными другъ другу и заставить безпрестанно болѣться видѣть въ своихъ соумышленникахъ столькоже доносителей. Это привлекаетъ къ трусости только злыхъ, а все то полезно, что отъемлетъ у нихъ мужество.

Нѣжность Автора есть нѣжность души благородной и великой; но человѣческая нравственность, которой законы служатъ основанїемъ, имѣетъ въ виду обществен-

Выгоды состоятъ въ томъ, что предупреждаются важныя злодѣянїя и успокоивается народъ, которой наполняется страхомъ видя содѣланныя злодѣянїя, а не зная преступниковъ. Сїе обыкновенїе показываетъ также, что тотъ, кто нарушаетъ законъ, то есть, общественныя постановленїя, нарушаетъ гораздо легче частныя. Мнѣ кажется, что общей законъ, которой освобождалъ бы отъ наказанїя всякаго соумышленника, открывающаго злодѣянїе, былъ бы лучше частнаго доношенїя въ частномъ какомъ случаѣ, ибо предупреждалъ бы соединенїе злодѣевъ, вселяя въ каждаго изъ нихъ

ной порядокъ и не можетъ принять въ число своихъ добродѣтелей вѣрности злодѣевъ между собою, чтобы возмущать порядокъ и нарушать законы съ большею безопасностїю. Если въ открытой войнѣ принимаютъ перебѣжчиковъ, то съ большею справедливостїю можно принимать ихъ въ тайной и мрачной войнѣ, которая вся состоитъ изъ коварствъ и измѣнъ. *Дидеротъ.*

страхъ подвергнуться одному опасности и не поощрялъ бы къ дерзости злодѣевъ, кои видятъ, что есть случаи, въ которыхъ и въ нихъ имѣютъ нужду. Впрочемъ, не худобы къ освобожденїю отъ наказанїя присоединить и изгнанїе доносчика....

Но тщетно стараюсь я заглушить въ себѣ гласъ совѣсти побуждая къ измѣнѣ и коварству законы, которые должны быть святы, должны быть памятникомъ довѣрїя общественнаго и основанїемъ человѣческой нравственности. Какойже послѣ можетъ быть примѣръ для народа, если онъ увидитъ, что Правительство не выполняетъ своего обѣщанїя, а употребляетъ всѣ пустыя хитрости, чтобы къ стыду всеобщаго довѣрїя повлещи на казнь того, которой отозвался на гласъ законовъ? Такїе примѣры не рѣдки и отъ этого многїе люди почитаютъ политическое общество машиною, составленною изъ разныхъ частей, пружины которой управляются по волѣ сильнѣйшихъ, или хитрѣйшихъ. Вотъ что умножаетъ число людей, чуж-

дыхъ всякой привязанности ко всему тому, что возхищаетъ души нѣжныя и великія, и которые, подобно музыканту, извлекающему пальцами своими звукъ изъ какова нибудь орудія, съ холодною остротою возбуждаютъ въ сердцѣ человѣческомъ сильнѣйшія страсти, и чувствія, любезнѣйшія оному, если только полезны онѣ для ихъ намѣренія.

§ XV.

О кротости въ наказаніяхъ.

Намѣреніе учрежденія наказаній состоитъ не въ томъ, чтобы мучить твореніе, одаренное чувствами, или, такъ сказать, передѣлать содѣланное уже злодѣяніе. Какъ можно, чтобы политическое общество, которое не токмо что дѣйствуетъ безпристрастно, но и обуздываетъ страсти частныхъ людей, приняло сію безполезную жестокость, орудіе ярости и изступленія, или слабости тирановъ? Воля нещастнаго, котораго

терзаютъ, можетъ ли вызвать учиненное имъ злодѣяніе изъ прошедшаго и никогда не возвращающагося времени?

Намѣреніе въ учрежденіи наказаній состоитъ въ томъ, дабы воспрепятствовать виновному съ нова вредить обществу и отвратить сограждан его отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Слѣдственно, должно употреблять такія наказанія, которыя будучи соразмѣрны преступленію, здѣлаютъ на сердцахъ людей живѣйшія и продолжительнѣйшія впечатлѣнія а тѣлу преступника причиняютъ наималѣйшую боль.

Кто не содрогнется отъ ужаса видя въ исторіи столько варварскихъ и безполезныхъ мученій, вымышленныхъ и употребляемыхъ съ холодностію людьми, назвавшими себя мудрыми! Не затрепещетъ ли въ человѣкѣ чувствительнѣйшая часть его самаго, (*) смотря на тьму неща-

(*) Напротивъ надобно бы сказать: *нечувствительнѣйшая часть*, чтобы изображеніе было сильнѣе; ибо не очень

стныхъ, которые съ отчаяніемъ бросались въ природное состояніе, для избѣжанія мученій, причиняемыхъ или терпимыхъ законами, терзавшими всегда большую часть людей, а помогавшими малѣйшей части оныхъ? Кто не ужаснется видя людей, обвиненныхъ въ преступленіяхъ невозможныхъ, или сплетенныхъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, или наконецъ виновныхъ только въ томъ, что были неверды въ своихъ правилахъ? Кто можетъ, говорю я, смотрѣть на ихъ терзаніе, отправляемое съ великими обрядами и медленностію людьми, одаренными такими же чувствами и т
кими же страстями, и на множес
изступленныхъ, увеселяющихся с
страшнымъ позорищемъ?

Самая суровость наказанія -
ляетъ въ людей болѣе смѣлост ъ
избѣжанію отъ онаго и застав пъ

многаго требуется привести въ трепетъ чувствительнѣйшую часть. (Это только ученая критика). *Дидеротъ.*

ихъ дѣлать множество преступленій, чтобы избавиться наказанія, положеннаго за одно. Во всѣхъ земляхъ и временахъ, гдѣ употреблялись лютѣйшія наказанія, тамъ точно дѣлались жесточайшія злодѣянія. Тотъ же духъ звѣрства, которой управлялъ рукою законодателя, направлялъ также руку и разбойника и отцеубійцы. На престолѣ предписывалъ онъ кровавые законы душамъ свирѣпымъ и рабствующимъ, которыя повиновались, а въ тоже время побуждалъ неизвѣстнаго гражданина закалать своихъ тирановъ и возводить на ихъ мѣсто новыхъ.

Чемъ суровѣе дѣлаются наказанія, тѣмъ болѣе люди, принаравливаясь, такъ сказать, къ свирѣпости законовъ, ожесточаются, и всегда дѣятельная сила страстей доводитъ до того, что чрезъ сто лѣтъ также будутъ бояться колеса, какъ прежде тюрьмы. (*)

9 *

(*) Этому я не вѣрю. Правда, что привычка къ страданію ожесточаетъ

Дабы наказанїе произвело желаемое дѣйствїе, довольно и того, чтобы зло, онымъ причиняемое, превышало добро, ожиданное отъ преступленїя: прилагая къ изчисленїю превосходства зла надъ добромъ и извѣстность наказанїя (*) и поперю вы-

---

душу, что произходитъ отъ суровости правленїя; но когда состоянїе невинности здѣлается состоянїемъ тихимъ и спокойнымъ, тогда наказанїя, дѣлаемыя преступленїю, будутъ устрашать безъ ожесточенїя, и никогда не привыкнутъ къ мысли имѣть изломанныя кости и умереть въ такомъ терзанїи.

Не смотря на сие, я не менѣе согласенъ съ Авторомъ о безполезной суровости наказанїй. Я опровергаю его доказательства, а не правила. *Дидеротъ.*

(*) Напротивъ *неизвѣстность наказанїя* должно ввести въ изчисленїе и наказанїе здѣлать тѣмъ ужаснѣе, чемъ болѣе возможности избавиться отъ онаго; какъ напримѣръ, въ зажигательствѣ и отравленїи очень легко сокрыться и съ вѣроятностїю можно надѣяться избѣгнуть наказанїя. *Дидеротъ.*

годъ, преступленїемъ пріобрѣтаемыхъ. Всякая строгость, выходящая изъ сихъ границъ, безполезна и слѣдственно тиранская.

Люди установляютъ свое поведенїе послѣ повтореннаго дѣйствїя нещастїй, имъ извѣстныхъ, а не тѣхъ, которыхъ они еще не вѣдаютъ. Возмемъ въ примѣръ два народа, изъ коихъ, слѣдуя прогрессїи наказанїй, въ одномъ самое величайшее наказанїе была бы вѣчная неволя, а въ другомъ колесо. Согласенъ, что въ обѣихъ сихъ народахъ оба сїи наказанїя вселятъ равной ужасъ; но еслибы надобно было къ первому изъ нихъ перенести жесточайшее наказанїе, установленное во второмъ, то таже самая надобность принудила бы послѣдней умножить суровость наказанїя, и отъ колеса перейтить къ мученїямъ медлительнѣйшимъ и замысловатѣйшимъ и къ послѣдней тонкости науки тирановъ.

Кромѣ сего есть еще два другїя плачевныя слѣдствїя, произтекающїя

отъ жестокости наказанїй и противныя намѣренїю учрежденїя оныхъ, которое состоитъ въ предупрежденїи преступленїй. Первое есть то, что не льзя такъ легко здѣлать столь нужнаго уравненїя между преступленїемъ и наказанїемъ. Хотя жестокость, искусная на выдумки, и умножила роды мученїя; но никакое наказанїе не можетъ превзойти послѣдней степени силы человѣческой, ограниченной чувствительностїю и членоустроенїемъ. За сею послѣднею точкою не найдешь болѣе никакого суровѣйшаго наказанїя за жесточайшее злодѣянїе. Другое слѣдствїе есть то, что ненаказанность рождается отъ самой свирѣпости наказанїя. Сила человѣческой природы ограничена какъ въ злѣ, такъ и въ добрѣ. Варварской какой нибудь обычай можетъ употребляться одною только времянною жестокостїю; но не можетъ поддерживаться ни однимъ твердымъ постановленїемъ, каково должно быть законоположенїе. Если законы суровы, то надобно ихъ перемѣнить, или ненаказанность злодѣ-

яній произойдетъ отъ самой суровости законовъ.

Главу сію кончу я слѣдующимъ разсужденіемъ. Великость наказаній должна относиться къ настоящему состоянію и заданнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится какой нибудь народъ. Въ народѣ, едва вышедшемъ изъ невѣжества, потребно впечатлѣніе гораздо сильнѣйшее и чувствительнѣйшее. Одинъ только громовой ударъ въ состояніи сразить разъяреннаго льва, а ружейной выстрѣлъ лишь только болѣе его раздражаетъ; но по мѣрѣ смягченія душъ у живущихъ въ обществѣ людей, умножается также и чувствительность во всякомъ человѣкѣ, которая требуетъ уменьшенія суровости въ наказаніяхъ, если хотятъ сохранить всегдашнее равновѣсіе между предметомъ и чувствами.

§ XVI.

О смертной казни.

Сіе безполезное множество наказаній, не сдѣлавшее людей лучшими,

принудило меня разсмотрѣть: полезна и справедлива ли смертная казнь въ хорошо устроенномъ правленіи? Что это за *право*, которое люди себѣ присвоиваютъ, рѣзать себѣ подобныхъ? Вѣрно право сіе не то, на коемъ основаны верховная власть и законы? Законы не иное что суть, какъ сумма участковъ свободы каждаго, самомалѣйшихъ какихъ только всякой уступить могъ. Они изображаютъ общую волю, которая есть собраніе всѣхъ частныхъ воль. Если такъ, то кто захотѣлъ другимъ людямъ дать *право* отнимать у себя жизнь? Какъ можно, чтобы въ самомалѣйшихъ пожертвованіяхъ свободы каждаго, нашлось и пожертвованіе жизни, величайшаго изъ всѣхъ благъ (*)?

(*) Отъ того, что жизнь есть величайшее изъ всѣхъ благъ, всякой согласился, чтобы общество имѣло право отнимать ее у того, кто вздумалъ бы отнять ее у другихъ. Конечно, никто не захотѣлъ дать обществу права отнимать у себя

А если бы ето и было, то какъ можно положенїе сїе согласить съ другимъ правиломъ, отнимающимъ у человѣка право умерщвлять самаго себя,

---

жизнь во всякомъ случаѣ; но всякой занимаясь сохраненїемъ своей, и никто не предвидя для себя воли, которой онъ тогда не имѣлъ, посягать на жизнь другаго, всѣ видѣли одну только пользу въ смертномъ наказанїи, для безопасности, защиты и мщенїя общественаго. Очень легко понять, что человѣкъ говорящей: *Я согласенъ, чтобы отняли у меня жизнь, если я покушусь на жизнь другихъ*, говоритъ самъ себѣ: *Я не покушусь на нее, и такъ законъ будетъ за меня, а не противъ меня.* Условїе сїе такъ естественно, что очень часто дѣлаютъ оное въ частныхъ обществахъ, напр. въ заговорахъ, гдѣ клянутся омыть руки свои въ крови того, кто откроетъ тайну. А что касается до справедливости сего наказанїя, то она основана на договорѣ и пользѣ общественной. Если оно нужно, слѣдственно справедливо; надобно только знать, нужно ли оно? *Дидеротъ.*

которое онъ непремѣнно долженъ имѣть, если могъ передать оное другимъ, или обществу?

И такъ смертная казнь не дозволена никакимъ *правомъ*, а есть ничто иное, какъ война цѣлаго народа противъ одного гражданина, умерщвленіе котораго почитается нужнымъ и полезнымъ для сохраненія общества. Если же я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества, смерть гражданина ненужна и не полезна, то выиграю дѣло, начатое противу человѣчества.

Я говорю *въ обыкновенномъ состояніи общества*, ибо смерть гражданина бываетъ нужна въ одномъ только случаѣ, а именно: когда лишась свободы, имѣетъ онъ еще сношенія и силу, могущую возмутить народное спокойствіе; когда жизнь его можетъ произвести перемѣну въ установленномъ образѣ правленія. Сей случай имѣетъ мѣсто только тогда, когда народъ теряетъ и возвращаетъ свою свободу, или во время безначалія, когда самые безпорядки засту-

пластъ мѣсто законовъ; но въ Государствѣ, защищенномъ отъ внѣшнихъ непріятелей, а внутри поддерживаемомъ силою и мнѣніемъ общественнымъ, гораздо дѣйствительнѣйшимъ и самой силы, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца, гдѣ богатство можетъ покупать одинъ только удовольствія, а не силу, тутъ никакой нѣтъ нужды отнимать жизнь у гражданина.

Еслибы опытъ всѣхъ вѣковъ не доказывалъ, что смертная казнь никогда не препятствовала рѣшившимся людямъ вредить обществу; еслибы примѣръ Римлянъ и двадцать лѣтъ царствованія Россійской Императрицы Елисаветы, подавшей отцамъ народовъ примѣръ, которой прекраснѣе славнѣйшихъ завоеваній; еслибы все это, повторяю я, не убѣдило людей, которымъ языкъ разсудка всегда кажется подозрительнымъ и которые всегда увлекаются мнѣніемъ, то для увѣренія въ сей истинѣ стоитъ только разсмотрѣть хорошенько человѣческую природу.

Не суровость наказанїя производитъ величайшее дѣйствїе надъ умомъ человѣческимъ, но продолжительность онаго; ибо чувствительность наша гораздо легче и сильнѣе поражается слабыми, но повторяемыми впечатлѣнїями, нежели жестокимъ, но скоропроходящимъ потрясенїемъ. Владычествво привычки имѣетъ вліянїе на всякую тварь, одаренную чувствами; и какъ она научаетъ человѣка говорить, ходить и удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ, то подобно етому и нравственныя умоначертанїя врѣзываются въ сердцѣ человѣческое повторенными впечатлѣнїями. По сему смерть преступника гораздо слабѣе можетъ удержать отъ злодѣянїя, нежели долговременной и продолжительной примѣръ человѣка, лишеннаго свободы и здѣлавшагося рабочимъ скотомъ, дабы трудомъ цѣлой жизни своей наградить вредъ, причиненной имъ обществу.

Сїе часто чинимое размышленїе зрителемъ съ самимъ собою: *если бы я здѣлалъ какое злодѣянїе, то и я*

принужденъ бы былъ влачить всю жизнь свою въ такомъ же нещастномъ состояніи! дѣлаетъ надъ нимъ впечатлѣніе гораздо сильнѣйшее, нежели смерть, которую люди всегда видятъ въ мрачномъ отдаленіи.

Какъ ни силенъ ужасъ, причиняемый воображеніемъ о смерти, но все не можетъ противиться забвенію, сколь свойственному человѣку, даже и въ важнѣйшихъ вещахъ, а особливо если забвеніе сіе поддерживается страстями. Правило общее: жестокія впечатлѣнія изумляютъ и поражаютъ человѣка, но дѣйствіе ихъ продолжается не долго. Онѣ могутъ произвести сію перемѣну, которая вдругъ изъ обыкновеннаго человѣка дѣлаетъ Спартанца или Римлянина; но въ спокойномъ и свободномъ правленіи, имъ должно случаться чаще, нежели быть сильнѣе.

Смертная казнь преступника бываетъ для большой части людей зрѣлищемъ, или предметомъ сожалѣнія и негодованія. Оба сіи чувства занимаютъ душу зрителей гораздо болѣе,

нежели спасительный ужасъ, которой законъ думаетъ вселить въ нихъ. Но взирающей на безпрестанное и умѣренное наказанїе, болѣе всего одержимъ бываетъ страхомъ, ибо чувство сїе одно только въ немъ и остается. Въ первомъ случаѣ съ зрителемъ наказанїя дѣлается тоже, что съ зрителемъ театральнаго представленїя, и какъ скупой возвращается къ своимъ сундукамъ, такъ точно злой и несправедливой человѣкъ возвращается къ своимъ злодѣянїямъ.

Дабы наказанїе было справедливо, то должно, чтобы оно не имѣло болѣе того степени строгости, которой требуется для отвращенїя людей отъ преступленїя. Если такъ, то я утверждаю, что нѣтъ человѣка съ самомалѣйшимъ разсужденїемъ, которой могъ бы колебаться между преступленїемъ, какїя бы выгоды оно ему ни обѣщало, и совершенною и вѣчною потерею свободы. Слѣдственно, строгость наказанїя вѣчною неволею имѣетъ въ себѣ не только все нужное къ отвращенїю отъ преступленїя

и рѣшительнѣйшаго человѣка, подобно смертной казни, (*) но дѣйствіе свое, по моему мнѣнїю, произведетъ еще вѣрнѣе. Сколько есть людей, которые взираютъ на смерть окомъ твердымъ и спокойнымъ! одни по изувѣрству,

---

(*) Я также думаю, и не льзя не убѣдиться доказательствами, которыя Авторъ приводитъ. Но замѣчаю, что онъ очень справедливо отказывается отъ своего правила кротости и человѣколюбія къ преступнику. *Въ оковахъ, подъ ударами, въ желѣзной клѣткѣ, отчаяніе не скончаетъ его мученій, а начинаетъ оныя.* Картина сїя ужаснѣе колеса, и наказанїе, оною представляемое, въ самомъ дѣлѣ жесточѣ жесточайшей смерти. Но такъ какъ оно подаетъ *частые и прочные примѣры*, то по дѣйствительности своей должно предпочесться смертной казни, продолжающейся одно мгновенїе и на которую отчаянные преступники очень часто рѣшаются. Вотъ, по моему мнѣнїю, сильная причина предпочесть продолжительную и тягостную неволю человѣкоубивству. *Дидеротъ.*

другїе по сему тщеславїю, которое сопровождаетъ насъ и за гробъ; иные по совершенному отчаянїю, принуждающему ихъ вырваться изъ бѣдности, или кончить жизнь; но изувѣрство и тщеславїе оставляютъ преступника въ оковахъ, подъ ударами, въ желѣзной клѣткѣ, а отчаянїе, вмѣсто окончанїя его мученїй, всегда начинаетъ оныя. Душа наша болѣе сопротивляется жестокости и чрезвычайной боли, которыя проходятъ скоро, нежели времени и продолжительной скукѣ; ибо въ первомъ случаѣ она можетъ, собравшись, тамъ сказать, вся сама въ себя, противиться мученїю, на нее устремившемуся, а во второмъ, все ее усилїе недостаточно къ сопротивленїю страданїямъ, коихъ дѣйствїе долговременно и продолжительно.

Въ народѣ, употребляющемъ смертную казнь, каждой примѣръ наказанїя предполагаетъ новое какое нибудь содѣянное преступленїе, а вѣчная неволя одного человѣка подаетъ, вмѣсто того, примѣры частые и

продолжительные. Если необходимо нужно, чтобы люди часто имѣли передъ глазами дѣйствїе власти законовъ, то надобно, чтобы часто были преступники, наказываемые смертїю. И такъ, смертная казнь предполагаетъ частыя преступленїя, то есть, чтобы быть полезною, надобно, чтобы она недѣлала всего впечатлѣнїя, которое должно ей дѣлать.

Можетъ быть скажутъ, что вѣчная неволя есть наказанїе стольже мучительное, какъ и самая смерть, слѣдственно стольже жестокое. Я отвѣчаю, что если бы собрать въ одну точку всѣ нещастныя минуты изъ жизни невольника, то наказанїе его было бы можетъ быть ужаснѣе и самаго величайшаго мученїя; но минуты сїи разбросаны на всю жизнь, вмѣсто того, что смертная казнь дѣйствуетъ всею силою въ краткомъ пространствѣ времени. Наказанїе неволею имѣетъ ту выгоду для общества, что устрашаетъ болѣе того, кто на оное смотритъ, нежели того, кто оное терпитъ; ибо, первой помышляетъ вдругъ о всѣхъ

нещастныхъ минутахъ, а второй чувствуя настоящее забываетъ о будущихъ страданіяхъ. Всѣ нещастія увеличиваются въ воображеніи, и претерпѣвающей наказаніе находитъ облегченіе и утѣшеніе, неизвѣстныя взирающимъ на его наказаніе, и чему они не вѣрятъ, ибо судятъ по собственной своей чувствительности о томъ, что происходитъ въ сердцѣ, здѣлавшимся нечувствительнымъ отъ привычки къ нещастію.

Знаю, что изъясненіе чувствій своего сердца есть претрудное искуство, которому можетъ научить одно только воспитаніе, и хотя злодѣи не могутъ давать себѣ отчету въ своихъ правилахъ, однакоже правила сіи не менѣе ими управляютъ. Итакъ, вотъ почти то разсужденіе, какое дѣлаетъ съ собою воръ или смертоубійца, которой оправдается отъ преступленія однимъ только страхомъ висѣлицы или колеса.„ Что это „за законы, которые хотятъ чтобы „я почиталъ, и которые дѣлаютъ „такое большое различіе между мною

„и человѣкомъ богатымъ? Онъ отка-
„зываетъ мнѣ въ скудной помощи,
„мною отъ него требуемой, а посы-
„лаетъ на работу, которой самъ не
„знаетъ. Кто здѣлалъ сіи законы?
„Богатые и знатные, не удостоившіе
„никогда посѣщеніемъ своимъ хижины
„убогаго, и никогда не видѣвшіе, какъ
„онъ раздѣляетъ кусокъ чорстваго и
„заплеснѣвелаго хлѣба своимъ голод-
„нымъ дѣтямъ и ихъ рыдающей ма-
„тери! разорвемъ сей договоръ, пагу-
„бной для большой части людей, а
„выгодной для нѣкотораго числа мучи-
„телей. Нападемъ на неправосудіе въ
„самомъ его источникѣ. Я возвращусь
„въ первое и естественное состояніе
„независимости и буду жить на
„свободѣ и щастливо плодами своихъ
„трудовъ и храбрости. Правда, можетъ
„быть и придетъ когда нибудь время
„плача и раскаянія; но время сіе бу-
„детъ кратко и за одинъ день нака-
„занія, буду имѣть нѣсколько лѣтъ
„удовольствія и свободы. Повелитель
„малаго числа, подобно мнѣ, отва-
„жныхъ людей, исправлю я ошибки

„щастїя и мучители сїи побледнѣютъ „взирая на того, котораго они въ ос- „корбительной своей пышности, щи- „тали хуже своихъ коней и псовъ!

Тутъ же религїя представляясь уму злодѣя, все употребляющему во зло, и показывая ему легкое раскаянїе и почти вѣрную надежду вѣчнаго блаженства, докончитъ въ немъ уменьшенїе ужаса послѣдней трагедїи.

Но тотъ, кто видитъ, что множество лѣтъ, или и всю жизнь свою проведетъ въ неволѣ и мученїи, здѣлавшись рабомъ сихъ же самыхъ законовъ, которыми онъ былъ защищаемъ и ето въ глазахъ своихъ сограждан, съ коими живетъ теперь свободно, дѣлаетъ полезное сравненїе между всемъ симъ нещастїемъ, неизвѣстностїю успѣха злодѣянїя, краткостїю времени, въ которое онъ будетъ наслаждаться плодами онаго, и выгодами, которыхъ онъ надѣется. Имѣя безпрестанно передъ глазами примѣръ нещастныхъ, здѣлавшихся жертвою своего неблагоразумїя, поражается онымъ болѣе, нежели смер-

тною казнїю, которая вмѣсто исправленїя его только ожесточаетъ.

Смертная казнь и тѣмъ еще дѣлаетъ вредъ обществу, что подаетъ примѣръ жестокости. Если спрасти и необходимость войны, научили людей проливать кровь человѣческую, то по крайнѣй мѣрѣ законы, которыхъ предметъ состоитъ во внушенїи кротости и человѣколюбїя, не должны размножать примѣровъ сего варварства, примѣровъ тѣмъ жесточайшихъ, что опредѣляемая оными смерть дѣлается съ большими обрядами и пригоповленїями.

Для меня очень мудрено кажется, что законы, которые суть изъясненїе общей воли, ненавидящей и наказывающей человѣкоубивство, сами дѣлаютъ оное, и для отвращенїя гражданъ отъ смертоубивства, сами приказываютъ явное смертоубивство. Какїе законы справедливы и полезны? Тѣ, кои здѣлались и наблюдались бы всѣми людьми въ такое время, въ которое умолкаетъ частная выгода, которой гласу всегда они повинуются,

или когда частная сія выгода соединяется съ выгодою общею. И такъ, какія естественныя чувствія имѣетъ человѣкъ о смертной казни? Мы можемъ видѣть оныя въ презрѣніи и негодованіи, съ коими взираютъ на палача, которой однако же ни что иное есть, какъ невинный исполнитель общей воли, добрый гражданинъ, споспѣшествующій общественному благу, столь же нужный защитникъ безопасности Государства внутри, какъ храбрые воины внѣ онаго противъ враговъ. (*) Отъ чего здѣла-

---

(*) Сіе не доказываетъ еще, чтобы смертная казнь была несправедлива. Я уже сказалъ, какъ общая воля приняла оную и какъ естественно, что законы опредѣлили смерть смертоубійцѣ. Отвращеніе отъ палача произходитъ отъ сожалѣнія, которое человѣкъ чувствуетъ къ себѣ подобному и которое было бы тоже, еслибы онъ видѣлъ его въ томъ состояніи, *въ которомъ отчаяніе не сокращаетъ его мученій, а начинаетъ.* Вооружи палача оковами и кнутами, ограничь

лось сїе противорѣчїе и отъ чего происходитъ сїе чувствїе ужаса, неизгладимое въ человѣкѣ. не смотря на всѣ усилїя его разсудка? Отъ того, что въ сокровеннѣйшей части души нашей, гдѣ первоначальныя образова-

---

должность его тѣмъ, чтобы она дѣлала для преступника жизнь ненавистною; сїе зрѣлище терзанїй, которыхъ онъ будетъ исполнителемъ, произведетъ тоже къ нему отвращенїе. Наказанїе же, дѣлаемое имъ преступнику, не будетъ отъ того несправедливѣе. Слѣдственно, ужасъ къ нему чувствуемой, не есть гласъ природы, а дѣйствїе машинальное, физическое отвращенїе, которое чувствуетъ человѣкъ видя страданїе человѣка, и тутъ я ничего еще не вижу противъ доброты законовъ.

И такъ, жестокая и суровая неволя есть наказанїе, которое гораздо лучше смертной казни единственно потому, что примѣръ оной сильнѣе; только надобно замѣтить, что неволя сїя здѣлается ужаснымъ наказанїемъ только въ такой землѣ, гдѣ состоянїе народа будетъ спо-

нїя природы сохранились лучше, находимъ мы чувствїе, всегда намъ гласящее, что жизнь наша никому законно не принадлежитъ, кромъ необходимости, управляющей всемъ мїромъ.

Что должны думать люди, видя какъ мудрые судїи и священные служители правосудїя очень равнодушно и спокойно приказываютъ торжественно влещи преступника на смерть? и между тѣмъ какъ нещастный, во ожиданїи смертельнаго удара, терзается отъ судорожныхъ движенїи, судїя, осудившей его на смерть, выходитъ изъ судилища и идетъ наслаждаться удовольствїями и прелестьми жизни, а можетъ быть еще тайно радуется, что имѣетъ такую власть.

койно и приятно. Ибо еслибы состоянїе невинныхъ было стольже тягостно, какъ и преступниковъ, то мученїе послѣднихъ не было бы болѣе наказанїемъ, и нещастные, столь же сожалѣнїя достойные, нестрашились бы болѣе онаго. *Дидеротъ.*

„Увы! скажутъ они; сіи законы,
„сіи суровые и обдуманные обряды,
„ни что иное есть, какъ покрывало
„тиранства! языкъ условія, мечь,
„способный закалать насъ съ безопа-
„сностію, какъ жертвы, опредѣлен-
„ныя ненасытимому идолу деспотизма.
„Смертоубивство, которое предста-
„вляютъ намъ ужаснымъ злодѣяніемъ,
„производится въ глазахъ нашихъ съ
„холодностію и безъ зазрѣнія совѣ-
„сти! Научимся симъ примѣромъ!
„Насильственная смерть казалась
„намъ ужасною въ описаніяхъ, какія
„намъ объ ней дѣлали; но мы видимъ,
„что это дѣло минутное, которое
„еще болѣе уменьшится, если кто
„пойдетъ на нее прямо и тѣмъ из-
„бавится всего ее ужаса!„

Вотъ тѣ пагубныя разсужденія, которыя дѣлаютъ, хотя и очень не ясно, люди расположенные къ злодѣянію, надъ коими злоупотребленіе религіи дѣйствуетъ болѣе самой религіи.

Если въ опроверженіе скажутъ мнѣ, что почти во всѣхъ вѣкахъ и

во всѣхъ народахъ, смертная казнь полагалась за нѣкоторыя преступленія, то я отвѣчаю, что примѣръ сей не имѣетъ никакой силы противъ истинны, которой не льзя противоположить никакихъ закоренѣлыхъ обычаевъ. Исторія людей есть пространное море, наполненное заблужденіями, между которыми кой гдѣ и очень рѣдко плаваетъ малое число мало извѣстныхъ истинъ.

Почти всѣ народы употребляли человѣческія жертвоприношенія, но кто отъ етаго осмѣлиться защищать сіе безчеловѣчіе? Для поддержанія моего мнѣнія, могу я съ большею основательностію привести въ примѣръ нѣкоторыя общества, которые неупотребляли смертной казни, хотя и очень короткое время; ибо таково существо и участь великихъ истинъ, что продолженіе ихъ походитъ на блескъ молніи въ сравненіи съ долговремянною и мрачною нощію, окружающую родъ человѣческой. Еще не пришло то блаженное время, въ которое истинна, такъ какъ теперь

заблужденїе, будетъ удѣломъ большей части людей.

Чувствую, что гласъ философа слишкомъ слабъ возвыситься надъ крикомъ и воплемъ поликаго множества людей, порабощенныхъ предразсудками слѣпаго обычая; но малое число мудрыхъ, разсѣянныхъ по лицу земли, меня услышатъ и будутъ отвѣчать изъ глубины своего сердца. И еслибы истинна сїя, которую столько препятствїй не допускаютъ до Государей, не взирая на сїе, могла какъ нибудь дойти до ихъ Престола, да узнаютъ они, что она сопровождается тайнымъ желанїемъ всѣхъ людей. Да узнаетъ Государь, ее приемлющей, что слава его помрачитъ славу завоевателей, и что справедливое потомство, мирные трофеи его поставитъ выше трофеевъ Титовъ, Антониновъ и Траяновъ!

Щастливыбы были люди, еслибы могли получить законы только теперь, когда на Европейскихъ Престолахъ видимъ мы Государей благотворныхъ; друзей мирныхъ добродѣтелей,

наукъ и художествъ, отцовъ своихъ народовъ, гражданъ увѣнчанныхъ! Государей, которые умножая власть свою, пекутся о блаженствѣ своихъ подданныхъ, искоренія сей посредственной деспотизмъ, которой тѣмъ суровѣе, чемъ менѣе имѣетъ твердости въ своемъ основаніи, которые ловятъ чистосердечныя моленія народа и всегда внемлятъ гласу его, если доходитъ оной до Престола! Уголовное законоположеніе большой части народовъ, со всѣми недостатками и пороками, которыми оно наполнено, имѣетъ за себя свою древность, силу безчисленнаго множества толкователей, всю пышность обрядовъ, а особливо похвалы полу-ученыхъ, людей вкрадчивыхъ и гибкихъ, которые болѣе всѣхъ на умъ свой надѣются. Если мудрые и человѣколюбивые Государи оставляютъ существовать столь недостаточные законы, то вѣрно удерживаютъ ихъ безчисленныя препятствія, встрѣчающіяся въ изкорененіи заблужденій, здѣлавшихся почтенными чрезъ столько вѣковъ,

что и заставляетъ всякаго просвѣщеннаго гражданина съ усердіемъ желать умноженія ихъ власти!

§ XVII.

О изгнаніи и лишеніи имѣнія.

Возмущающей общественное спокойствіе, не повинующейся законамъ, нарушающей постановленія, которыми люди поддерживаютъ и защищаютъ взаимно другъ друга, долженъ быть изключенъ изъ общества, то есть, изгнанъ.

Кажется, что наказаніе изгнаніемъ должно быть опредѣлено для тѣхъ, которые бывъ обвинены въ жестокомъ какомъ преступленіи, подозрѣваемы будутъ въ ономъ съ большею вѣроятностію, но не со всемъ уличены въ исполненіи онаго. Надобенъ законъ точнѣйшій и не подверженный ни малѣйшему двоесмыслію, которой опредѣлилъ бы изгнаніе тому, кто привелъ общество въ нещастную необходимость: или его бояться, или здѣ-

лать ему несправедливость, оставляя однакоже изгнанному священное право доказывать всегда свою невинность. Надобно имѣть важнѣйшія причины къ изгнанію гражданина, нежели чужестранца, и человѣка въ первой разъ обвиненнаго, нежели того, которой былъ уже подъ судомъ.

Но изгнанный лишается ли имѣнія? Вопросъ сей можно разсматривать съ разныхъ сторонъ. Лишеніе имѣнія, соединенное съ изгнаніемъ, есть наказаніе болѣе простаго изгнанія, слѣдственно, должны быть случаи, въ которыхъ, для уравненія наказанія съ преступленіемъ, надобно опредѣлять и то и другое, или лишать всего имѣнія, либо одной только части. Преступникъ долженъ лишиться всего имѣнія, если законъ, осуждающей его на изгнаніе, объявилъ, что рушились всѣ связи, соединявшія его съ политическимъ тѣломъ. Тогда гражданинъ умираетъ, остается только человѣкъ; а смерть гражданина, въ отношеніи къ политическому тѣлу, должна имѣть такія же слѣдствія,

какїя имѣетъ смерть естественная. Кажется, что въ этомъ случаѣ имѣнїе преступника должно перейти къ законнымъ его наслѣдникамъ, а не къ Государю; но я не основуюсь на этомъ мудрствованїи къ опроверженїю обычая описывать имѣнїе на Государя. Нѣкоторые люди утверждали, что его служитъ обузданїемъ мщенїя и насильствъ частныхъ людей между собою; но чтобы наказанїе было справедливо, то недовольно того, что оно приноситъ нѣсколько добра, а надобно ему быть необходимымъ. Законодатель не позволитъ полезной несправедливости, если желаетъ заградить входъ никогда недремлющему тиранству, которое подъ видомъ минутнаго блага установляетъ прочныя правила разрушенїя и заставляетъ народъ жить въ слезахъ, чтобы содѣлать благополучїе малаго числа знатныхъ. Опись имѣнїя на Государя ставитъ всегда въ цѣну голову слабаго, заставляетъ невиннаго терпѣть наказанїе преступничье и ввергнувъ въ нищету и отчаяннїе влечетъ къ злодѣянїю. Можетъ ли что быть

прискорбіе зрѣлища, какъ цѣлое семейство, удрученное безчестіемъ и бѣдностію отъ преступленія своего начальника, преступленіе, отъ котораго удержало бы его повиновеніе, приказанное самими законами, если-бы оно имѣло къ тому достаточное средство.

§ XVIII.

О наказаніи безчестіемъ. (*)

Наказаніе безчестіемъ есть знакъ всеобщаго худаго мнѣнія, лишающее гражданина уваженія, довѣренности, которую общество прежде къ нему имѣло, и братства, хранимаго между членами одного государства.

(*) Желалъ бы я, чтобы Авторъ далъ почувствовать неосторожность, обезчестивъ человѣка оставлять его на свободѣ. Сей нелѣпой обычай населяетъ лѣса наши смертоубійцами. *Дидеротъ.*

Въ теперишнемъ положенїи обществъ, законы не всегда могутъ наказывать кого безчестїемъ. Надобно, чтобы безчестїе, опредѣляемое законами, было тоже самое, которое произтекаетъ изъ общей нравственности, или по крайнѣй мѣрѣ изъ частной нравственности и изъ частныхъ системъ законоположенїя, приняпыхъ какимъ нибудь народомъ, гдѣ онѣ управляютъ мнѣнїемъ простыхъ людей. Еслиже безчестїе, коимъ законъ старается наказать кого нибудь, отлично отъ того, которое общество приписываетъ нѣкоторымъ дѣламъ, то, или не будутъ болѣе уважать закона, или понятїя о нравственности и честности изгладятся изъ умовъ, не взирая на все краснорѣчїе моралистовъ, которые всегда бываютъ слабы противу силы примѣра. Обьявляя безчестными дѣла ни чего значущїя, доведутъ до того, что дѣла, долженствующїя для общественной пользы щитаться безчестными, перестанутъ скоро признаваться за такїя.

Очень надобно остерегаться наказывать тѣлесными и боль причиняющими наказаніями изувѣрство, родъ преступленія, которое будучи основано на гордости, изъ самой боли получаетъ себѣ славу и пищу. Безчестіе и осмѣяніе суть одни только наказанія, которыя можно употребить противъ изувѣровъ, ибо они припупляютъ гордость ихъ гордостію зрителей. Наказаніе сіе очень дѣйствительно, когда разсудишь, что и самая истинна имѣетъ нужду въ величайшихъ усиліяхъ, если заблужденіе употребляетъ противъ ее оружіе осмѣянія. Такимъ образомъ противопоставляя силу силѣ и мнѣніе мнѣнію, просвѣщенный Законодатель разсѣетъ удивленіе, которое народъ имѣетъ къ ложнымъ ученіямъ, коихъ начальная глупость прикрывается нѣкоторыми къ ней прилепленными истинами.

Наказаніе безчестіемъ должно случаться рѣдко, ибо частое употребленіе власти мнѣнія ослабляетъ силу самаго мнѣнія, также ненадобно на-

лагать безчестїя вдругъ на многихъ, ибо безчестїе многихъ, скоро не будетъ составлять безчестїя ни одного.

Вотъ средства не смѣшивать непремѣняемыхъ отношенїй вещей и не здѣлать чего въ противность природѣ, которая дѣйствуя безпрестанно и въ дѣйствїи своемъ не бывъ ограничена временемъ, изпровергаетъ и разрушаетъ всѣ малыя постановленїя, отходящїя отъ законовъ, ею предписываемыхъ. Подражанїе природѣ не въ однихъ изящныхъ художествахъ принимается за положительное правило; сама политика, по крайнѣй мѣрѣ истинная и прочная, подвержена тому же закону, ибо она ничто иное есть, какъ искуство направлять къ одному предмету естественныя и неизмѣняемыя чувствїя человѣка.

§ XIX.

О томъ, что наказаніе должно быть скоро, сходно съ преступленіемъ и публично.

Чемъ скорѣе и ближе наказаніе будетъ слѣдовать за преступленіемъ, тѣмъ будетъ справедливѣе и полезнѣе. Справедливѣе потому, что избавитъ преступника отъ жестокаго и излишняго мученія, происходящаго отъ неизвѣстности своего жребія, которое умножается по мѣрѣ силы воображенія и чувствія своей слабости, и потому, что лишеніе свободы, будучи само собою наказаніемъ, не можетъ иначе опредѣлено быть прежде осужденія, какъ по мѣрѣ необходимости. Тюрьма, будучи только средствомъ къ задержанію особы обвиненнаго гражданина, должна быть спокойнѣйшею и продолжаться самократчайшее время, которое должно опредѣляться временемъ, нужнымъ для изслѣдованія дѣла, и правомъ преждезаключенныхъ, которые должны судиться первые. Стро-

гость тюремнаго заключенїя должна состоять только въ необходимости, чтобы обвиненный не ушолъ, или чтобы открыть доказательства преступленїя. Дѣло должно рѣшиться въ самокрапчайшее время. Какое жестокое различїе между безпечностїю судьи и мученїемъ обвиненнаго, между удовольствїемъ и спокойствїемъ, которыми наслаждаепся не чувствительный чиновникъ и ужаснымъ положенїемъ заключеннаго! Вообще, тяжесть наказанїя и вредныя слѣдствїя преступленїя должны быть сколько можно разительнѣе для другихъ, и какъ можно менѣе болѣзненны для терпящаго, ибо люди, собравшись въ общество, захотѣли подвергнуть себя самомалѣйшимъ только мученїямъ, и гдѣ правило сїе не почитается за неоспоримое, тамъ нѣтъ законнаго общества.

Я сказалъ, что скорость наказанїя полезна, ибо чемъ менѣе пройдетъ времени между наказанїемъ и преступленїемъ, тѣмъ болѣе соединенїе сихъ двухъ идей: *преступленїе* и *наказанїе*,

будетъ сильнѣе и продолжительнѣе въ умъ человѣческомъ, такъ что не чувствительно будутъ щитать преступленїе за *причину*, а наказанїе за необходимое онаго *слѣдствїе*. Извѣстно, что связь мыслей есть цементъ, соединяющей всѣ части зданїя человѣческаго понятїя, соединенїе, безъ котораго удовольствїе и огорченїе были бы чувствами отдѣленными и безъ дѣйствїя. Всѣ люди, въ которыхъ недостаетъ общихъ понятїй и правилъ, какъ то, черни, дѣйствуютъ по слѣдствїю связи идей непосредственнѣйшихъ и ближайшихъ другъ къ другу, не занимаясь запутанными и отвлеченными; послѣдними занимается только человѣкъ, пристращенной къ какому нибудь предмету, или умъ просвѣщенной, привыкшей быстро пробѣгать и сравнивать нѣкоторое число идей и чувствїй и выводить изъ нихъ нужнѣйшее и неопаснѣйшее слѣдствїе, то есть, дѣйствовать.

Почему необходимо нужно, чтобы наказанїе тотъ часъ слѣдовало за преступленїемъ, если хочешь, чтобы

вb грубомb умb просполюдина, привлекательная картина выгоднаго злодѣянїя тотb часb возбуждала мысль о слѣдующемb за онымb наказанїи, а медленность онаго не такb тѣсно соединитb между собою сїи два понятїя. Какое впечатлѣнїе ни дѣлаетb наказанїе, но тутb представится оно болѣе зрѣлищемb, нежели наказанїемb, ибо явится зрителямb тогда уже, когда ужасb злодѣянїя, укрѣпляющей чувство наказанїя, ослабнетb вb ихb умахb.

Другое средство еще крѣпче соединитb ту связь, которую такb нужно здѣлать между понятїемb о злодѣянїи и наказанїи. Средство сїе состоитb вb томb, чтобы наказанїе было какb можно сходственнѣе сb существомb преступленїя, то есть, надобно чтобы наказанїе приводило умb кb намѣренїю противному тому, кb которому онb стремился, прельстясь привлекательною мыслїю выгодb, коихb онb отb того надѣялся; что удивительнымb образомb облегчитb раз-

личїе между отраженїемъ наказанїя и побужденїемъ къ злодѣянїю.

У многихъ народовъ маловажныя преступленїя наказываются или тюремнымъ заключенїемъ, или неволею въ отдаленныхъ земляхъ, то есть, что въ послѣднемъ случаѣ отсылаютъ преступниковъ подавать безполезной примѣръ обществу, котораго они не оскорбили, и что въ обѣихъ случаяхъ примѣръ потерянъ для того народа, гдѣ здѣлалось преступленїе. Оба сїи обыкновенїя не годятся, ибо наказанїе важныхъ преступленїй очень мало отвлекаетъ отъ оныхъ людей, которые обыкновенно рѣшаются на содѣланїе ихъ только тогда, когда увлекаются минутною какою страстїю. Тогда большая часть почитаетъ наказанїе со всемъ до него не принадлежащимъ и заслужить невозможнымъ. Слѣдственно надобно научать ихъ публичнымъ наказанїемъ легкихъ преступленїй, которое будучи отъ нихъ близко здѣлаетъ на ихъ душу спасительное впечатлѣнїе и отвращая

отъ легкихъ, отвлечетъ и отъ важныхъ преступленій.

§ XX.

О томъ, что наказаніе должно быть дѣйствительно и не избѣжно. О милости.

Вѣрнѣйшее обузданіе преступленій есть не строгость наказанія, а увѣренность быть точно наказану. Изъ сего слѣдуетъ, что въ судьѣ непремѣнно должна быть бдительность и непреклонная строгость, которая чтобы здѣлаться полезною добродѣтелью, должна управляться человѣколюбивымъ и кроткимъ законоположеніемъ. Извѣстность умѣреннаго наказанія всегда здѣлаетъ гораздо болѣе впечатлѣнія, нежели страхъ жесточайшей казни, соединенный съ надеждою избавиться отъ оной. Какъ бы легко ни было наказаніе, но устрашаетъ людей, если оно не избѣжно; вмѣсто того что надежда, часто замѣняющая у нихъ все, удаляетъ отъ

злодѣя мысль строжайшаго наказанія, если только надежда сія подкрѣпляется примѣрами ненаказанности, случающейся часто отъ слабости, или алчности къ деньгамъ.

Иногда въ малыхъ преступленіяхъ удерживаются отъ наказанія, если обиженной прощаетъ обидившаго; дѣло доброе, но вредное для общественнаго блага. Человѣкъ можетъ не требовать награды за причиненной ему убытокъ; но прощеніе его не можетъ разрушить необходимости примѣра. Право наказывать не принадлежитъ ни одному гражданину въ особенности, а всѣмъ вообще и Государю. Обиженной можетъ отказаться отъ своего участка въ этомъ правѣ; но не можетъ отнять онаго у другихъ.

Если наказанія здѣлаются кротче, то милосердіе и прощеніе будутъ тогда менѣе нужны: блаженъ народъ, гдѣ неназываютъ ихъ добродѣтелью! Милосердіе, замѣняющее иногда въ Государяхъ качества, недостающія для исполненія обязанностей Престола, должно быть изгнано изъ хорошаго

законоположенїя, въ которомъ наказанїя кротки и уголовное судопроизводство не такъ запутано. Истинна сїя покажется очень суровою живущимъ подъ безпорядкомъ теперишняго законоположенїя, въ которомъ прощенїе и милосердїе нужны отъ самой жестокости наказанїя и безразсудности законовъ. Право прощать есть одно изъ прекраснѣйшихъ преимуществъ Престола; но право сїе, данное благодѣтельнымъ раздавателямъ народнаго блаженства, есть безмолвное порицанїе самихъ законовъ. Милосердїе есть добродѣтель Законодателя, а не исполнителя законовъ; оно должно блистать въ уложенїи, а не въ частныхъ сужденїяхъ. Показывать людямъ, что преступленїе прощается и что наказанїе не всегда бываетъ неминуемымъ онаго слѣдствїемъ, есть тоже, что питать въ нихъ надежду къ ненаказанности и заставить ихъ думать, что наказанїе претерпѣваемое тѣми, которыхъ не простили, есть болѣе дѣйствїе жестокости и насилїя, нежели правосудїя.

Государь, прощая кого нибудь, жертвуетъ общественною безопасностїю частному человѣку, и въ частномъ постановленїи, здѣланномъ слѣпымъ добродушїемъ, изрекаетъ общее опредѣленїе къ ненаказанности. И такъ, исполнителямъ законовъ должно быть непреклоннымъ, а Законодателю кротку и человѣколюбиву. Подобно искусному строителю, да возвыситъ онъ зданїе общественнаго блаженства на основанїи любви, которую всякой человѣкъ имѣетъ къ своему благосостоянїю и да знаетъ выводить общее благо изъ стеченїя частныхъ выгодъ каждаго человѣка! Послѣ не будетъ онъ принужденъ раздѣлять особенными законами и мало обдуманными средствами, общее благо отъ блага частнаго и утверждать на страхѣ и недовѣрїи призракъ общественнаго блаженства. Какъ глубокомысленной и чувствительной философъ, да позволитъ онъ людямъ, братьямъ своимъ, спокойно наслаждаться малымъ участкомъ того блаженства, которое обширная система, учрежденная первою

Виною, дозволяетъ имъ вкушать на сей землѣ, составляющей одну только точку въ пространствѣ міра.

§ XXI.

О мѣстахъ, опредѣляемыхъ въ убѣжищѣ отъ наказанія.

Спрашивается: справедливо ли уставлены убѣжища отъ наказанія и полезны ли, или нѣтъ, договоры между народами отдавать взаимно другъ другу своихъ преступниковъ? Во всемъ пространствѣ Государства не должно быть мѣста, не зависимаго отъ законовъ. Сила ихъ должна преслѣдовать каждаго гражданина, какъ тѣнь, слѣдующая за тѣломъ. Убѣжища и ненаказанность разнятся между собою какъ *плюсъ* и *минусъ*: убѣжища привлекаютъ болѣе къ преступленію, нежели наказанія отвращаютъ отъ онаго. умножать ихъ въ какой нибудь землѣ есть тоже, что составлять въ ней столько же малыхъ независимыхъ Государствъ, ибо тамъ, гдѣ не повелѣ-

ваютъ законы, могутъ составиться новыя власти, сопротивляющїяся общимъ законамъ и слѣдственно можетъ установиться духъ, противный духу цѣлаго общества. Изъ исторїи видно, что убѣжища были колыбелью величайшихъ перемѣнъ въ Государствахъ и мнѣнїяхъ.

Нѣкоторые люди утверждали, что въ какомъ бы мѣстѣ ни здѣлалось преступленїе, то есть, дѣло противное законамъ общества, можетъ наказываться по всюду въ другихъ мѣстахъ: какъ будто качество подданнаго было титло неизтребимое; какъ будто названїе подданнаго было не только тоже, но еще и хуже названїя невольника; какъ будто человѣкъ, живучи въ какой нибудь землѣ, былъ подчиненъ другому правленїю, а дѣла его двумъ Государямъ и двумъ законамъ, часто противорѣчащимъ другъ другу. Люди сїи хотятъ, чтобы какое нибудь жестокое преступленїе, учиненное напримѣръ въ Константинополѣ, могло быть наказано въ Парижѣ, по сей отвлеченной причинѣ, что оскор-

бляющей человѣчество , достоинъ имѣть себѣ врагами всѣхъ людей и долженъ быть предметомъ всеобщей ненависти. Но судьи не суть мстители чувствительности человѣческой вообще , а постановленій , связующихъ людей между собою. Мѣсто наказанія должно быть непремѣнно то самое, гдѣ учинилось преступленіе , ибо тутъ только , а не индѣ гдѣ , принуждены люди, для предупрежденія общаго зла, здѣлать зло одному человѣку. Злодѣй, непреступившей постановленія какого нибудь общества , котораго онъ не былъ членомъ, можетъ быть опасенъ для сего общества и изгнанъ изъ онаго, но ненаказанъ законами , учрежденными для поддержанія общественнаго договора, а не для наказанія внутренней злости дѣянія.

Но полезно ли , чтобы народы отдавали взаимно другъ другъ своихъ преступниковъ? Знаю, что увѣренность не отыскать на всей землѣ мѣста , гдѣ злодѣяніе осталось бы безъ наказанія , былобы дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ предупрежде-

нїю знаго; но я не могу до тѣхъ поръ одобрить обычая выдавать преступниковъ, пока законы не здѣлаются сообразнѣе нуждамъ и правамъ человѣчества, а наказанїя кротче; пока ослабленїе неограниченной власти и власти мнѣнїя недадутъ всей безопасности ненавидимой добродѣтели и угнѣтенной невинности; пока Азїатическое мучительство не изгонится въ обширныя дебри востока и Европа не будетъ повиноваться одному разсудку, которой всегда болѣе и болѣе связуетъ между собою выгоды народовъ и Государей.

§ XXII.

О обычаѣ полагать голову въ цѣну.

Полезно ли для общества полагать въ цѣну голову преступника и здѣлать всѣхъ гражданъ палачами, вооружая руки ихъ на общественное мщенїе? Здѣлавшей преступленїе или убѣгаетъ изъ Государства, или остается въ немъ. Въ первомъ случаѣ,

Государь поощряетъ гражданъ на преступленіе и подвергаетъ ихъ наказанію, положенному законами той земли, куда скрылся преступникъ. Онъ оскорбляетъ чужестранной народъ, похищаетъ власть его и даетъ ему примѣръ дѣлать тоже съ своими сосѣдями. Если же преступникъ находится еще въ той землѣ, которой нарушилъ онъ законы, то правленіе показываетъ свое безсиліе. Кто имѣетъ силу для своего защищенія, тотъ не покупаетъ помощи у другихъ. (*) Къ тому же

(*) Нѣтъ такой силы, которой не могъ бы человѣкъ избѣгнуть, и тогда сила не есть уже сила. Я желалъ бы, чтобы обычай полагать голову въ цѣну, употреблялся въ жесточайшихъ преступленіяхъ, а особливо въ томъ, которое непосредственно клонится *къ разрушенію и разрыву общества.*

Тутъ кончатся Дидеротовы замѣчанія. Рукопись свою заключаетъ онъ слѣдующимъ:

ето изпровергаетъ всѣ понятїя нравственности и добродѣтели и такъ уже колеблющїяся въ человѣческомъ умѣ. Тутъ, съ одной стороны законы наказываютъ измѣну, а съ другой позволяютъ оную. Законодатель одною рукою укрѣпляетъ узы крови и дружества, а другою награждаетъ разрывающаго оныя; всегда противорѣча самому себѣ, онъ то призываетъ къ довѣренности мнительные умы людей, то посѣваетъ недовѣрчивость во всѣ сердца; предупреждая одно преступленїе, производитъ онъ сто. Такое средство принадлежитъ народу слабому,

---

Вотъ все то, чему я нашолъ противорѣчить въ семъ прекрасномъ сочиненїи, исполненномъ великаго ума и добродѣтели. Необходимо нужно для человѣчества, чтобы оно обработано было совершеннѣе и *отъ доски до доски* разумительно для простаго человѣка; ибо полезныя истинны принуждены проходить чрезъ простолюдина, дабы достигнуть, подобно гласу народному, до ушей правительства.

законы котораго не иное что, какъ не надежныя переправки ветхаго и разрушающагося со всѣхъ сторонъ зданія. Напротивъ того, по мѣрѣ разпространенія просвѣщенія, добродушіе и взаимная довѣренность дѣлаются необходимѣе и стремятся болѣе и болѣе къ соединенію съ доброю и истинною политикою; тогда гораздо легче предчувствуютъ и разбираютъ хитрость и неправильные и мрачные пути, и выгода всѣхъ лучше вооружается и лучше защищается противу частной выгоды каждаго.

Самыя времена невѣжества, въ которыя общественная нравственность укрѣпляла нравственность каждаго человѣка въ особенности, могутъ подать примѣръ къ наставленію вѣкамъ просвѣщеннымъ. Соединеніе нравственности съ политикою есть необходимое основаніе блаженства народнаго; но законы, награждающіе предательство, возбуждающіе скрытую войну и взаимныя подозрѣнія между гражданами, препятствуютъ сему соединенію, которое доставило бы людямъ

благоденствіе и миръ, или по крайнѣй мѣрѣ спокойствіе и услажденіе ихъ бѣдствій, долговременнѣе переживихъ.

§ XXIII.

О уравненіи наказанія съ преступленіемъ.

Общественная польза людей состоитъ не токмо въ томъ, чтобы дѣлалось мало преступленій; но чтобы всякой родъ преступленія случался рѣже въ сравненіи со вредомъ, причиняемомъ онымъ обществу. И такъ, средства, принимаемыя законоположеніемъ для отвращенія людей отъ онаго, должны быть тѣмъ сильнѣе, чемъ вреднѣе преступленіе для общественнаго блага и чемъ сильнѣе причины, побуждающія къ содѣланію онаго. Слѣдственно должно быть уравненію между преступленіемъ и наказаніемъ.

Удовольствіе и огорченіе суть начала всѣхъ дѣйствій въ тваряхъ, чувствами одаренныхъ. Между сред-

ствами побуждать людей къ дѣйствію, даже въ самой религіи, высочайшій Законодатель положилъ награжденіе и наказаніе. Если два преступленія, вредящія неравно обществу, наказываются равно, то люди ненаходя большой препоны дѣлать важнѣйшія преступленія, рѣшаются на оныя также легко, какъ и на малыя. Неравное разпредѣленіе наказаній произведетъ сіе странное противорѣчіе, мало кѣмъ замѣченное, хотя и часто случающееся, что законы будутъ наказывать преступленія, ими же самими произведенныя.

Если положится одинакое наказаніе тому, кто убьетъ оленя или фазана, и тому, кто убьетъ человѣка, или поддѣлаетъ важное какое письмо, то скоро ни кто не будетъ различать сихъ двухъ преступленій. Вотъ какъ изкореняютъ въ сердцѣ человѣческомъ нравственныя чувствія, зданіе многихъ вѣковъ, скрѣпленное многою кровію, утвержденное съ великою медленностію и затрудненіемъ, и которое не думали иначе возвысить, какъ

съ помощію высочайшихъ средствъ и важнѣйшихъ обрядовъ.

Никакъ не льзя совершенно истребить безпорядковъ, причиняемыхъ въ обществѣ человѣческими страстями. Безпорядки сіи умножаются по мѣрѣ размноженія народнаго и отъ безпрестаннаго стеченія и сраженія частныхъ выгодъ. Исторія показываетъ намъ, что они въ каждомъ государствѣ возрастаютъ съ его распространеніемъ. Никакъ не льзя геометрически направлять къ общественной пользѣ сіе безчисленное множество частныхъ выгодъ, переплетающихся между собою различнымъ образомъ. Въ политической арифметикѣ принуждены были, вмѣсто математической точности, принять счисленіе вѣроятностей и простыхъ сближеній. Сія сила, влекущая насъ безпрестанно къ собственному нашему благосостоянію, подобно тяжести, останавливается только препятствіями, ей противополагаемыми; дѣйствіе же сей моральной тяжести есть всѣ человѣческія дѣянія. Наказанія есть по-

литическое препятствїе, противополагаемое законоположенїемъ стремленїю дѣйствїй всякаго человѣка; оно притупляетъ взаимные удары частныхъ выгодъ и уничтожаетъ пагубныя оныхъ слѣдствїя, не разрушая однакоже въ человѣкѣ причины движенїя, то есть, чувствъ. Законодатель походитъ на искуснаго архитектора, умѣющаго побѣждать рушительную силу тяжести и употреблять всѣ тѣ, которыя служатъ къ поддержанїю его зданїя.

Предположивъ необходимость и пользу соединенїя людей въ общество, предположивъ между ими условїя, произшедшїя отъ противоположенїя частныхъ выгодъ, можно изобрѣсть прогрессїю преступленїй, изъ коихъ величайшее будетъ то, которое клонится къ конечной разстройкѣ и непосредственному разрушенїю общества, а малѣйшее, самое легкое оскорбленїе, какое можетъ учиниться человѣку частному; между сими двумя крайностями содержаться будутъ всѣ

дѣла, пропивныя общему благу и называемыя беззаконными, слѣдуя нечувствительной прогрессіи отъ перваго до послѣдняго.

Еслибы математическія выкладки можно было прилагать къ безчисленнымъ и неизъяснимымъ стеченіямъ человѣческихъ дѣяній, то надобно бы было сыскать и опредѣлить прогрессію наказаній, соотвѣтственную прогрессіи преступленій, начиная съ важнѣйшаго до легчайшаго. Еслибы можно было составить и точно объяснить сіи двѣ прогрессіи, то онѣ здѣлались бы настоящею мѣрою степеней свободы и тиранства, человѣколюбія и злости каждаго народа. Но для просвѣщеннаго законодателя довольно, если онъ соблюдя порядокъ окончаній сихъ двухъ прогрессій, означитъ въ каждой особенно главнѣйшія отдѣленія, и за преступленіе перваго разбора не положитъ наказанія послѣдняго.

§ XXIV.

О мѣрѣ величія преступленій.

Истинная мѣра важности преступленія есть вредъ, причиняемый онымъ обществу. Вотъ одна изъ тѣхъ истинъ, которыя хотя и ясны для ума посредственнѣйшаго и невнимательнѣйшаго, но страннымъ сопряженіемъ обстоятельствъ, извѣстны только малому числу людей мыслящихъ во всякомъ вѣкѣ и народѣ. Мнѣнія, разпространенныя деспотизмомъ, и страсти, вооруженныя властію, суровымъ дѣйствіемъ своимъ на робкую легковѣрность, или нечувствительными впечатлѣніями, заглушили простыя понятія, къ которымъ люди привлечены были возникающею философіею обществъ. Къ щастію, просвѣщеніе нашего вѣка приводитъ насъ опять къ симъ началамъ; строгое изысканіе и доказательства, основанныя на множествѣ опытовъ, показываютъ намъ ихъ съ большою вѣрностію, а сопротивленіе принять оныя привязы-

ваетъ насъ къ нимъ съ большею твердостїю.

Нѣкоторые нравоучители думали, что большая или малая важность преступленїя, зависитъ отъ намѣренїя того, кто оное дѣлаетъ. Но самое это намѣреніе зависитъ отъ настоящаго впечатлѣнїя предметовъ и предшествовавшихъ расположенїй души: двѣ вещи, совершенно отличныя во всѣхъ людяхъ и которыя мѣняются въ одномъ и томъ же человѣкѣ съ быстрою перемѣною мыслей, страстей и обстоятельствъ. По чему, нетокмо надобно бы было для каждаго гражданина особое уложенїе, но и новой каратель ной законъ для каждаго преступленїя. Часто съ наилучшимъ намѣренїемъ дѣлаютъ величайшей вредъ обществу, а иногда съ сильнѣйшимъ желанїемъ вредить оному, оказываютъ важнѣйшїя услуги.

Иные измѣряютъ важность преступленїя болѣе достоинствомъ оскорбленной особы, нежели слѣдствїемъ дѣйствїя онаго на общество. Еслибы

мнѣнїе сїе было справедливо, то малѣйшую непочтительность противъ Существа существъ должно бы было наказывать съ гораздо большею суровостїю, нежели цареубивство, ибо превосходство существа Божїя безконечно увеличилобы существо оскорбленїя.

Наконецъ, другїе сочинители доказывали, что въ важности оскорбленїя Бога, великость грѣха должна войти въ мѣру великости преступленїя. Несправедливость сего мнѣнїя тотъ часъ увидитъ тотъ, кто расмотритъ истинныя соотношенїя, съ одной стороны между людьми и людьми, а съ другой между людьми и Богомъ.

Соотношенїе людей между собою есть соотношенїе равенства. Одна только необходимость отъ сраженїя страстей и сопротивленїя частныхъ выгодъ, произвела мысль о общественной пользѣ, которая есть основанїе человѣческаго правосудїя. Съ Богомъ же люди имѣютъ одно только соотношенїе зависимости отъ Существа совершеннаго, Творца, ко-

торой одному только себѣ предоставилъ право быть въ одно время и законоположникомъ и судіею, ибо онъ только одинъ безъ вреда можетъ быть и тѣмъ и другимъ. Если онъ опредѣлилъ вѣчныя муки противящимся Его волѣ, то какое насѣкомое осмѣлится вспомоществовать Божескому правосудію и мстить за Существо безконечное, которое ни въ комъ не-нуждается, которое не имѣетъ отъ предметовъ ни малѣйшаго впечатлѣнія удовольствія и огорченія, и которое только одно дѣйствуетъ въ природѣ, ненаходя въ оной противодѣйствія? Великость грѣха зависитъ отъ сокровенной злобы сердца, котораго люди знать не могутъ, если только Богъ онаго имъ не откроетъ. Какимъ же образомъ злоба сія можетъ намъ служить правиломъ къ опредѣленію наказанія? Часто въ иныхъ дѣлахъ человѣкъ наказалъ бы, а Богъ прощаетъ, и простилъ бы когда Богъ наказываетъ, слѣдственно, всегда противорѣчилъ бы Существу высочайшему.

§ XXV.

Раздѣленіе преступленій.

Есть преступленія, которыя клонятся прямо и непосредственно къ разрушенію общества, или особъ, оное представляющихъ; другія стремятся на жизнь, имѣніе и честь гражданина; наконецъ, иныя суть дѣйствія, противныя тому, что законъ предписываетъ или запрещаетъ дѣлать, имѣя въ виду общественное благо.

Всякое дѣйствіе, ненаходящееся ни въ одномъ изъ сихъ разпредѣленій, неможетъ ни кѣмъ почтено быть за преступленіе и наказываться, кромѣ тѣхъ людей, которымъ для какой нибудь собственной выгоды надобно почесть оное за преступленіе. Отъ того, что неумѣли назначить границъ сихъ, видимъ мы во многихъ народахъ нравственность противную законоположенію, многіе законы противорѣчащіе другъ другу и подвергающіе добраго человѣка строжайшимъ

наказанїямъ; названїе порока и добродѣтели здѣлавшееся неопредѣленнымъ и колеблющимся, жизнь гражданина учинившеюся неизвѣстною и всѣ тѣ причины, которыя ввергаютъ политическое тѣло въ пагубное усыпленїе, доводящее его до разрушенїя.

Мнѣнїе, что всякой гражданинъ можетъ дѣлать все то, что не противно закону, небоясь ничего, кромѣ вреда, необходимо слѣдующаго изъ собственнаго его дѣянїя, есть политической догматъ, которому должны бы вѣрить всѣ народы, проповѣдывать всѣ судьи и отдать подъ строгое храненїе законовъ; догматъ священный, безъ котораго не можетъ быть законнаго общества; право гражданина, какъ справедливая награда за пожертвованїе имъ нѣкоторой части сего общаго дѣйствїя на всю природу, принадлежащаго всякой твари, одареной чувствами, и неимѣющаго иныхъ границъ, кромѣ своей силы. Мнѣнїе это образуетъ души свободныя, мужественныя, умы высокїе и просвѣщенные; оно одно вдыхаетъ въ чело-

вѣка сію добродѣтель, торжествующую надъ всякимъ страхомъ, и презирающую слабую осторожность тѣхъ, которые могутъ сносить жизнь ненадежную и неизвѣстную.

Не льзя взглянуть философическимъ окомъ на законы народовъ и на ихъ исторію, не находя въ нихъ примѣровъ безпорядка, причиняемаго незнаніемъ или пренебреженіемъ сихъ истинъ. Тутъ видно, что названіе порока и добродѣтели, добраго и дурнаго гражданина, мѣнялось съ обращеніемъ вѣковъ, не отъ перемѣны обстоятельствъ, въ которыхъ находится народъ и его общественная польза, но отъ заблужденія и перемѣнчивыхъ страстей разныхъ законодателей. Тутъ часто видно, что страсти одного вѣка служили основаніемъ нравственности вѣковъ послѣдующихъ, составивъ всю ихъ мудрость и всю политику; а сильныя страсти, дщери изувѣрства и изступленія, ослабленныя и сѣденныя временемъ, приводящимъ въ равновѣсіе физическія и моральныя явленія, здѣлались мало

по малу полезнымъ орудїемъ въ рукахъ хитрости или силы. Такимъ-то образомъ произошли на семъ свѣтѣ неясныя понятїя о чести и добродѣтели, что оспорнется на всегда, ибо понятїя сїи мѣняются со временемъ, отъ котораго имена переживаютъ вещи, и съ границами Государствъ, которыхъ моральная и физическая географїя ограничивается рѣками и горами, служащими предѣломъ народамъ.

§ XXVI.

О преступленїяхъ противъ Величества.

Преступленїя, клонящїяся прямо и непосредственно къ разрушенїю общества или особъ, представляющихъ оное, называются преступленїями противъ Величества, и есть изъ самыхъ важнѣйшихъ, потому что вреднѣе всѣхъ для общества. Одно только тиранство и невѣжество, смѣшивающїя рѣченїя и яснѣйшїя понятїя, могли назвать симъ именемъ преступленїя, со всемъ отличнаго отъ сихъ

существа и въ семъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, терзать людей за пустое какое нибудь слово. Всякое преступленіе вредитъ обществу, но не всякое клонится къ разрушенію онаго. Дѣйствія моральныя и физическія имѣютъ свой кругъ дѣятельности различно опредѣленной и ограниченной, подобно движеніямъ природы, ограниченнымъ пространствомъ и временемъ. Одно только софистическое толкованіе, сія философія рабовъ, осмѣлится смѣшивать вещи, которыя вѣчная Истинна раздѣлила между собою неподвижными границами.

§ XXVII.

О преступленіяхъ противу безопасности частныхъ людей, и во первыхъ о насиліяхъ.

Послѣ перваго сего рода преступленій слѣдуютъ тѣ, которыя стремятся противъ безопасности частныхъ людей. А какъ предметъ всякаго законнаго соединенія людей въ

общество есть сія же самая безопасность, на которую всякой гражданинъ пріобрѣтаетъ священное право, то нарушающаго право сіе непремѣнно должно наказать строгимъ какимъ нибудь наказаніемъ, установленномъ законами.

Между сими преступленіями, одинъ покушается на особу, другія на честь, а иныя на имѣніе. Первыя, о которыхъ мы тотъ часъ говорить будемъ, должны наказываться тѣлеснымъ наказаніемъ.

Покушенія на жизнь и свободу гражданъ, суть преступленія изъ самыхъ важнѣйшихъ; къ сему разпредѣленію принадлежатъ не только смертоубивства и разбои, чинимые черною, но и насилія того же роду, производимыя людьми знатными и чиновниками, которыя дѣлаются тѣмъ важнѣйшимъ преступленіемъ, что нравственное вліяніе дѣлъ людей знатныхъ, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе и на большее пространство, и разрушаетъ въ гражданахъ понятія о справедливости и должности, замѣняя

оныя правомъ сильнѣйшаго, которое равно опасно, какъ для того, кто онымъ пользуется, такъ и для того, кто отъ онаго терпитъ.

Не надобно допускать, чтобы человѣкъ знатной и богатой могъ полагать въ цѣну безопасность слабаго и убогаго, а въ противномъ случаѣ богатство, которое подъ покровительствомъ законовъ есть награда трудолюбія, здѣлается пищею тиранства. Тамъ нѣтъ болѣе свободы, гдѣ законы позволяютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ человѣкъ перестаетъ быть *лицомъ*, а дѣлается *вещію*. Тогда увидятъ, что люди знатные будутъ употреблять всѣ средства, чтобы изъ толпы сопряженій, произтекающихъ изъ состоянія общества, вывести всѣ, оставленныя законами въ ихъ пользу. Сіе таинственное искуство есть чародѣйство, превращающее гражданъ въ рабочей скотъ и дѣлающееся въ рукахъ сильнаго цѣлью, которою онъ связуетъ дѣянія слабыхъ.

Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ правленіяхъ, имѣющихъ всѣ признаки

свободы, тиранство остается скрытымъ, или входитъ въ какую нибудь часть, пренебреженную Законадателемъ, гдѣ увеличивается и укрѣпляется нечувствительно. Люди умѣютъ ставить довольно крѣпкой оплотъ противу явнаго тиранства, но часто невидятъ почти непримѣтнаго насѣкомаго, грызущаго оной; вода прорывается въ отверстїе тѣмъ сильнѣе, чемъ оно было непримѣтнѣе.

Какое же должно полагать наказанїе благороднымъ людямъ, которыхъ преимущества составляютъ большую часть законовъ народныхъ? Я не буду здѣсь разсматривать, полезно ли для правленїя, или нужно въ Монархїи сїе наслѣдственное различїе между дворянства и народа; справедливо ли то, что будто дворянство есть посредняя власть, удерживающая въ настоящихъ границахъ народъ и Государя; не составляетъ ли оно болѣе общества, зависящаго отъ самаго себя и отъ другихъ: не имѣетъ ли вреда собирать въ тѣсное пространство почти все обращенїе трудолюбїя, надежды

и щастїя, подобно симъ малымъ, плодоноснымъ и приятнымъ островамъ, встрѣчающимся среди песчаныхъ степей Аравїи; если справедливо, что неравенство необходимо, или даже полезно, въ обществѣ, то не естественнѣе ли, чтобы оно было между людьми, а не между частными обществами, чтобы обращалось въ разныхъ частяхъ политическаго тѣла, а не останавливалось въ одномъ мѣстѣ, чтобы раждалось и изчезало поминутно, а не продолжалось вѣчно? Какъ бы то ни было, но я говорю, что наказанїя людей знатныхъ должны быть одинаковы съ послѣдними гражданами. Всякое различїе въ почестяхъ и богатствѣ, чтобы быть справедливымъ, предполагаетъ предшествующее равенство между гражданами, и основанїемъ оному служатъ законы, которые щитаютъ, что всѣ члены общества, равно отъ нихъ зависятъ. Можно предположить, что люди, отрицаясь отъ природнаго своего деспотизма, сказали другъ другу: *Трудолюбивѣйшїй, или щастливѣйшїй,*

получитъ величайшія почести, и слава его прейдетъ къ его потомкамъ; но да боится онъ, не менѣе другихъ, нарушать условія, въ силу которыхъ возвысился онъ надъ своими согражданами! Правда, при составленіи сего опредѣленія не было общаго собранія всего человѣческаго рода; но оно существуетъ въ неподвижныхъ соотношеніяхъ вещей. Оно не разрушаетъ пользы, которую думаютъ получить отъ учрежденія дворянства, а препятствуетъ вреду, могущему произойти отъ онаго. Оно дѣлаетъ почтенными законы, отъемля всю надежду къ ненаказанности.

Можетъ быть скажутъ мнѣ, что одинакое наказаніе, учиненное дворянину и простому человѣку, дѣлается дѣйствительно различнымъ, и будетъ болѣе для перваго, по различію воспитанія и по безчестію, которое разольется на все его семейство. Я отвѣчаю, что не чувствительность преступника, а степень вреда, причиненнаго имъ обществу, составляетъ мѣру наказанія, которую должны чи-

нить законы; вредъ же сей .тѣмъ болѣе, что здѣлался гражданиномъ состоянія высочайшаго. Равенство наказанія можетъ быть только наружное, ибо оно дѣйствительно сразмѣрно степени чувствительности, отличной въ каждомъ человѣкѣ. Посрамленіе невиннаго семейства можетъ быть очень легко заглажено Государемъ, которой можетъ и долженъ публично оказывать ему знаки своего благоволенія; а всѣмъ извѣстно, что въ глазахъ легковѣрной и любящей удивляться черни, такія доказательства замѣняютъ все.

§ XXVIII.

О обидахъ.

Обиды личныя, противныя чести, то есть, стремящіяся похитить у гражданина сію справедливую часть почтенія, которую онъ имѣетъ право требовать отъ другихъ, должны наказываться безчестіемъ.

Между законами гражданскими и законами такъ называемой *чести*, есть весьма достойная примѣчанія разница. Тѣ стараются о сохраненіи въ цѣлости тѣла и имѣнія каждаго частнаго человѣка, а сіи защищаютъ его только отъ ударовъ мнѣнія. Слово *честь* есть одно изъ тѣхъ, о которыхъ писали славнѣйшія разсужденія, не привязывая къ оному никакого основательнаго и точнаго значенія. Се несчастная участь ума человѣческаго, коему истинны, отъ него удаленнѣйшія, перемѣны небесныхъ тѣлъ, гораздо извѣстнѣе тѣхъ, которыя всего нужнѣе для его блаженства, и коему полезнѣйшія понятія нравственности чужды, основаны невѣжествомъ и отданы на произволъ всѣмъ бурямъ страстей. Но удивленіе сіе изчезнетъ, если разсудишь, что, такъ какъ не можемъ мы опличить подробно всѣ части предметовъ, слишкомъ близкихъ отъ нашихъ глазъ, такъ точно, въ нравственныхъ понятіяхъ, отъ насъ близкихъ, легко смѣшиваемъ простыя идеи, ихъ составляющія,

и не можемъ слѣдовать за чертою, которою онъ кончатся и положеніе которой должно опредѣлить, если хочешь распознать явленія человѣческой чувствительности. Но стаго еще мало: разсудительной созерцатель природы перестанетъ на нее жаловаться, догадываясь, что люди для своего щастія и спокойствія, не имѣютъ можетъ быть нужды въ такомъ множествѣ связей и морали.

Понятія о чести есть идея, составленная изъ идей также составленныхъ, а не простыхъ. Смотря по разнымъ видамъ, подъ которыми понятіе о чести представляется уму, иногда заключаетъ оно въ себѣ, а иногда изключаетъ нѣкоторыя изъ началъ, ее составляющихъ, оставляя въ сихъ разныхъ положеніяхъ только малое число общихъ началъ, такъ какъ многія алгебраическія количности принимаютъ одного общаго дѣлителя. Чтобы отыскать намъ сего общаго дѣлителя разныхъ понятій, составляемыхъ людьми о чести, взглянемъ не много на составленіе общества.

Первые законы, первыя судопроизводства, составились отъ необходимости предупредить безпорядки, которые произошли бы отъ физическаго деспотизма каждаго частнаго человѣка. Вотъ предметъ установленія общества, и всѣ законоположенія всѣхъ народовъ, даже тѣ, которыя можно почесть за пагубныя, стремятся или думаютъ стремиться къ сему предмету. Но сближеніе людей и успѣхи ихъ познанія скоро возродили множество нуждъ и взаимныхъ дѣйствій между членами общества. Нужды сіи не всѣ предусмотрены были закономъ, а дѣйствительная власть каждаго гражданина недостаточна была удовлетворить онымъ. Тутъ началась установляться власть мнѣнія, бывшая единственнымъ способомъ получить отъ другихъ людей добро, котораго законъ не могъ доставить, и отклонить отъ себя зло, отъ котораго онъ не могъ защитить. Мнѣніе терзаетъ мудраго на равнѣ съ невѣждою; оно иногда отдаетъ тѣни добродѣтели почтеніе, въ которомъ

отказываетъ самой добродѣтели. Мнѣнїе дѣлаетъ проповѣдникомъ бездѣльника, находящаго пользу въ своемъ лицемѣрствѣ. Подъ владычествомъ мнѣнїя, почтенїе отъ людей здѣлалось не токмо полезнымъ, но и нужнымъ для каждаго гражданина, чтобы быть на равнѣ со всѣми. Честолюбивый его похитилъ, какъ средство полезное для своихъ намѣренїй; тщеславной выпросилъ его изъ милости, какъ свидѣтельство о своемъ достоинствѣ; честной человѣкъ его вытребовалъ, какъ вещь нужную. Честь есть свойство, которое многїе люди прилагаютъ къ своей жизни. Родясь послѣ составленїя обществъ, мнѣнїе сїе не могло войти въ общей залогъ, а напротивъ того, чувство, насъ къ оному привязывающее, есть минутное возвращенїе въ природное состоянїе, выводящее насъ на самое короткое время изъ подвласти законовъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ недовольно защищаютъ гражданина.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ чрезвычайной политической свободѣ и въ

чрезвычайной неволѣ, понятїе о чести изчезаетъ изъ общества, или соединяется съ другими понятїями. Въ первомъ случаѣ, власть законовъ дѣлаетъ безполезнымъ для гражданина стараніе приобрѣтать почтенїе другихъ, а во второмъ, деспотизмъ сокрушая гражданское существованїе, оставляетъ всякому человѣку одну только ненадежную и кратковремянную личность. И такъ, честь есть одно изъ положительныхъ правилъ тѣхъ Монархїй, которыя ни что иное суть, какъ ограниченной деспотизмъ, гдѣ и производитъ тѣже дѣйствїя, что революцїи въ деспотическихъ государствахъ, то есть, на одну минуту приводитъ подданнаго въ состоянїе природы, а Государю напоминаетъ о древнемъ равенствѣ.

§ XXIX.

О поединкахъ.

Отъ необходимости почтенїя людей, произошли странныя сраженїя,

которыя установились точно въ безвластїе законовъ. Думаютъ, что въ древности они были не извѣстны, можетъ быть отъ того, что тогда люди не собирались съ оружїемъ въ храмы, театры и къ друзьямъ своимъ, или отъ того, что поединокъ будучи обыкновеннымъ и всенароднымъ зрѣлищемъ, которой давали народу невольники и люди презрѣнные, то граждане боялись щитаться за бойцовъ.

Но какъ бы то ни было, а тщетно опредѣляли смертную казнь тому, кто предложитъ или кто приметъ поединокъ. Сїе строгое узаконенїе не могло изкоренить обычая, основаннаго на чувствїи, которое дѣлаетъ человѣку честь драгоцѣннѣе жизни. Гражданинъ, презрѣнной своими согражданами, принужденъ бы былъ или скрыться въ уединенїе, несносное для всякой твари, привязанной къ обществу, или быть безпрестанно предметомъ поруганїя и обидъ, коихъ повторенные удары поражаютъ его болѣе самой опасности и нака-

занїя, которому онъ подвергается. Отъ чего поединки случаются чаще между знатными людьми, нежели между простымъ народомъ? Не отъ того только, что у народа нѣтъ оружїя, а отъ того, что люди низкаго состоянїя имѣютъ менѣе нужды въ общемъ почтенїи, нежели тѣ, которые выше онаго и которые смотрятъ другъ на друга съ большею завистїю и недовѣрчивостїю.

Не безполезно повторить здѣсь то, о чемъ писали уже другїе: что лучшее средство для предупрежденїя сего рода преступленїя состоитъ въ томъ, чтобы наказывать подавшаго случай къ поединку, а объявлять невиннымъ того, кто безъ всякой отъ себя причины, принужденъ былъ защищать свою честь, недовольно охраняемую законами, и показать своимъ согражданамъ, что онъ не боялся людей.

§ XXX.

О воровствѣ.

Воровство, здѣланное безъ насилїя, должно бы было наказываться денежною пенею; ибо тотъ, кто захотѣлъ обогатиться имѣнїемъ чужаго, можетъ лишиться своего. Но денежное наказанїе часто отнимало бы пропитанїе у невиннаго семейства и умножая число нищихъ подавало бы поводъ къ умноженїю воровства. Впрочемъ преступленїе сїе дѣлается обыкновенно людьми бѣдными и тѣми нещастными, коимъ право собственности, (право страшное, но можетъ быть не безполезное), оставило одно только простое существованїе. Естественнѣйшее наказанїе воровства можетъ быть не иное какое, какъ сей родъ неволи, которая одна только можетъ назваться справедливою, то есть та, которая дѣлаетъ все общество неограниченнымъ повелителемъ особы и трудовъ преступника, дабы онъ сею зависимостїю изправилъ не-

справедливой деспотизмъ, похищенной имъ надъ имѣніемъ другаго, и нарушеніе, здѣланное имъ общественному условію.

Еслиже воровство сопровождалось насиліемъ, то къ неволѣ должно присоединить и тѣлесное наказаніе. Нѣкоторые писатели показали вредъ, произходящей отъ неразличія наказаній воровства искуснаго и воровства, здѣлаинаго съ насиліемъ, и отъ неравнаго уравненія жизни человѣческой съ нѣкоторою суммою денегъ. Преступленія сіи со всемъ различнаго рода, а извѣстно, какъ въ политикѣ, такъ и въ математикѣ, что между разнородными количествами находится безконечное разстояніе. Все ето сказано прежде меня; но не худо повторять истины, оставшіяся безо всякой пользы. Политическія тѣла сохраняютъ гораздо долѣе другихъ движеніе, полученное ими, но за то медленнѣе и труднѣе принимаютъ новыя.

§XXXI.

О тайномъ провозѣ запрещенныхъ товаровъ.

Тайной провозъ запрещенныхъ товаровъ есть истинное преступленїе противъ Государя и Государства; но его не должно наказывать безчестїемъ, ибо въ народномъ мнѣнїи, преступленїе сїе не безчеститъ дѣлающаго оное.

Но отъ чего преступленїе сїе, которое есть воровство у Государя, а слѣдственно и у Государства, не влечетъ за собою безчестїя? Отвѣчаю, что преступленїя, которыя люди не почитаютъ для себя вредными, не такъ много занимаютъ ихъ, чтобы возбудить противъ себя всеобщее негодованїе, а тайной провозъ запрещенныхъ товаровъ принадлежитъ къ сему роду преступленїй. Люди, на коихъ отдаленныя слѣдствїя какого нибудь дѣла производятъ очень слабыя впечатлѣнїя, невидятъ вреда, причиняющагося имъ отъ сего провоза,

отъ котораго даже получаютъ они себѣ частную выгоду, а видятъ только зло, дѣлаемое онымъ Государю. Слѣдственно, выгода ихъ не запрещаетъ имъ отказывать въ своемъ почтеніи тому, кто провозитъ запрещенной товаръ, нежели тому, кто грабитъ или дѣлаетъ фальшивую монету; преступленія, отъ которыхъ они терпѣть могутъ. Слѣдствіе сіе выводится изъ ощутительнаго правила, что тварь, чувствами одаренная, противится только злу, ей извѣстному.

Преступленіе сіе имѣетъ свое начало въ самомъ законѣ; ибо чемъ болѣе можно получить прибыли отъ провоза запрещенныхъ товаровъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ искушеніе, умножающееся еще болѣе удобностію исполнить оное, если окружность, стрегомая заставами очень обширна, а товаръ запрещенной или обложенной пошлинами, малъ. Утрата запрещенныхъ товаровъ и тѣхъ, которые тутъ же случатся, весьма справедлива, а еще будетъ дѣйствительнѣе, если пошлина

будетъ легче; ибо люди отваживаются на что нибудь по мѣрѣ прибыли, которую надѣются получить послѣ щастливаго окончанія дѣла.

По етому должно оставить безъ наказанія того, кому потерять нечего? Нѣтъ. Есть нѣкоторой родъ тайнаго провоза товаровъ, которой такъ вредитъ существу податей, столь нужной и столь трудной части законоположенія, что заслуживаетъ важное наказаніе, какъ-то: тюрьму и даже неволю; но тюрьму, сходственную съ существомъ преступленія. Напримѣръ, тюрьма человѣка, провезшаго тайно запрещенной товаръ, не должна быть одинакою съ тюрьмою смертоубійцы, или разбойника. Работа виновника, вычисленная и поставленная въ цѣну, которую хотѣлъ онъ украсть у таможни, есть, кажется, наказаніе, самое приличнѣйшее сему преступленію.

§ XXXII.

О банкрутахъ.

Необходимость доброй совѣсти въ договорахъ и безопасность торговли, принуждаютъ Законодателя подать средство заимодавцамъ ко взысканію уплаты съ своихъ должниковъ. Но надобно отличить умышленнаго банкрутша отъ невиннаго. Перваго должно наказать наказаніемъ, опредѣленнымъ на дѣлателей фальшивой монеты, ибо поддѣлать кусокъ клеймёнаго металла, служащаго залогомъ *обязательствъ* гражданъ между собою, есть преступленіе не болѣе того, что поддѣлать и самое обязательство. Но съ банкрутомъ, могущимъ ясно доказать, что невѣрность собственныхъ его должниковъ, или приключившаяся имъ утрата, или *нещастіе*, неизбѣжное для человѣка, не взирая на всю его осторожность, лишили его имѣнія, не должно поступать съ такою строгостію. По какой варварской причинѣ заключить его въ тюрьму? За что

лишить его свободы, единственно оставшагося ему имѣнія? За что подвергать его наказанію, приличному однимъ преступникамъ и принуждать раскаяваться въ своей честности? Онъ жилъ спокойно подъ кровомъ своей невинности, подъ защитою законовъ; не своею ошибкою нарушилъ онъ ихъ, которые предписываютъ вѣрность въ договорахъ. Сіи слишкомъ строгіе законы написаны были алчностію богатыхъ и приняты бѣдными, обольщенными надеждою, никогда неоставляющею сердца человѣческаго, и заставляющею думать, что нещастныя приключенія обращаются всегда на другихъ, а щастливыя на него. Люди, увлекаясь первыми впечатлѣніями, любятъ жестокіе законы, хотя и сами подчинены онымъ и хотя кротость ихъ была бы выгоднѣе для всякаго состоянія; ибо страхъ быть обижену всегда гораздо болѣе желанія вредить.

Но обратимся къ неумышленному банкруту. Пускай сочтутъ, если угодно, долгъ его за неоплатной, до

совершеннаго удовлетворенїя по оному; пускай отнимутъ у него право избѣжать отъ здѣланнаго имъ обязательства безъ согласїя его заимодавцовъ и лишатъ его свободы перейти въ другую землю; пускай принудятъ его употреблять труды свои и способности, для приведенїя себя въ состоянїе удовлетворить тѣмъ, кому долженъ; но никогда и ни чемъ не льзя оправдать закона, которой лишитъ его свободы безо всякой пользы для его заимодавцовъ.

Скажутъ мнѣ, что тюрьма есть средство заставить банкрута открыть плутовства, имъ здѣланныя, чтобы казаться проторговавшимся. Но сїя мнимая польза тюремнаго наказанїя останется ненужною, если изслѣдуютъ, какъ и должно, со всякою строгостїю поведенїе и дѣла обвиненнаго.

Если представятъ мнѣ, что трудно разобрать, виновенъ ли или нѣтъ банкрутъ во лжѣ и хитрости. Отвѣчаю, что ето же самое затрудненїе заставляетъ и меня думать, что

вредъ не слишкомъ будетъ великъ, если плутовство его останется безъ наказанїя. Вотъ, по моему мнѣнїю, правило законоположенїя: если какое нибудь злодѣянїе остается безъ наказанїя, то важность политическаго вреда есть въ прямомъ отношенїи ко злу, причиняемому преступленїемъ обществу, а въ обратномъ къ затрудненїю, встрѣчающемуся въ изобличенїи онаго.

Приводятъ въ доказательство необходимость обезопасить принадлежность имѣнїя, которая должна быть священна, и выгоды торговли. Принадлежность имѣнїя и выгоды торговли не составляютъ предмета общественнаго условїя, а только средство къ достиженїю онаго. Подчинить же всѣхъ членовъ общества законамъ суровымъ, дабы предохранить ихъ отъ вреда, необходимо слѣдующаго изъ безчисленныхъ сопряженїй, проистекающихъ отъ настоящаго положенїя просвѣщенныхъ обществъ, есть тоже, что подчинить предметъ

средспівамъ; фальшивое правило всѣхъ наукъ, а особливо политики. (*)

Кажется можно отличить обманъ съ ненавистными обстоятельствами отъ важной погрѣшности, важную погрѣшность отъ легкой, а сію отъ безпримѣсной невинности. Въ первомъ случаѣ надобно преступнику здѣлать наказаніе, опредѣленное лживымъ поступкамъ; во второмъ, наказаніе по легче перваго съ потерею свободы, а въ случаѣ безпримѣсной

(*) Самъ я впалъ въ такое же заблужденіе, сказавъ въ прежнихъ моихъ изданіяхъ, что неумышленной банкрутъ долженъ храниться какъ залогъ своего долгу, и работать, подобно невольнику, въ пользу своихъ заимодавцовъ. Стыжусь принявъ такое жестокое мнѣніе. Меня обвиняли въ безвѣріи и я не заслуживалъ етого; меня обвиняли въ возмущеніи и я не заслуживалъ етого; я оскорбилъ права человѣчества и никто не здѣлалъ мнѣ ни малѣйщаго выговора.

невинности оставить должнику на волю избирать средства, которыми могъ бы онъ придти въ состоянїе удовольствовать своихъ заимодавцовъ, и наконецъ, въ случаѣ легкой погрѣшности со стороны должника, оставить заимодавцамъ право предписывать ему сїи средства. Но различїе между важной и легкой погрѣшности, должно опредѣлено быть закономъ, которой одинъ только безприспрастенъ, а не произвольною и всегда опасною мудростїю судьи.

Осторожной Законодатель можетъ удержать большую часть умышленныхъ банкрутствъ и приготовить способъ къ изправленїю нещастныхъ случаевъ, могущихъ здѣлаться съ человѣкомъ честнымъ и рачительнымъ. Публичная и точная записка всякихъ договоровъ, съ которою каждой гражданинъ можетъ справляться во всякое время; банкъ, учрежденной складкою, разумно на торгующихъ разпредѣленною и изъ котораго можно будетъ брать приличныя суммы для вспомоществованїя рачительнымъ, но не-

щастнымъ купцамъ, были бы учрежденія, приносящія съ собою множество выгодъ безо всякихъ дѣйствительныхъ неудобствъ. Но къ нещастію, законы легкіе, простые и великіе, ожидающіе только знака отъ Законодателя, для изліянія на людей богатства, силы и щастія, и которые Государю доставили бы вѣчную благодарность отъ всѣхъ грядущихъ вѣковъ, остаются неизвѣстными, или ихъ не принимаютъ. Безпокойной и мълочной умъ, робкая минутная мудрость, недовѣрчивость и отвращеніе ко всѣмъ полезнѣйшимъ новостямъ, совершенно занимаютъ тѣхъ, которые могли бы направлять и соединять умы людей.

§ XXXIII.

О преступленіяхъ, возмущающихъ общественное спокойствіе.

Третій родъ преступленій, отличенныхъ нами, то есть, тѣ, которыя въ особенности нарушаютъ общественное спокойствіе, суть: драки

и ссоры въ публичныхъ мѣстахъ, опредѣленныхъ для торговли; рѣчи изувѣровъ на улицахъ, возбуждающія страсти въ чорномъ народѣ, любящемъ всякія новости, и усиливающіяся болѣе отъ самаго множества слушателей, а особливо отъ темнаго и пагубнаго изступленія, нежели отъ спокойнаго разсудка, не имѣющаго никакого дѣйствія на множество собранныхъ людей.

Освѣщать города въ ночное время, ставить караулы въ разныхъ частяхъ города, налагать молчаніе и тишину въ церквахъ при отправленіи службы, проповѣдывать въ оныхъ Христіанское ученіе во всей простотѣ его, судить о общественныхъ и частныхъ выгодахъ въ собраніяхъ народныхъ, въ которыхъ заключается Величество Государя; отъ вѣрныя средства къ предупрежденію опасныхъ движеній народныхъ страстей. Отъ главнѣйшіе предметы того чиноначальства, которое Французами называется *полиція*. Но если бы такой чиновникъ дѣйствовалъ по самовольнымъ, нигдѣ

неписаннымъ и ни одному гражданину неизвѣстнымъ законамъ, то скоро отверзлись бы двери тиранству, которое всегда шатается около хранилища политической свободы. Слѣдующее правило, по моему мнѣнію, не имѣетъ никакого изключенія: каждой гражданинъ долженъ знать, въ какомъ случаѣ бываетъ онъ виновнымъ и въ какомъ невиннымъ. Если Цензоры и вообще власти, судящія по своей волѣ, нужны въ нѣкоторыхъ правленіяхъ, то это случается отъ слабаго и худо устроеннаго законоположенія. Скрытое тиранство убивало болѣе гражданъ, которые неизвѣстны были о своемъ жребіи, нежели явной тиранъ, жестокости котораго возмущали умы, не уничижая оныхъ. Настоящей тиранъ начинаетъ всегда царствованіе свое владычествомъ надъ мнѣніемъ, дабы унизить мужество, котораго онъ всего болѣе страшится и которое дѣйствуетъ только при свѣтильникѣ истины, или въ жару страстей, или въ незнаніи опасности.

§ XXXIV.

О праздности.

Мудрыя правленїя не терпятъ политической праздности среди трудолюбїя и раченїя. Политическою праздностїю называю я ту, которая не приноситъ обществу ни труда, ни богатства; которая всегда выигрываетъ ничего не теряя; которая почитаясь отъ простолюдина съ глупымъ удивленїемъ, остается въ глазахъ мудраго предметомъ презрѣнїя; которая не имѣя единственной причины, возбуждающей въ человѣкѣ дѣятельность, необходимости сохранить и приобрѣсть спокойствїе жизни, всю силу онаго отдаетъ на произволъ страстямъ мнѣнїя, которыя не изъ числа слабыхъ. Слишкомъ строгїе нравоучители смѣшали сей родъ праздности, пагубной для общества, съ праздностїю, происходящею отъ богатства, которое есть плодъ раченїя. Законамъ, а не слабой добродѣтели нѣкоторыхъ порицателей

нравовъ, должно опредѣлить праздность, доспойную наказанїя. Я не называю политическою праздностїю ту, которая наслаждается плодомъ добродѣтели или пороковъ своихъ прадѣдовъ, которая доставляетъ хлѣбъ и содержанїе трудолюбивой бѣдности взамѣну удовольствїя, получаемаго отъ оной; которая здѣлалась предметомъ сей скрытой войны трудолюбїя и богатства, вмѣсто неизвѣстной и кровавой войны силы противу силы; праздность сїя тѣмъ полезнѣе, чемъ болѣе разпространяется общество и чемъ болѣе правленїе доставляетъ людямъ свободы.

§ XXXV.

О самоубивствѣ.

Самоубивство есть такое преступленїе, которое кажется не можетъ быть подвержено собственно такъ называемому наказанїю, ибо учинилось бы надъ тѣломъ хладнымъ или надъ людьми невинными. Въ первомъ

случаѣ оно не дѣлаетъ никакого впечатлѣнїя надъ живыми, точно такъ какъ будто бы при нихъ били статую, а во второмъ оно несправедливо и мучительно, ибо тамъ не можетъ быть политической свободы, гдѣ наказанїя не дѣлаются точно надъ лицами. Жизнь для людей любезна; предметы, ихъ окружающїе, привязываютъ къ ней слишкомъ сильно; прелестный призракъ удовольствїя, и надежда, сїе столь сладкое заблужденїе, заставляющее ихъ пить съ восхищенїемъ чашу золъ, перемѣшанныхъ съ нѣсколькими каплями добра, прельщаютъ ихъ такъ много, что нечего бояться, чтобы преступленїе сїе очень разпространилось отъ ненаказанности. Страхъ боли заставляетъ повиноваться законамъ, а смерть рушитъ всю чувствительность. Послѣ этого, что можетъ удержать руку самоубїйцы?

Убивающей самъ себя дѣлаетъ менѣе вреда обществу, нежели тотъ, кто уходитъ изъ государства; ибо первой оставляетъ своей земль даже

свое тѣло, а послѣдней выходя изъ оной, обыкновенно уноситъ съ собою и нѣкоторую часть своего имѣнїя. Но этого еще мало: такъ какъ сила государства состоитъ въ числѣ гражданъ, то оставляющей оное и переходящей въ другое, причиняетъ оставляемому имъ обществу въ двое болѣе потери, нежели убивающей самъ себя. И такъ, вопросъ состоитъ только въ томъ, чтобы узнать: полезно или вредно для общества дать каждому изъ членовъ его вѣчную свободу оставлять оное?

Всякой законъ, не вооруженной силою, или которой отъ существа обстоятельствъ дѣлается недѣйствительнымъ и пустымъ, не долженъ издаваться. Мнѣнїе, владычествующее надъ умами, повинуется медленнымъ и неправильнымъ впечатлѣнїямъ, которыя Законодатель умѣетъ дѣлать, а противится насилїю и жестокости. Безполезные, презрѣнные законы, заставляютъ не уважать и самыми полезнѣйшими, кои станутъ почитать болѣе за препятствїя,

которыя преодолѣть надобно, нежели за охраненїе общественнаго благоденствїя. И еще болѣе: такъ какъ сила чувствъ нашихъ ограничена, то принуждая людей почитать законы, некасающїеся до общественнаго блага, заставишь ихъ не уважать дѣйствительно полезными.

Мудрый строитель общественнаго благоденствїя можетъ извлечь изъ сего правила нѣкоторыя полезныя слѣдствїя, въ подробность которыхъ я не войду, дабы не удалиться отъ своего предмета, состоящаго въ доказательствѣ, что изъ государства ненадобно дѣлать тюрьмы. Такой законъ можно назвать пустымъ; ибо, если только неприступныя горы и пространное море, по которому не льзя плавать, не отдѣлятъ какой земли отъ другихъ, то какъ можно уберечь всѣ пункты окружности и самихъ стражей? Къ тому же, такое преступленїе не можно наказывать тотъ часъ по исполненїи, а наказывать оное прежде исполненїя все равно, что наказывать намѣренїе чело-

вѣка, а не дѣйствїе; все равно, что захотѣть повелѣвать волею, которая въ человѣкѣ совершенно свободна отъ владычества человѣческихъ законовъ. Не льзя наказать убѣжавшаго описью оставшагося послѣ его имѣнїя, какъ потому, что ему легко будетъ избѣгнуть наказанїя продажею или залогомъ имѣнїя, которыхъ не льзя уничтожить, не утѣсняя общественныхъ договоровъ, такъ и потому, что такой законъ навлечетъ множество вреда торговлѣ. Если же наказывать преступника въ случаѣ его возвращенїя, то можно здѣлать то, что неисправивъ зла, причиненнаго обществу, принудишь оставляющихъ оное никогда назадъ не возвращаться; самое запрещенїе не выѣзжать изъ государства, умножаетъ только въ жителяхъ желанїе къ выѣзду, а иностранца отводитъ оставаться въ ономъ.

Что думать о томъ правленїи, которое кромѣ страха не имѣетъ иныхъ средствъ удерживать людей въ отечествѣ, къ которому они уже привязаны первыми впечатлѣнїями мла-

денчества ? Вѣрнѣйшей способъ удерживать людей въ своей землѣ, состоитъ въ умноженіи благоденствія каждаго. Такъ какъ всякое Государство должно напрягать всѣ силы, чтобы чаша вѣсовъ торговли наклонялась на его сторону, то подобно этому величайшею выгодою будетъ для народа, если количество благоденствія у него болѣе, нежели у сосѣднихъ народовъ. Удовольствія роскоши не входятъ въ главныя начала сего благоденствія, хотя и производятъ то, что богатство не остается въ маломъ числѣ рукъ, отъ чего и дѣлаются онѣ нужнымъ лекарствомъ для неравенства гражданъ, которое увеличивается по мѣрѣ успѣховъ политическаго общества. (*)

(*) Когда пространство земли умножается гораздо болѣе въ сравненіи своего населенія, то роскошь способствуетъ деспотизму; ибо чемъ болѣе люди разсѣяны, тѣмъ менѣе ихъ трудолюбіе; чемъ менѣе тру-

Удовольствїя роскоши имѣютъ сїе неудобство, что хотя торговля и размѣнъ оными производится многими людьми, но онѣ выходятъ изъ малаго числа рукъ и въ послѣднемъ мѣстѣ

долюбїя, тѣмъ болѣе бѣдные зависятъ отъ богатыхъ, роскошью которыхъ достаютъ они себѣ пропитанїе. Тогда соединенїе слабыхъ противу притѣснителей гораздо труднѣе и не такъ опасно для послѣднихъ. Знатные и богатые люди гораздо легче достаютъ себѣ отличїя, почести, услуги, и все то, что дѣлаетъ чувствительное различїе между сильнымъ и слабымъ; ибо люди тѣмъ болѣе дѣлаются независимыми, чемъ менѣе за ними примѣчаютъ а тѣмъ менѣе за ними примѣчаютъ, чемъ болѣе собрано ихъ на одномъ и томъ же пространствѣ земли. На противъ того, если населенїе слишкомъ велико противу пространства политической области, то роскошь дѣлается преградою деспотизма, ибо одушевляетъ трудолюбїе и дѣятельность людей, и трудъ бѣднаго доставляетъ такъ много удовольствїя богатымъ, что

дѣлятся на малое число людей, между тѣмъ какъ другїе, имѣя въ оныхъ малѣйшее участїе сохраняютъ всегда чувство своего убожества. Но такъ какъ чувство сїе въ нихъ есть не столько дѣйствїе настоящаго нещастїя, какъ слѣдствїе дѣлаемаго имя сравненїя своего состоянїя съ состоянїемъ нѣкоторыхъ своихъ сограждан, то въ государствѣ имѣющемъ безопасность и свободу, удовольствїя роскоши, которыя безъ оныхъ сдѣлались бы орудїемъ тиранства, будутъ споспѣшествовать народному умно-

---

они не предаются роскоши тщеславїя, которая поселила бы въ бѣдныхъ мнѣнїе о ихъ зависимости. Изъ сего видно, что въ областяхъ пространныхъ, ослабленныхъ и опустошенныхъ, если только другїя причины не воспрепятствуютъ сему дѣйствїю, роскошь тщеславїя должна брать верьхъ надъ роскошью спокойствїя; но въ областяхъ болѣе населенныхъ, нежели пространныхъ, роскошь спокойствїя безпрестанно стремится сокращать роскошь тщеславїя.

женїю. Такъ какъ любовь къ свободѣ удерживаетъ великодушнѣйшихъ звѣрей и вольныхъ обитателей воздуха въ неприступныхъ и уединенныхъ лѣсахъ, оставляя плодоносныя и улыбающїяся долины, гдѣ разсѣяны сѣти человѣка, врага ихъ, такъ точно и люди бѣгутъ отъ веселїя, предлагаемаго имъ рукою тирана.

И такъ, если доказано, что законъ, започающей гражданъ въ ихъ землѣ, безполезенъ и несправедливъ, то тоже можно заключить и о томъ, которой опредѣляетъ наказанїе самоубивству. Это есть грѣхъ передъ Богомъ, наказывающимъ оной послѣ смерти, потому что Онъ одинъ только можетъ такъ наказывать; но не грѣхъ передъ людьми, ибо наказанїе, вмѣсто того, чтобы пасть на виновнаго, падаетъ на невинное его семейство. Если же скажутъ мнѣ, что наказанїе сїе можетъ отвратить отъ самоубивства и рѣшительнѣйшаго человѣка, то я отвѣчаю, что тотъ, кто очень спокойно отказывается отъ приятностей жизни,

кто столько ненавидитъ здѣшнее существо свое, что идетъ противъ вѣчнаго нещастія, того не удержатъ слабѣйшія и сораздо отъ сихъ удаленнѣйшія причины.

§ XXXVI.

О нѣкоторыхъ преступленіяхъ, которыя трудно обнаружить.

Есть нѣкоторыя преступленія, часто случающіяся въ обществѣ и которыя доказать очень трудно; напримѣръ, прелюбодѣяніе, мужеложство, чадоубивство.

Прелюбодѣяніе есть такое преступленіе, которое, размапривая политически, раждается отъ двухъ причинъ: отъ худыхъ законовъ и того сильнаго притязанія, которое влечетъ одинъ полъ къ другому. (*)

(*) Сіе притязаніе во многомъ походитъ на всеобщую тяжесть. Подобно ей уменьшается сно разстояніемъ, и если одна опредѣляетъ

Если бы говорилъ я съ людьми, неозаренными еще свѣтомъ религіи, то сказалъ бы, что между симъ родомъ преступленія и другими, есть величайшая разница. Прелюбодѣяніе рождается отъ злоупотребленія постоянной нужды, общей человѣческой природѣ, нужды существовавшей прежде общества, которое даже она основала; между тѣмъ какъ другія преступленія, вредныя для общества, имѣютъ начало свое въ минутныхъ страстяхъ. Люди, разсматривавшіе прилѣжно исторію и существо человѣка, думаютъ, что въ одномъ и томъ же климатѣ, нужда сія бываетъ всегда равнымъ и постояннымъ количествомъ. Если бы это было справедливо, то надобно бы почесть без-

---

движеніе тѣлъ, то другое управляетъ всѣми движеніями души во все время своего дѣйствія. Но различаются между собою тѣмъ, что тяжесть удерживается препятствіями, а страсть любви усиливается самими препятствіями.

полезными и даже пагубными всѣ тѣ законы и обычаи, которые клонятся къ уменьшенїю всей суммы дѣйствїй сея страсти; ибо они обременили бы часть общества собственными его нуждами и нуждами другаго класса гражданъ; а тѣ напротивъ были бы мудры и полезны, которые слѣдуя, такъ сказать, тихому теченїю рѣки, раздѣлили бы оную на множество рукавовъ, дабы повсюду отвратить засуху и наводненїе. Чемъ болѣе умножаются и облегчаются браки, тѣмъ болѣе умножается и супружеская вѣрность, а если установляютъ ихъ предразсудки, или составляетъ и разрываетъ по своей волѣ власть отеческая, то любовь тайно прерываетъ связь ихъ, не взирая на крикъ обыкновенныхъ моралистовъ, порицающихъ дѣйствїе извиняя причины. Но всѣ сїи сужденїя безполезны для тѣхъ, которые руководимы истинною религїею, знаютъ гораздо важнѣйшїя сихъ причины, которыхъ дѣйствїе изправляетъ дѣйствїя природы.

Прелюбодѣяніе есть преступленіе, дѣлающееся такъ скоро, такъ тайно, такъ сокрыто покрываломъ, въ которое сами законы принуждаютъ его закрываться, (покрывало нужное, но прозрачное, которое вмѣсто уменьшенія умножаетъ прелести предмета), что Законодатель можетъ скорѣе его предупредить, нежели изтребить, если оно укоренилось. Правило общее: во всякомъ преступленіи, которое по существу своему должно необходимо и часто оставаться безъ наказанія, наказаніе привлекаетъ къ преступленію. Таково есть существо ума человѣческаго, что затрудненія, которыя можно преодолѣть и которыя не слишкомъ велики для дѣятельности каждаго, украшаютъ предметъ и принуждаютъ воображеніе преслѣдовать оный гораздо живѣе. Онѣ составляютъ, такъ сказать, столько же оградъ, препятствующихъ воображенію удаляться и принуждающихъ его осматривать всѣ соотношенія, слѣдственно, въ этомъ волненіи, душа привязывается гораздо сильнѣе къ при-

ятнымъ сторонамъ предмета, къ которымъ она натурально влечется, нежели къ непріятнымъ, отъ которыхъ удаляется какъ можно болѣе.

Мужеложство, столь строго наказываемое законами, и на которое столь легко употребляются сіи мученія, торжествующія и надъ самою невинностію, имѣетъ начало свое не столько въ нуждахъ человѣка отдѣленнаго и свободнаго, какъ въ страстяхъ человѣка невольнаго и живущаго въ обществѣ. Оно происходитъ не столько отъ пресыщенія страстей, какъ отъ того воспитанія, которое, чтобы здѣлать людей полезными для другихъ, начинаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ ихъ безполезными для самихъ себя, въ тѣхъ домахъ, куда собираютъ юношество, исполненное огня и запрещаютъ всякое сообщеніе съ женскимъ поломъ. Тутъ, все мужество развертзающейся природы, изчезая безъ пользы для человѣчества, ускоряетъ пришествіе старости.

Чадоубивство есть также дѣйствїе страшнаго положенїя, вѣ которомѣ находится обольщенная или изнасилованная женщина. Будучи принуждена избирать между собственнымѣ своимѣ безчестїемѣ и смертїю твари, неспособной чувствовать потерю жизни, какѣ можно не предпочесть ей послѣдняго для избѣжанїя поношенїя, которому подвергаетъ себя и нещастнаго своего младенца? Лучшее средство предупреждать сїе преступленїе состоитъ вѣ томѣ, чтобы какѣ можно сильнѣе защитить слабость отѣ сего рода тиранства, которое увеличиваетъ всѣ пороки, если не льзя прикрыть ихѣ покровомѣ добродѣтели.

Я не хочу ослабить истиннаго омерзенїя кѣ симѣ преступленїямѣ, а показать только ихѣ источникѣ и думаю имѣть право привести сїе общее правило: *Что до тѣхѣ поръ не льзя назвать наказанїе преступленїя справедливымѣ, или, что тоже, необходимымѣ, покуда кѣ предупрежденїю онаго законы не употребятъ всѣхѣ лучшихѣ воз-*

можныхъ средствъ, въ заданныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится какой нибудь народъ.

§ XXXVII.

О нѣкоторомъ особливомъ родѣ преступленія.

Читатели безъ сомнѣнія замѣтятъ, что я ни слова не сказалъ о нѣкоторомъ родѣ преступленія, которое наполнило Европу кровію и воздвигло сіи гибельные костры, на которыхъ живыя тѣла служа пищею пламени, и глухой хриплой вопль, выходящей изъ среды дымнаго вихря, служили толпѣ изувѣрамъ приятнымъ зрѣлищемъ, а ушамъ ихъ сладостною гармоніею. Но люди просвѣщенные увидятъ, что обстоятельства мѣста и времени, въ которыхъ я живу, и предметъ, о которомъ пишу, не дозволили мнѣ разсмотрѣть существа сего преступленія. Слишкомъ далеко удалился бы я отъ своего намѣренія и принялъ бы величайшей трудъ, если-

бы захотѣлъ доказывать необходимость совершеннаго единообразїя мнѣній въ политическомъ обществѣ противъ примѣра многихъ народовъ; если-бы захотѣлъ показать, какъ вѣры, между которыми можно здѣлать только тонкїя, темныя и превышающїя человѣческой разсудокъ отличїя, могутъ однако же нарушить общественное спокойствїе, если только одной не дадутъ преимущества передъ другими; и какъ между мнѣнїями есть нѣкоторое число такихъ, которыя изъясняются сопротивленїемъ и сраженїемъ ихъ между собою, отъ чего искореняется заблужденїе оставляя одну токмо истинну, между тѣмъ, какъ другїя, не столь основательныя сами по себѣ, должны поддерживаться силою и властїю. Если бы захотѣлъ доказывать, что, какъ ни ненавистно кежется намъ владычество силы надъ умами, отъ которыхъ получаетъ оно одно только притворство, а потомъ презрѣнїе, какъ ни противно оно кажется братской нашей любви другъ къ другу, предписанной

разсудкомъ и властію, болѣе всѣхъ нами почитаемою, но все оно нужно и необходимо. Кажется, что все сіе довольно доказано и сходно съ истинною пользою человѣчества, ежели есть законная и признанная власть, приводящая оное въ исполненіе. Что до меня касается, то я говорю только о преступленіяхъ, свойственныхъ человѣческой природѣ, то есть, о нарушеніи общественнаго условія, а не о грѣхахъ, которыхъ даже временное наказаніе должно опредѣляться правилами, совершенно отличными отъ правилъ человѣческой ограниченной философіи.

§ XXXVIII.

О нѣкоторыхъ общихъ источникахъ заблужденія и несправедливостей въ законоположеніяхъ и во первыхъ о ложныхъ понятіяхъ о пользѣ.

Здѣсь кажется можно мнѣ разсмотрѣть нѣкоторыя общія причины суровости и другихъ недостатковъ

карательныхъ законовъ. Между сими причинами полагаю я во первыхъ ложныя понятïя, которыя имѣютъ Законодатели о пользѣ. Тотъ имѣетъ ложное понятïе о пользѣ, кто думаетъ болѣе о частныхъ неудобствахъ, нежели о общихъ; кто хочетъ повелѣвать чувствами вмѣсто возбужденïя оныхъ, и кто осмѣливается сказать разсудку: будь невольникомъ! Тотъ имѣетъ ложное понятïе о пользѣ, кто жертвуетъ тысячью дѣйствительными выгодами, боясь какого нибудь пустаго или маловажнаго вреда: кто вздумалъ бы у людей отнять огонь, для того, что отъ него случаются пожары, и воду, для того, что въ ней утопиться можно, и кто иначе не умѣетъ предупреждать зла, какъ все разрушая. Тотъ имѣетъ ложныя понятïя о пользѣ, кому вздумалось бы дать множеству тварей, чувствами одаренныхъ, единообразïе и порядокъ, которыя можетъ только принять вещество грубое и неодушевленное; кто пренебрегъ бы близкïя средства, одинъ только дѣйствующïя

на людей сильно и прочно, а принялъ бы отдаленныя, впечатлѣнїе которыхъ слабо и непродолжительно, если только нѣкоторая извѣстная сила воображенїя, какою одарены не многїе люди, увеличивая предметъ не замѣнитъ его отдаленїя. Наконецъ, я называю ложнымъ понятїемъ о пользѣ то, которое заставляетъ жертвовать вещїю названїю и отдѣляетъ общественное благо отъ блага всѣхъ частныхъ людей.

Между общежительнымъ и естественнымъ состоянїемъ есть то различїе, что дикой человѣкъ наноситъ другимъ столько вреда, сколько потребно онаго для собственной его пользы; но человѣкъ, живущей въ обществѣ, принуждается иногда дурнотою законовъ вредить себѣ подобному безо всякой для себя пользы. Деспотъ вселяетъ страхъ и унынїе въ душу своихъ невольниковъ, но сей страхъ и сїе унынїе отражаются на него самаго и скоро составляютъ собственное его нещастїе. Чемъ уединеннѣе, и, такъ сказать, домашнѣе

страхъ, тѣмъ менѣе онъ опасенъ для того, кто находитъ блаженство свое наводитъ оной на другихъ. Но чемъ онъ общественнѣе и чемъ болѣе распространяется между большимъ числомъ людей, то тѣмъ легче найдется какой нибудь дуракъ, или отчаянной, или отважной и разторопной человѣкъ, которой заставитъ служить другихъ для своихъ намѣрений и возбудитъ въ нихъ надежду тѣмъ лестнѣе, чемъ опасность предприятія раздѣлится между большимъ числомъ людей, и цѣна, которую они полагаютъ за жизнь свою, будетъ менѣе въ сравненіи долженствующаго постигнуть ихъ нещастія.

§ XXXIX.

О семейственномъ духѣ.

Семейственной духъ есть второй общій источникъ заблужденій и несправедливостей въ законоположеніи. Примѣчаютъ, что суровость и прочіе пороки карательныхъ законовъ одо

бряемы были просвѣщеннѣйшими людьми въ свободнѣйшихъ республикахъ, отъ того, что они государство почитали болѣе за семейственное общество, нежели за общество людей. Возмемъ въ примѣръ народъ, составленной изъ ста тысячь человѣкъ, раздѣленныхъ на двадцать тысячь семействъ, состоящихъ изъ пяти человѣкъ каждое, щитая и начальника. Если общество составится семействами, то въ немъ будетъ двадцать тысячь гражданъ, а восемдесятъ тысячь рабовъ, а если людьми, то сто тысячь гражданъ, которые всѣ будутъ свободны. По первому предположенїю будетъ республика и двадцать тысячь малыхъ монархїй, государями которыхъ будутъ начальники семействъ; по второму же, духъ свободы будетъ дышать не только въ публичныхъ мѣстахъ, въ собранїяхъ народныхъ, но даже во внутренности домовъ, въ которыхъ люди по необходимости находятъ большую часть своего блаженства или нещастїя. Такъ какъ законы и нравы всегда бываютъ

дѣйствїемъ чувствїй , къ которымъ привыкли члены политическаго общества, но, если общество составлено семействами , духъ монархическ(й нечувствительно вкрадывается въ самую республику ; ибо ему стоитъ только побѣдить противоположныя выгоды каждаго начальника семейства , а не живое и общее чувство равенства и свободы. Духъ семейственной есть духъ мѣлочной ; духъ же общественной, повелѣвая общими началами, видитъ дѣйствїя и умѣетъ выводить изъ нихъ общїя правила , полезныя для благосостоянїя большаго числа людей. Въ семейственныхъ обществахъ дѣти бываютъ подъ властїю отца во всю жизнь его , и одною его смертїю получаютъ бытїе , зависящее только отъ законовъ. Привыкнувъ препетать и ползать въ силѣ возраста , когда еще дѣятельность ихъ не удерживалась симъ страхомъ опыта , называемаго умѣренностїю, какъ можно имъ въ дряхлой и глубокой старости , въ которой человѣкъ отвлекается отъ мужественныхъ дѣлъ своею слабостїю

и малою надеждою пользоваться плодами оныхъ; какъ можно тогда, говорю я, побѣдить имъ препятствія, безпрестанно полагаемыя порокомъ щастію и добродѣтели?

Но въ такой республикѣ, въ которой всякой человѣкъ гражданинъ, связь членовъ семейства не есть дѣйствіе принужденной покорности, а условія; и дѣти, одинъ разъ вышедшіе изъ зависимости, въ которой держались природною своею слабостію и нуждою воспитанія, и здѣлавшись свободно членами общества, все еще остаются свободно подчиненными начальнику семейства, дабы имѣть участіе въ выгодахъ онаго, какъ дѣлаетъ свободной человѣкъ въ отношеніи къ большому обществу.

Въ семейственныхъ республикахъ молодые люди, то есть, часть многолюднѣйшая и полезнѣйшая изъ народа, состоятъ въ совершенной волѣ отцовъ; въ республикѣ же людей, связь, соединяющая дѣтей съ отцами, есть священныя и нерушимыя чувствія природы, приглашающія ихъ вспомоще-

ствовать другъ другу во взаимныхъ нуждахъ своихъ, а особливо чувство благодарности за благодѣянія, отъ нихъ полученныя, чувство, изпорченное не столько злобою человѣческаго сердца, какъ худо понятымъ подчиненіемъ, которое предписываютъ законы.

Сіе противорѣчіе между законами семейственными и законами положительными политическихъ областей, есть источникъ многихъ другихъ противорѣчій между нравственностію общею и нравственностію домашнею, отъ чего происходитъ безпрестанное сраженіе въ умѣ каждаго человѣка. Нравственность домашняя научаетъ повиновенію и страху, а общая мужеству и свободѣ; та заставляетъ человѣка ограничивать свое благодѣяніе малымъ числомъ людей, не по своему избранію, а сія простираетъ оное на всѣхъ ему подобныхъ. Первая приказываетъ дѣлать безпрестанныя жертвоприношенія идолу, называемому семейственнымъ благомъ, которое очень часто не бываетъ дѣйствительнымъ благомъ ни одного изъ лю-

дей, составляющихъ оное; вторая же научаетъ искать своего благосостоянїя не оскорбляя законовъ, и иногда воспламеняетъ гражданина до того, что онъ жертвуетъ собою за отечество, награждая его уже впередъ тѣмъ фанатизмомъ, которой въ него поселяетъ. Такїя противорѣчїя и неизвѣстности дѣлаютъ то, что люди не охотно слѣдуютъ добродѣтели, которой они не могутъ разпознать въ такомъ отдаленїи и мракѣ, коимъ покрываетъ ее неясность физическихъ и моральныхъ предметовъ. Сколь часто человѣкъ, разсматривая прошедшїя свои дѣяніїя, съ удивленї мъ находитъ, что онъ былъ безчестнымъ?

По мѣрѣ разпространенїя общества, каждой членъ онаго дѣлается малѣйшею частїю всего, и въ тоже время слабѣетъ духъ общественный, если законъ не будетъ стараться подкрѣплять его. Политическїя общества, подобно тѣлу человѣческому, имѣютъ предѣлъ своего приращенїя, за которой не могутъ онъ перейти

не возмущая своего порядка. Кажется, что обширность области должна быть въ обратномъ отношеніи къ степени чувствительности и дѣятельности членовъ, оную составляющихъ; ибо если бы сія чувствительность и сія дѣятельность возрастали по мѣрѣ народнаго умноженія, то и самое добро, произведенное хорошими законами, умножило бы для нихъ затрудненіе предупреждать преступленія, потому что очень трудно удерживать такихъ людей и управлять ими. Слишкомъ пространная республика не можетъ иначе избавиться деспотизма, какъ раздѣлясь на нѣкоторое число союзныхъ республикъ. Но для сего надобно, чтобы Диктаторъ деспотъ, готовый поработить ее, имѣлъ мужество Силлы и столько же дарованія на созиданіе, сколько сей Римлянинъ на разрушеніе. Если бы такой человѣкъ былъ честолюбивъ, то награжденъ бы былъ безсмертною славою; если бы былъ философъ, то благословенія его сограждан утѣшили бы его за потерю власти, хотя бы даже

и не былъ онъ нечувствителенъ къ ихъ неблагодарности.

Чемъ слабѣе чувства, соединяющія насъ съ политическимъ тѣломъ, тѣмъ болѣе усиливаются тѣ, которыя привязываютъ насъ къ предметамъ гораздо отъ насъ ближайшимъ. Подъ правленіемъ деспотизма, дружество бываетъ тверже, и семейственныя добродѣтели, (всегда посредственныя) дѣлаются обыкновеннѣе, или лучше, остаются только одни. Послѣ всего етого можно разсудить, какъ ограниченъ и коротокъ былъ взоръ большой части законодателей.

§ XL.

О Государской казнѣ.

Третья причина пороковъ уголовнаго судопроизводства есть духъ государской казны, присудствовавшей при составленіи онаго. Было время, въ которое всѣ наказанія состояли изъ денегъ. Преступленія гражданъ были отчиною Государя. Покушеніе

на общественную безопасность составляло часть роскоши богатыхъ; и Государь и чиновники, опредѣленные для охраненїя оной, находили свой щотъ въ ее оскорбленїи. Наказанїе преступленїя было тогда тяжебнымъ дѣломъ между казною, его опредѣлявшею, и виноватымъ, претерпѣвавшимъ оное; дѣло гражданское, спорное, болѣе частное, нежели общественное. Правительство имѣло тогда другїя права, нежели тѣ, которыя давало ему попеченїе о общественномъ спокойствїи, а преступникъ другїя наказанїя, нежели тѣ, которыя получилъ бы онъ по одной необходимости примѣра. Судья былъ болѣе стряпчей казенныхъ доходовъ, нежели безпристрастной изыскатель истины, сборщикъ Государевыхъ денегъ, а не покровитель и не исполнитель законовъ. Такъ какъ въ этой системѣ признаться виноватымъ значило тоже, что признаться должникомъ казны, а все производство дѣла клонилось къ тому, чтобы виноватаго заставить признаться въ этомъ,

то единственной предметъ онаго было признанїе въ преступленїи, и признанїе самое выгоднѣйшее для казны; предметъ, къ которому и теперь еще клонится все уголовное судопроизводство, ибо хотя причины и давно уже изчезли, но дѣйствїе все еще существуетъ. Отъ сего произходитъ то, что виноватый, непризнающейся въ етомъ, хотя и уличенъ неоспоримыми доказательствами, будетъ приговоренъ къ меньшему наказанїю, нежели тогда, когда бы признался, и его не будутъ пытать, для извлеченїя признанїя въ другихъ преступленїяхъ, соединенныхъ съ главнымъ, точно для того, что онъ не признался въ преступленїи, въ которомъ доказанъ. Получа признанїе въ преступленїи, судья дѣлается помѣщикомъ тѣла виноватаго, и разными обдуманными муками достаетъ съ него, какъ съ благоприобрѣтеннаго имѣнїя, столько доходу, сколько можетъ. Существо преступленїя будучи одинъ разъ доказано, признанїе обвиненнаго дѣлается убѣдительнымъ доказательствомъ; но

чтобы доказательство сіе было еще менѣе подвержено сомнѣнію, то изторгаютъ оное мученіемъ, между тѣмъ какъ сами въ тоже время соглашаются, что признаніе, здѣланное въ суда спокойнымъ и холоднымъ образомъ недостаточно къ обвиненію.

При изслѣдованіи дѣла выключаются изысканія и доказательства, которыя послужили бы къ оправданію преступника, но были бы не выгодны для казны. Не отъ сожалѣнія къ несчастному и не отъ снизхожденія къ слабости человѣческой, избавляютъ иногда его отъ пытки; но для сохраненія правъ, здѣлавшихся теперь пустыми отъ перемѣны обстоятельствъ. Судья дѣлается врагомъ преступника, то есть, несчастнаго, преданнаго всему ужасу тюрьмы, страданію и страшному будущему времени. Онъ не изыскиваетъ истинны дѣла, а ищетъ преступленія въ лицѣ обвиненнаго; разставляетъ ему сѣти, боится обидѣть самаго себя, если не, удастся ему здѣлать его виноватымъ-

и оскорбить неложность, которую человѣкъ всегда себѣ присвоиваетъ. Судьѣ отдано на волю опредѣлять признаки, по которымъ можно гражданина посадить въ тюрьму. Дабы обвиненный могъ оправдаться, то надобно, чтобы сперва обѣявленъ былъ преступникомъ, и пр. Вмѣсто *слѣдствія* дѣлается пристрастной судъ, и вотъ производство всѣхъ уголовныхъ дѣлъ во всѣхъ почти Европейскихъ просвѣщенныхъ Государствахъ. Въ нихъ не знаютъ истиннаго судопроизводства, то есть, безпристрастнаго изысканія дѣла, предписываемаго здравымъ разсудкомъ, которому слѣдуютъ военные законы и которое употребляется даже Азіатическимъ деспотизмомъ въ частныхъ дѣлахъ. Какое запутанное сплетеніе странныйшихъ нелѣпостей, которымъ едва ли повѣритъ щастливѣйшее потомство и которыя теперь видитъ одинъ только философъ, изучающейся человѣческой природѣ и ее заблужденіямъ.

§ XLI.

О средствахъ предупреждать преступленія.

Лучше предупреждать преступленїя, нежели ихъ наказывать. Предупреждать преступленїя есть предметъ хорошаго законодательства, которое ни что иное есть; какъ искуспво приводишь людей къ *величайшему* благу, или къ *самомалѣйшему* злу; но почти всѣ употребляющїяся до сихъ поръ средства дурны или противны своему намѣренїю. Никакъ не льзя подчинить безпокойной дѣятельности людей геометрическому порядку, въ которомъ не было бы неправильностей и замѣшательства. Такъ какъ поспѣшество и простота законовъ природы не воспрещаютъ, что бывъ движенїяхъ планетъ не было *возмущенїя*, то подобно сему и человѣческїя законы не могутъ воспрепятствовать, чтобы не случилось какого нибудь смятенїя и неустройства въ обществѣ, между безчисленнымъ множествомъ противъ-

ныхъ привлеченій удовольствія и огорченія. Но не смотря на ето занимаются такимъ вздоромъ люди, умомъ ограниченные, если попадется имъ въ руки какая нибудь власть. Запрещать мно їя пустыя дѣла не значитъ удерживать преступленія, могущія онъ того возпослѣдовать, а производить новыя, мѣняя по своей волѣ понятія о порокъ и добродѣтели, которыя впрочемъ выдаютъ намъ за вѣчныя и неподвижныя. Чтобы вышло изъ человѣка, если бы запретили ему все то, что могло бы ему подать случай къ злодѣянію? Все равно, что лишить его всѣхъ чувствъ. На одну причину, влекущую человѣка къ дѣйствительному преступленію, есть тысяча, заставляющихъ его дѣлать сіи ничего значущія дѣла, которыя худыми законами названы преступленіемъ; и если вѣроятность, что преступленіе будетъ здѣлано, сразмѣрна числу причинъ, влекущихъ къ оному, то умножая сферу преступленій умножишь вѣроятность, что преступленія будутъ здѣланы: большая часть

законовъ есть ни что иное, какъ исключительныя привилегіи, то есть, подать, разложенная на многихъ людей въ пользу малаго числа.

Хотители предупрѣдить преступленія? Здѣлайте, чтобы законы были ясны и просты, и чтобы вся сила государства была свединена для ихъ защищенія такъ, чтобы ни одна часть изъ оной не употреблялась на оскорбленіе оныхъ. Здѣлайте, чтобы законы менѣе благопріятспівовали разнымъ между гражданами состояніямъ, нежели всякому въ особенности гражданину. Здѣлайте, чтобы люди боялись только ихъ, и никого, кромѣ ихъ; не боялись. Страхъ законовъ спасителенъ, а страхъ, вселяемый человѣкомъ въ человѣка, есть плодовитый и пагубный источникъ преспупленій. Рабы сластолюбивѣе, развратнѣе и суровѣе людей свободныхъ. Сіи предаются наукамъ, судятъ о пользѣ общеспвенной, разсматриваютъ великіе предметы и дѣлаютъ великія дѣла, а шѣ, довольствуясь минупнымъ увеселеніемъ, ищутъ въ шуму распутства

разсѣянїя ничтожества, въ которомъ себя видятъ. Привыкнувъ къ неизвѣстности всѣхъ произшествїй, потому что законы ни одного не опредѣляютъ, слѣдствїя преступленїй дѣлаются для нихъ загадкою, что придаетъ новыя силы страсти, влекущей ихъ къ онымъ.

Въ народѣ лѣнивомъ отъ климата, въ которомъ онъ живетъ, неизвѣстность законовъ поддерживаетъ и умножаетъ его бездѣйствїе и глупость. Въ народѣ сластолюбивомъ и дѣятельномъ производитъ она то, что дѣятельность истребляется въ безчисленномъ множествѣ малыхъ заговоровъ и пронырствъ, поселяющихъ во всѣ сердца недовѣрчивость, и составляющихъ изъ притворства и измѣны основанїе общественной нравственности. Наконецъ, въ народѣ храбромъ и сильномъ, неизвѣстность законовъ рушится послѣ многихъ переходовъ отъ свободы къ рабству и отъ рабства къ свободѣ.

Хотители предупредить преступленїя? Здѣлайте, чтобы просвѣщенїе

сопровождало свободу. Чемъ болѣе разпространяются науки, тѣмъ болѣе уменьшается зло, влекущееся за оными, и умножается польза, отъ нихъ произтекающая. Дерзкой обманщикъ, (которой никогда не бываетъ обыкновеннымъ человѣкомъ) обоготворяется народомъ невѣждою, а просвѣщенный человѣкъ его презираетъ. Науки способствуютъ человѣку дѣлать сравненія между предметами. Онъ ему показываютъ ихъ съ разныхъ сторонъ, онъ умягчаютъ чувствія его чувствіями другихъ, доказывая, что подобные ему люди имѣютъ тѣже желанія, что и онъ, и заставляя предвидѣть, что онъ съ ихъ стороны встрѣтитъ тѣже сопротивленія. Отъ просвѣщенія, изобильно разпространеннаго между народомъ, изчезаетъ невѣжество и клевета, трепещетъ всякая власть, невооруженная разсудкомъ, а одна только сила законовъ остается неподвижною. Нѣтъ просвѣщеннаго человѣка, которой не любилъ бы условій, польза коихъ ясна и извѣстна, и которыя составляютъ осно-

ваніе общественной безопасности; ибо онъ сравниваетъ малое количество свободы, отъ которой отказался, съ суммою всѣхъ другихъ свободъ, которыми другіе люди для него пожертвовали, и которые, безъ законовъ, могли бы вооружиться и здѣлать противъ него заговоръ. Кто имѣетъ душу чувствительную, тотъ, посмотря на собраніе хорошихъ законовъ и увѣрясь, что онъ лишился только пагубной свободы вредить себѣ подобнымъ, принужденъ будетъ благословлять Престолъ и сѣдящаго на ономъ.

Очень несправедливо то, что будто науки всегда были вредны для человѣчества; если и бывали онѣ когда вредными, то зло было неизбѣжное. Размноженіе рода человѣческаго произвело войну, грубыя художества и первые законы, бывшіе токмо минутными условіями, которые произходя отъ кратковремянной нужды изчезали съ оною. Вотъ первая философія, которой начальныя осно-

ванїя состояли изъ малаго числа и были хорошо избраны; ибо лѣнь и малая острота первыхъ людей предохраняли ихъ отъ многихъ заблужденїй.

Но какъ съ умноженїемъ рода человѣческаго умножались и нужды онаго, то понадобились сильнѣйшїя и долговремяннѣйшїя впечатлѣнїя, для удержанїя частыхъ возвращенїй каждаго человѣка въ первобытное состоянїе дикости, которыя день отъ дня дѣлались пагубнѣе. Слѣдственно, первыя заблужденїя религїи, населившїя землю ложными божествами, создавшїя невидимой мїръ духовъ, повелителей и правителей видимаго, оказали человѣчеству величайшую политическую услугу. Должно назвать благодѣтелями рода человѣческаго тѣхъ отважныхъ людей, которые его обманули и привлекли къ подножїю жертвенниковъ послушное невѣжество. Они представили просто людину предметы, не подверженные чувствамъ, убѣгавшїе отъ него по мѣрѣ того, какъ онъ думалъ къ

нимъ приближиться и схватить ихъ, и которыхъ не смѣлъ онъ презирать, потому что никогда не зналъ ихъ хорошо; они соединили и собрали къ одному предмету различныя страсти, его обуревавшія. Таковъ былъ жребій первыхъ народовъ, составившихся изъ людей дикихъ; таковъ былъ необходимый, а можетъ быть и единственный, узелъ большихъ обществъ и эпоха ихъ составленія! Я не говорю о томъ избранномъ отъ Бога народѣ, въ которомъ чрезвычайныя чудеса и величайшія милости, замѣнили человѣческую политику. Но какъ существо заблужденія состоитъ въ томъ, что оно можетъ дѣлиться на безконечное множество частей, то ложныя науки, родившіяся отъ сихъ заблужденій, здѣлали изъ людей фанатическую толпу слѣпыхъ, толкавшихъ и уязвлявшихъ другъ друга въ лабиринтѣ, въ которой ихъ заперли, что и принудило нѣкоторыхъ чувствительныхъ философовъ сожалѣть о древнемъ дикомъ состояніи человѣчества. Вотъ первая эпоха, въ

которой науки; или говоря справедливѣе, мнѣнія пагубны.

Вторая заключается въ страшномъ переходѣ отъ заблужденія къ истинѣ и отъ мрака къ свѣту. Сраженіе истинъ, полезныхъ для большаго числа слабыхъ, противу сей необъятной толпы заблужденій, полезныхъ для малаго числа людей сильныхъ, и возмущеніе страстей, дѣлающееся въ сіе время, наносятъ величайшей вредъ нещастному человѣчеству. Читая со вниманіемъ исторію, которой главныя эпохи, выключая нѣкоторыхъ промежутковъ, почти всѣ сходны между собою, увидишь, что въ этомъ плачевномъ и необходимомъ переходѣ отъ невѣжества къ философіи и отъ рабства къ свободѣ, часто цѣлой родъ людей приносился на жертву блаженству слѣдующаго. Но какъ скоро утушается пожаръ и возстановляется спокойствіе, какъ скоро народъ избавляется отъ угнѣтавшаго его нещастія, тогда истина, стопы которой сначала

медленны, а потомъ уже удвояются, садятся на престолъ подлъ Монарховъ, а въ собраніяхъ народныхъ и въ республикахъ установляются жертвенники для ея служенія. Какъ можно думать, чтобы просвѣщеніе, разлѣянное на множество людей, было пагубнѣе невѣжества и чтобы познаніе простыхъ и истинныхъ соотношеній между вещами было плачевнѣе для человѣчества?

Правда, что слѣпое невѣжество не можетъ быть такъ пагубно, какъ посредственное и мутное знаніе; ибо послѣднее соединяетъ съ несчастіемъ, причиняемымъ невѣжествомъ, всѣ происходящія отъ ограниченнаго зрѣнія и находящіяся по сю сторону предѣловъ истинны; но человѣкъ просвѣщенный, здѣланный блюстителемъ и хранителемъ святости законовъ, есть драгоцѣннѣйшій даръ, какой только можетъ получить народъ отъ своего Государя. Привыкнувъ взирать на истину не страшась оной, возносясь надъ большою частію сихъ

всегда возрождающихся необходимостей мнѣнія, столь часто поражающихъ испинну, умѣя разсматривать человѣчество съ мѣста высочайшаго, видитъ онъ въ своемъ народѣ семейство, а въ согражданахъ столько же братьевъ; разстояніе же между знатными и народомъ кажется ему тѣмъ менѣе, что онъ однимъ взоромъ умѣетъ рбнять большое число людей. Философъ имѣетъ нужды и обязанности, неизвѣстныя простолюдину: необходимость сообразоваться въ дѣлахъ своихъ съ правилами, которыя проповѣдываль во мракѣ, и привыкну любить добродѣтель для нее самой. Нѣсколько такихъ человѣкъ составили бы блаженство цѣлаго народа; но чтобы здѣлать оное прочнымъ, то надобно, чтобы хорошіе законы столько умножили число оныхъ, что бы отъ того уменьшилась вѣроятность худаго выбора.

Другое средство предупреждать преступленія состоитъ въ томъ, чтобы правительство, опредѣленное для

сохраненїя законовъ, старалось болѣе соблюдать ихъ, нежели нарушать позволяя подкупать себя. Чемъ многочисленнѣе будетъ правительство сїе, тѣмъ менѣе можно бояться его похищенїй; ибо между многими людьми примѣчающими другъ за другомъ тѣмъ менѣе пользы увеличитъ общую власть, чемъ менѣе будетъ участокъ, которой достанется на каждаго, а особливо если они сравнятъ малость выигрыша съ опасностїю предпрїятїя. Если Государь, придавъ судьямъ слишкомъ много важности и власти и запрещая справедливыя или неосновательныя жалобы тѣхъ, которые думаютъ быть утѣсненными, приучаетъ подданныхъ своихъ боятся болѣе судей, нежели законовъ, то судьи симъ страхомъ выиграютъ, а безопасность общая и частная потерпитъ.

Можно еще предупреждать преступленїя награждая добродѣтель. Вижу, что законы всѣхъ новыхъ народовъ сохраняютъ въ разсужденїи сего предмета глубочайшее молчанїе. Если

награжденїя, раздаваемыя Академїями авторамъ полезныхъ открытїй, распространили науки и умножили число хорошихъ книгъ, то отъ чего награжденїя изъ рукъ Монарха благодѣтельнаго не умножили бы число добрыхъ дѣлъ? Монета чести всегда неизчерпаема и изобильна въ рукахъ мудраго раздавателя.

Наконецъ, вѣрнѣйшее, но труднѣйшее средство здѣлать людей лучшими, состоитъ въ усовершенствованїи воспитанїя, предметъ слишкомъ обширный и превышающей границы, мною себѣ предписанныя; предметъ, смѣю сказать, такъ тѣсно соединенный съ существомъ правленїя, что не долженъ оставаться пустымъ полемъ, обработываемомъ только малымъ числомъ мудрыхъ, во ожиданїи сихъ вѣковъ блаженства, которые слишкомъ еще отъ насъ далеки. Одинъ великїй мужъ, гонимый людьми, которыхъ онъ просвѣщаетъ, открылъ первыя начала истинно полезнаго воспитанїя. Вотъ нѣкоторыя изъ

нихъ. Заниматься болѣе представляя дѣтямъ малое число хорошо избранныхъ и ясныхъ предметовъ, нежели показывать имъ большое оныхъ число; въ физическихъ и моральныхъ явленіяхъ, кои случай или искуство учителя представляетъ уму воспитанника, замѣнять оригиналами мѣсто копій; къ добродѣтели привлекать его легкимъ путемъ чувствія, а отъ зла отвлекать непобѣдимою силою нужды и вреда, слѣдующаго за дѣломъ, а не властію, дѣйствія которой всегда неизвѣстны и которая получаетъ отъ него только минутное и притворное послушаніе, и пр.

§ XLII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ всего нами сказаннаго, можно вывести сію общую теорему, очень полезную, но мало сходную съ принятымъ обычаемъ, обыкновеннымъ законодателемъ народовъ.

Дабы наказанїе не было насилїемъ одного или многихъ противъ одного гражданина, то надобно, чтобы оно было публично, скоро, необходимо, малѣйшее, какое только возможно въ заданныхъ обстоятельствахъ, сразмѣрно преступленїю и опредѣлено законами.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
Ленина и Энгельса
Ц. К. К.